

Министерство высшего и среднего
специального образования РСФСР

Дел. 38518

КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 902"637"(571.1)

В.В.Бобров, Ю.И.Михайлов

ПАМЯТНИКИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ОБЪ-ЧУЛЫМСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Кемерово 1989

ВВЕДЕНИЕ

Обь-Чулымское междуречье как географическое понятие — условное. В большей степени оно утвердилось в археологической литературе для обозначения территории, лежащей между двумя активными центрами развития древних обществ — Верхней Обью и хакасско-минусинскими степями. С исторической точки зрения введение в научный оборот такого территориального понятия оправдано. Объективно оно и с физико-географических позиций, так как значительную часть Обь-Чулымского междуречья занимает Кузнецко-Салаирская горная область с межгорной Кузнецкой котловиной и различными ландшафтами, свойственными данному таксономическому уровню географического районирования. В северной части междуречья ландшафт представлен северной болотистой тайгой, контактирующей с горной областью. Мозаичность физико-географических ландшафтов с разнообразными почвами, фауной и флорой не могла не оказать влияния на характер хозяйственной деятельности, образ жизни и материальную культуру социальных организмов на разных ступенях исторического развития, особенно в эпоху бронзы, когда шел процесс распространения вширь производящей экономики.

В отличие от Верхней Оби и Среднего Енисея археология эпохи бронзы Обь-Чулымского междуречья историографически имеет сравнительно молодой возраст. Формирование источниковой базы здесь отстало, например, от Среднеенисейского региона на полвека и в основном завершилось к середине 80-х годов нашего столетия. Это в значительной степени позволило ликвидировать существовавшую диспропорцию в археологическом изучении восточных районов Западной Сибири, внести коррективы в процессы общеисторического развития древних обществ, в концепции культурологического и этногенетического характера.

Особое место в изучении эпохи бронзы занимает андроновская эпоха, связанная с миграционным движением федоровского населения на восток, которое, проникнув в степи и лесостепи страны гор — Южной Сибири, смогло освоить только две межгорные котловины — Кузнецкую и Хакасско-Минусинс-

кую. Горные хребты с чуждыми хозяйственной деятельности и образу жизни физико-географическими условиями, горные реки, особенно могучий Енисей, явились препятствиями в дальнейшем продвижении андроновцев-федоровцев. Видимо, в последней трети II тыс. до н.э. окончательно оформились территориальные границы андроновской культурно-исторической общности от Южного Урала до Енисея в аридной зоне Западной Сибири и Казахстана.

Андроновской культурно-исторической общности посвящено огромное количество специальных исследований как общего, так и частного характера. С момента выделения в конце 20-х годов С.А.Теплоуховым (Теплоухов С.А., 1927; 1928) андроновской культуры произошло изменение концептуального подхода в ее изучении от монокультурной линии развития с внутренней периодизацией по этапам к дефиниции – общность, содержащий ряд самостоятельных родственных археологических культур. Общепринятой стала идея о распространении в восточных районах Западной Сибири андроновско-федоровской культуры и о миграционном характере ее появления в отличие от взглядов на автотонное возникновение, основанное на эволюционистских позициях о культурно-историческом развитии (например, Комарова М.Н., 1961, с.32-73; 1962, с.50-75). Хотя если вспомнить период господства концепции монокультуры с этапами развития по К.В.Сальникову, согласно которой федоровский этап был ранним (Сальников К.В., 1951; 1967), то этот взгляд мог отражать уровень знаний андроновкой проблематики, так как в восточных районах Сибири были распространены как раз только памятники федоровского типа. Следовательно, идея о местном происхождении андроновской культуры на Среднем Енисее и близлежащих территориях имела логическую основу.

За последнее десятилетие, со середины 70-х и до середины 80-х годов, усилиями сибирских археологов проделана большая аналитическая работа по обобщению андроновских древностей ряда регионов Западной Сибири – Барабинской лесостепи (Молодин В.И., 1985), Верхнего Приобья (Матющенко В.И., 1973) и Среднего Енисея (Максименков Г.А., 1978). В исследованиях дана характеристика материальной культуры и обряда погребения, выявлены общее и специфичное, решаются вопросы хроноло-

гии, реконструированы некоторые стороны исторического порядка. Сложность исследования ряда тем, особенно общего в характеристике материальной культуры, была обусловлена отсутствием в достаточном объеме источников из Обь-Чулымского междуречья. Настоящая работа призвана заполнить эту лакуну в изучении андроновских древностей восточных районов Западной Сибири.

Первые памятники андроновско-федоровской культуры были открыты и исследованы А.И.Мартыновым и Н.Л.Членовой в Ачинско-Мариинской лесостепи, в приграничье со среднеенисейским культурно-историческим центром древности. В 1956-1957 гг. А.И.Мартыновым было раскопано 10 курганов на окраине с.Большое Пичугино, в пяти из них оказались погребения или фрагменты посуды андроновской культуры. Ситуация оказалась достаточно сложной, так как андроновские захоронения были частично или полностью разрушены тагарскими могильными сооружениями (Мартынов А.И., 1964, с.227-245). Однако были получены сведения об обряде погребения, устройстве могил, керамические материалы. В аналогичной ситуации им же было обнаружено андроновское погребение в составе таштыкского могильника у с.Михайловка на р.Кие (Мартынов А.И., 1964, с.238). В 1957 г. Урюпский отряд археологической экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Н.Л.Членовой проводил разведку в бассейне р.Урюпа. Результатом ее явилось открытие поселения в устье р.Обьюла, правого притока Урюпа, на котором был заложен раскоп площадью более 700 кв.м. На памятнике наряду с комплексом тагарской культуры и незначительным количеством материалов I тыс. н.э. была обнаружена андроновская керамика. Единичные фрагменты этой же культуры были обнаружены разведкой на берегу Ингольского Ключа и в местечке Шушул (Членова Н.Л., 1957; 1972, с.81).

Открытие и исследование памятников андроновской культуры в Кузнецкой котловине связано с именами М.Г.Елькина и директора Гурьевского народного краеведческого музея Ф.Александрова. В 1961 г. Ф.Александровым был раскопан один курган между д.Ур-Бедари и Дегтяревкой на левом берегу р.Ура. В 1963 г. М.Г.Елькин на этом крупнейшем в Обь-Чулымье андроновском могильнике раскопал 17 курганов, содержащих 28

могил (Елькин М.Г., 1967, с.89–95; 1963). Материалы этого памятника были более информативными, чем погребения Мариинской лесостепи, поэтому они стабильно вошли в научный оборот, несмотря на отсутствие до настоящего времени их полной публикации. Несколько позже, в 1966–67 гг., при раскопках поселения эпохи раннего средневековья на территории центральной усадьбы совхоза "Гурьевский" им было обнаружено несколько фрагментов андроновской керамики (Елькин М.Г., 1974, с.119–129). Сходная ситуация наблюдалась во время исследования поселения у пос.Школьного в Прокопьевском районе, где среди материалов самусько-сейминской эпохи было найдено несколько десятков фрагментов андроновской посуды. Материалы поселения, к сожалению, также не введены в научный оборот.

Исключая единичные находки фрагментов андроновской керамики на поселениях у Гурьевска и Школьного, поиск и раскопки андроновских памятников с конца 50-х – начала 60-х годов прервались почти на 20 лет. Они возобновились только в начале 80-х годов одновременно в Ачинско-Мариинской лесостепи и Кузнецкой котловине. На северо-востоке Обь-Чулымского междуречья с 1976 года начали активные полевые работы две экспедиции – Кемеровского государственного университета и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, цель которых заключалась в полном археологическом изучении зоны промышленного освоения КАТЭКа. В 1980–1981 гг. В.А.Бобков и А.И.Мартынов ведут раскопки андроновского поселения Березовский ручей, содержащего также небольшое количество фрагментов посуды ранней бронзы (Мартынов А.И., Бобков В.А., 1980, с.219). В эти же годы В.В.Бобров исследует ряд археологических объектов на Кадатском водохранилище. На поселении Кадат-III наряду с керамикой лугавской культуры были обнаружены фрагменты андроновской посуды, причем один из сосудов имел следы плавки в нем бронзы. А при исследовании обширного ритуального объекта тагарской культуры Кадат-IX раскопано пять андроновских могил (Бобров В.В., Попов Е.В., 1981, с.166; Бобров В.В., 1983, с.186–187). В 1980–1981 гг. С.Б.Гультов, исследуя Ашпыльский могильник тагарской культуры, раскопал девять андроновских погребений (Гультов С.Б., 1981, с.175–176). В эти же годы и более позднее время он

ведет раскопки Ашпыльского поселения, культурный слой которого включал материал лугавской и андроновской культур (Гультов С.Б., 1987а, с.237-238). Им же было открыто и исследовано поселение Егорьевский мыс с андроновской керамикой (Гультов С.Б., 1987б, с.85-87). В течение трех лет - с 1983 г. по 1985 г. - Тамбарский отряд под руководством В.В.Боброва исследовал поселение на берегу Тамбарского водохранилища (Бобров В.В., 1985; 1986; 1987). На северной периферии памятника был выявлен андроновский комплекс, насчитывающий более полутысячи фрагментов посуды. Особый интерес вызывает находка бронзового серпа-косаря с несомкнутой втулкой (Бобров В.В., 1988, с.57-58).

В конце 70-х - начале 80-х годов в течение ряда лет небольшими раскопками исследовал андроновское поселение на берегу Песчаного озера в Тисульском районе Кемеровской области А.М.Кулемзин (Кулемзин А.М., 1980).

Не менее значительные раскопки андроновских памятников, преимущественно могильников, в те же годы в Кузнецкой котловине проводил Кузбасский отряд Южносибирской археологической экспедиции КемГУ, возглавляемый В.В.Бобровым. Отрядом в 1984 и 1987 гг. раскопано 25 могил у с.Титово (Бобров В.В., 1986), в 1984, 1988 гг. - два кургана, содержащих 4 могилы у с.Васьково (Васьково-5), в 1986 г. - два кургана в составе могильника поздней бронзы на озере Танай (Танай I) (Бобров В.В., 1988), проведены сборы и частично раскопано поселение Падунка-2. В начале 80-х годов на западе Кузнецкой котловины проводил исследования памятников эпохи бронзы В.А.Зах. В частности, им был раскопан сложный в стратиграфическом отношении могильник Заречное-I, содержащий андроновские детские захоронения, а также поселения Куделька-I и 2 (Зах В.А., 1986, с.177-178). На первом памятнике ирменское жилище перерезало андроновский культурный слой, а на другом зафиксирован однокультурный андроновский комплекс с остатками временной жилой конструкции и колодцем.

К настоящему времени источниковая база по андроновско-Федоровской культуре Обь-Чулымского междуречья в результате полевых исследований последних лет значительно увеличилась (материалы по погребальному обряду - в три раза, материалы поселений - в 15 раз). Суммарно исследован 21 памятник -

9 могильников и 12 поселений. Андроновские памятники географически локализуются в лесостепных районах Обь-Чулымского междуречья, занимая центральные районы Кузнецкой котловины (могильники Урский, Титовский, Танай I, Васьково-5, Заречное-I; поселения Куделька -I,2, Падунка II, Школьный, Гурьевское) и Ачинско-Мариинской лесостепи в пределах северной предгорной периферии Кузнецкого Алатау (могильники: Б-Пичугинский, Михайловский, Ашпыльский, Кадат IX; поселения Ашпыльское, Кадат III, Березовский ручей, Песчаное, Егорьевский мыс, Обьюл, Тамбарское водохранилище).

История изучения памятников андроновско-федоровской культуры в Обь-Чулымском междуречье имеет достаточно четко выраженный амплитудный характер, пики которого падают на конец 50-х - начало 60-х годов и на 80-е годы. Естественно, научная аналитика андроновских древностей связана с первым этапом. Материалы Михайловского и Большепичугинского могильников нашли освещение в серии работ А.И.Мартынова, опубликованных в 60-е годы (Мартынов А.И., 1961, с.293-299; 1963; 1964, с.227-245). Рассматривая культуры II-I тыс. до н.э. в междуречье Оби и Чулыма, автор приходит к следующим выводам: 1) северокузбасские андроновские материалы относятся к окуневскому этапу культуры; 2) Ачинско-Мариинская лесостепь - единственная территория, по которой шло продвижение на восток андроновского населения; 3) территория андроновской культуры в Кузбассе охватывала среднее течение рек Урюпа, Кии, Яи и Золотого Китата, т.е. северные районы Обь-Чулымья (Мартынов А.И., 1961, с.294-295). В статье "Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье" А.И.Мартынов еще раз подтверждает два последних вывода. Что касается хронологии, то он отнес андроновские памятники северо-восточных районов Кузбасса к федоровскому этапу развития этой культуры (Мартынов А.И., 1964, с.241). Более конкретно в отличие от предшествующей работы была выражена мысль о том, что в андроновское время в бассейне р.Томи существовала особая культура лесного облика, представленная Томским могильником, Самусьским поселением и Маяковым городищем, разделяющая приобские и минусинские группы андроновского поселения, что не создавало препятствия связям между ними и частичному продвижению

в Минусинскую котловину по Ачинско-Мариинской лесостепи (Мартынов А.И., 1964, с.231). С позиции культурной принадлежности он рассматривает северокузбасские памятники как "восточный Ачинско-Чулымский вариант андроновской культуры" (Мартынов А.И., 1964, с.241). В решении проблемы происхождения культуры А.И.Мартынов больше склонен видеть автохтонное развитие "...наиболее правильно будет связывать происхождение андроновской культуры с эволюцией хозяйства у узкого ряда народов Южной Сибири, Казахстана и степного Зауралья с развитием мотыжного земледелия и пастушеского скотоводства, с первым крупным общественным разделением труда" (Мартынов А.И., 1964, с.230). Эта же его мысль нашла отражение в макете первого тома "Истории Сибири" (с.251).

Позже, в 1967 году, взгляды А.И.Мартынова на генезис андроновской культуры изменились в сторону миграционистской концепции, которые разделяли с ним М.Г.Елькин и У.Э.Эрдниев. В концентрированном виде идея представлена так, что андроновская культура образовалась в результате расселения из Южного Приуралья и Приаралья по степям Казахстана, Алтая и Кузбасса. На территории Обь-Чулымья андроновское население сначала освоило Кузнецкую котловину, а затем, через Ачинско-Мариинскую лесостепь, проникло в Хакаско-Минусинские степи (Мартынов А.И., Елькин М.Г., Эрдниев У.Э., 1967, с.18). Хронологически андроновские племена, по мнению А.И.Мартынова, существовали до скифского времени и приняли участие в формировании тагарской культуры (Мартынов А.И., 1967, с.28-30). Обращает на себя внимание тот факт, что в специальной литературе анализируются только материалы Ачинско-Мариинской лесостепи. Комплекс данных Урского могильника остается вне научной интерпретации. В 1967 г. М.Г.Елькиным была опубликована лишь небольшая статья, посвященная материалам этого могильника (Елькин М.Г., 1967, с.89-95).

Впоследствии исследователи неоднократно обращались к андроновским материалам Обь-Чулымья, раскопанным в конце 50-х - начале 60-х годов, чаще всего в качестве аналогий или для реестра андроновских памятников большого географического региона (Матющенко В.И., 1973; Максименков Г.А.,

1978). Небезынтересно замечание М.Ф.Косарева, который усматривает еловские черты в посуде из андроновских погребений Большепичугинского могильника (Косарев М.Ф., 1974, с.98). Однако, на наш взгляд, это положение недоказательно. Ближе к еловскому типу фрагменты посуды из насыпей курганов, культурная принадлежность которых к ирменской вряд ли будет вызывать возражения.

Новые материалы наряду со старыми из Урского могильника и поселения Школьного не получили освещения в археологической литературе, за исключением небольших заметок тезисного характера (Гультов С.Б., 1982; 1987б; 1988; Михайлов Ю.И., 1987; 1988; Ковтун И.В., Михайлов Ю.И., 1988). В настоящей работе авторы ставят перед собой задачу заполнить этот пробел и дать характеристику андроновско-федоровской культуре на территории Обь-Чулымского междуречья, выявить общее и особенное в материальной культуре, определить место среди однокультурных памятников степных и лесостепных районов Западной Сибири.

Авторы посвящают данную работу светлой памяти М.Г.Елькина с глубокой благодарностью за предоставленные к публикации материалы исследованных им андроновских памятников, а также признательны Н.Л.Членовой, С.Б.Гультову, В.А.Заху за возможность ознакомиться и использовать коллекции их полевых исследований. Авторы благодарны сотрудникам фотолaborатории Кемеровского госуниверситета Цеттелю Г.Я. и Кононову Н.И. за оказанную помощь в подготовке иллюстративного материала.

ГЛАВА I

ПАМЯТНИКИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБЬ-ЧУЛЫМСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Картография памятников андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья отражает современное состояние степени изученности территории. Следует признать, что с возникновением в Кузбассе археологической службы основным направлением полевых исследований являлись целенаправленные раскопки памятников. Начальному этапу этих работ — археологическим

разведкам — уделялось немного внимания. Они не только носили эпизодический характер, но и были географически локализованы, имели задачу поиска конкретных в хронологическом и культурном отношении памятников. Это привело к неравномерной изученности территории Обь-Чулымья. До сих пор слабо представлена археология южной части Кузбасса и левобережных районов р.Томи. Интенсификация археологических исследований всегда приводит к расширению свода памятников. Так было с центральными районами Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепью, особенно в правобережье р.Урюпа в связи с работами в зоне КАТЭКа, где было открыто и исследовано значительное количество новых памятников, в том числе и андроновских.

Памятники андроновской культуры в Обь-Чулымском междуречье представлены могильниками и поселениями, которые территориально приурочены к Кузнецкой котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи. Исследованные поселения содержат только культурный слой. Основной материал его — керамика. Остатков жилищ нет. Учитывая физико-географические особенности Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи, целесообразно описание и характеристику андроновских памятников Обь-Чулымья давать по районам.

Кузнецкая котловина

Андроновский могильник у с.Титово. Курганный могильник, расположен в 1,5 км к югу от с.Титово в основании узкого перешейка, образованного Большим озером (старица р.Ини) и займищем — заболоченной котловиной. У местного населения перешеек носит название "Узкая грива". В центральной части гривы находились курганы ирменской культуры, исследованные Д.Г.Савиным в 1975-76 гг. Андроновский могильник находится в двухстах метрах к юго-востоку от них. На ровном, относительно высоком участке (до 8 м), ограниченном с двух сторон сходящимися к Узкой гриве дорогами, едва заметны курганные насыпи. В юго-восточной части курганного поля в 60-е годы еще сохранялись высокие курганы с крутыми склонами эпохи средневековья. Часть из них раскопана

А.И.Мартыновым в конце 50-х - начале 60-х годов, а оставшиеся впоследствии снесены бульдозером и запаханы.

Андроновский могильник был открыт в 1978 г. В.В.Бобровым, тогда же был раскопан курган I. В 1984 и 1987 гг. исследование памятника проводилось сплошным раскопом (рис.1).

Курган I представлял собой круглое в плане земляное сооружение высотой 0,5 м. Диаметр - 12 м. Стратиграфия: I - гумус - 0,16 м; 2 - темно-серая супесь мощностью до 0,5 м; 3 - материк, светло-желтая лессовая супесь. В центре кургана находилась могила в виде грунтовой ямы. Выкид при ее сооружении зафиксирован стратиграфически и планиграфически к западу и востоку от могилы (рис.2).

М о г и л а прямоугольной формы, длинной осью ориентированная по линии северо-восток - юго-запад, а углами - по сторонам света. Размеры 2,5 x 1,7 x 2 м. На дне ямы находилось деревянное сооружение, представляющее собой раму из положенных в два яруса бревен толщиной 0,2 м. Сверху рамы было поперечное покрытие из семи-восьми горбылей. В северном углу сооружения обнаружены кусочки бересты. Размеры рамы: 2,15 x 1,15 м (рис.3-1).

Захоронение совершено по обряду трупосожжения. Почти всю площадь внутри рамы занимали мелкие жженые косточки скелета человека. В южном углу стоял плоскодонный горшок со сложным геометрическим орнаментом, выполненным гребенчатым штампом (рис.3-4). Около северо-восточной короткой стенки рамы лежали бронзовые кольчатые бусы (рис.3-3).

В 1,6 м к северо-востоку от могилы находилась яма овальной формы, назначение которой неясно. Размеры: 1,2 x 0,6 x 0,8 м. Находок в ней не было.

Курган 2. В плане овальной формы. Размеры по линии запад-восток - 8 м, север-юг - 6 м, высота 0,24 м. Стратиграфия: I - гумус - 0,15 м; 2 - темно-серая супесь - до 0,3 м; 3 - материк - лессовая светло-желтая супесь. Остатков выкида ни в профиле, ни планиграфически не выявлено. Весь материковый грунт после завершения обряда захоронения ушел на засыпку могилы. Соответственно могильное пятно на материковом фоне практически не прослеживалось (рис.4).

Однако некоторые признаки позволяли установить наличие

могилы. Здесь следует остановиться на некоторых методических приемах поиска грунтовых могил в данных топографических и геоморфологических условиях. Как уже отмечалось, материк на месте расположения памятника представлен очень плотной светло-желтой супесью, испещренной мерзлотными трещинами ячеистого характера. После перекопа супесь меняет структуру и цвет. Она становится пылевидной, беловатого цвета. То же происходило и в древности, когда выкапывали могилу. Заполнение могилы приобретало беловатый оттенок относительно материкового цветового фона. После засыпки могилы создавалась разная плотность с материком. Со временем это приводило к образованию трещины по периметру могилы, планиграфическая форма которой отличается от ячеистых мерзлотных трещин. Но ее вряд ли следует отождествлять с краем могилы. Совпадение бывает не всегда. Когда могилы относительно неглубокие и крупных размеров, к тому же содержавшие мощные деревянные конструкции, тогда в верхней части заполнения преобладает содержание гумусированного грунта. В этих случаях могильное пятно выделяется темным цветом.

М о г и л а прямоугольной в плане формы, углами ориентированная по сторонам света, а длинной осью — по линии северо-восток — юго-запад. Размеры: 2,4 x 1,4 x 1,4 м. На дне ямы находились остатки деревянного сооружения в виде ярусной двойной рамы, покрытой поперек восемью горбылями, причем наиболее толстые из них находились в юго-западной части. От первого, расколотого вдоль бревна покрытия на поверхность выходил сук. Он возвышался как столбик над уровнем материка на 0,12 м в юго-западной части могилы по центральной ее оси. Верхние бревна рамы и покрытие обуглены (рис. 12-1).

Захоронение произведено по обряду трупосожжения. Кальцинированные кости скелета занимали центральную часть внутри рамы и распространялись далее к ее восточному углу. В целом они занимали то место, где должны были располагаться остатки погребенного, захороненного по обряду трупоположения (рис. 12-2). У южного угла стоял плоскодонный горшок (рис. 16-2).

Курган 4 представлял собой овальное в плане земляное

сооружение высотой 0,3 м. Размеры по линии запад-восток - 10 м; север-юг - 8 м. Стратиграфия: I - гумус - 0,16 м; 2 - темно-серая супесь мощностью до 0,4 м; 3 - материк. В центре кургана находилась одна могила. От ее сооружения в структуре кургана остались участки материкового грунта (выкида), которые были зафиксированы планиграфически и стратиграфически. Выкид распространялся к западу, северу и частично к востоку от края могилы (рис.5).

М о г и л а в виде грунтовой ямы подквадратной формы углами была ориентирована по сторонам света. Размеры: 2,5 x 2,5 x 1,7 м У юго-западного края ямы, почти посередине, обнаружены остатки деревянного столба, уходящего вглубь до деревянного сооружения, остатки верхней части которого находились на глубине 1,2 м. На дне могилы вдоль стен были положены встык подтесанные под брус бревна, образующие двухъярусную раму. Размеры: 2 x 2 м. Высота этой конструкции 0,4 м. Сверху рама была покрыта горбылями и плахами. Первые два около юго-западной стенки отличались толщиной (0,4 м) (рис.6-1,2,3).

На дне могилы в анатомическом порядке лежали кости скелета мужчины в возрасте около 25 лет. Судя по ним, захоронение произведено в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. Причем умершего положили не по центру могилы, а ближе к юго-восточной стенке. Вдоль юго-западной стенки находились сопровождавшие погребенного вещи. В южном углу стоял крупных размеров горшок со сложным меандровым узором (рис.16-1), а в западном - аналогичный первому, но меньших размеров второй сосуд (рис.19-7). Между ними на протяжении 0,75 м лежали кости животных - три длинные кости ног, три ребра и длинная кость, длинная кость, три ребра и лопатка (рис.6-2).

В юго-западной части могильника находились два кургана (5 и 6), насыпи которых со временем слились.

Курган 5. Земляное сооружение, современный вид которого своеобразной бобовидной в плане формы. Длинной осью курган ориентирован по линии северо-запад - юго-восток. Северо-западная его периферия немного изогнута к северу. Размеры кургана: 22 - 10 м, высота 0,3 м. Стратиграфия: I - гу-

мус - 0,18 м; 2 - темно-серая супесь столбчатой структуры мощностью до 0,5 м; 3 - светло-желтая лессовая супесь. Под курганным сооружением находились шесть могил. Могилы образовывали ряд по линии северо-запад - юго-восток. Шестая от пятой смещена к северо-востоку. Именно в этом месте наблюдалось изменение конфигурации кургана. Не исключено, что в этой части могила "пристроена" к кургану 5 или был самостоятельный курган (рис.7).

М о г и л а 1 - первая в ряду с юго-востока. Она представляла собой трапециевидную в плане грунтовую яму. Размеры сторон: юго-западная - 1,8 м; северо-западная - 2,4 м; северо-восточная - 1,8 м; юго-восточная - 2,7 м. Глубина - 1,4 м. Длинной осью могила ориентирована по линии юго-запад - северо-восток, а углами - по сторонам света. На дне ямы находились остатки деревянного сооружения. Вдоль длинных стенок были положены бревна (на северо-западной сверху лежала еще жердь), служившие опорой для поперек и редко уложенных плах и горбылей покрытия (рис.12-3, 4).

Внутри деревянной конструкции находились кости скелетов мужчины тридцати-сорока лет и младенца. Погребение совершено в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. Младенец был положен вдоль согнутых в локтях рук взрослого человека. Около головы погребенных, ближе к южному углу могилы, стояли сосуды: один - горшковидной формы (рис.19-1), второй - баночной формы, небольших размеров (рис.17-6).

М о г и л а 2. Пятно ее на материковом фоне выделялось беловатым цветом с небольшим участком серой супеси. Могила прямоугольной формы, углами ориентированная по сторонам света, а длинной осью - по линии северо-восток - юго-запад. Размеры: 2,2 x 1,5 x 1,3 м. На дне ямы была сооружена деревянная рама (рис.12-8).

Внутри рамы, ближе к северо-западной стенке, лежали кости скелета подростка. Захоронение произведено в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. В южном углу могилы стоял сосуд горшковидной формы с геометрическим орнаментом, выполненным гребенчатым штампом (рис.16-3).

М о г и л а 3 представляла собой грунтовую яму прямоугольной формы. Она ориентирована сторонами по сторонам света, а длинной осью — по линии север-юг. Размеры: 1,6 х 1,3 х 1 м. На дне могилы сохранились остатки бревен, положенных вдоль длинных сторон.

На дне могилы лежали кости скелета ребенка. Он был погребен в скорченном положении, на левом боку, головой на юг (рис.12-5). Около черепа погребенного, ближе к юго-западному углу могилы, находился сосуд баночной формы, украшенный желобками и горизонтальной елочкой, выполненной оттисками гребенчатого штампа (рис.17-3). Недалеко от него найден обломок бронзового кольца, а около костей рук — обломки бронзового предмета подпрямоугольной формы.

М о г и л а 4 — грунтовая яма прямоугольной формы, ориентированная углами по сторонам света, а длинной осью — по линии северо-восток — юго-запад. Размеры: 2,5 х 1,6 х 1,6 м. Деревянное сооружение, очевидно, представляло собой покрытие на высоте 0,5 м от уровня дна могилы с упором на стенки. Покрытие было положено параллельно коротким стенкам ямы (рис.13-4).

На дне могилы, занимая ее центральную часть, лежали кости скелета мужчины в возрасте около 20 лет. Погребение совершено в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. У затылочной части черепа находился сосуд горшковидной формы с горизонтальной елочной орнаментацией (рис.45-3).

М о г и л а 5 — грунтовая яма подпрямоугольной в плане формы, углами ориентирована по сторонам света. Размер сторон: юго-западно — 2,5 м, северо-западной — 2,3 м, северо-восточной — 2,7 м, юго-восточной — 2,5 м. Глубина 1,2 м. Стенки ямы почти вертикальные, дно ровное.

В могиле были погребены три человека. Они были положены скорченно, на левом боку, головой на юго-запад (рис.15-4). В центре находились кости скелета мужчины лет двадцати. Около черепа стоял горшок с геометрическо-меандровым орнаментом (рис.19-5). За спиной взрослого, ближе к юго-западной стенке, был положен ребенок в возрасте 7-7,5 лет, у головы которого также поставлен горшковидный сосуд, но меньших размеров

(рис.19-4). Наконец, третий подросток 15-16 лет был похоронен на противоположной стороне, перед взрослым. Перед его лицом поставили небольшой сосуд баночной формы, без орнамента (рис.18-7). Немного дальше от него - горшок, украшенный по плечикам каннелюрами и гирляндой заштрихованных треугольников по тулову (рис.20-1).

М о г и л а 6 - грунтовая яма прямоугольной в плане формы, длинной осью ориентированная по линии северо-востока-юго-запад. Размеры: 2,6 x 2 м, глубина 1,3 м.

На дне ямы, судя по остаткам, было деревянное сооружение, которое представляло собой раму из положенных встык бревен, сверху покрытую положенными поперек плахами. Высота этого сооружения 0,2 - 0,3 м.

Внутри рамы в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад была похоронена женщина в возрасте 18-20 лет (рис.15-3). На дистальных концах берцовых костей обеих ног сохранилось по ряду бронзовых кольчатых бусин. Мелкие обломки бронзового предмета (вероятно, украшения) были найдены на черепе. Погребенной был поставлен горшок с меандровым орнаментом (рис.20-4) и положены куски мяса животного.

Курган 6 - овальное в плане земляное сооружение, вытянутое по линии северо-запад - юго-восток. Размеры: 22 x 11 м, высота 0,35 м. Стратиграфия: 1 - гумус - 0,18 м; 2 - темно-серая супесь мощностью до 0,5 м; 3 - светло-желтая лесовая супесь. В некоторых случаях стратиграфически и планиграфически зафиксированы небольшие участки материковых выкидов, которые локализовались у края могил 2, 3 и 4. Под курганом обнаружено шесть могил, образывавших ряд, соответствующий его длинной оси (рис.8).

М о г и л а 1 - первая с юго-востока в ряду могил. Она представляет собой грунтовую яму прямоугольной в плане формы. Могила ориентирована углами по сторонам света. Размеры: 1,5 x 1 м, глубина 0,7 м.

В могиле лежали кости скелета, принадлежавшего ребенку. Он был похоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад (рис.13-3). Около черепа, ближе к южному углу, стоял небольших размеров сосуд (рис.17-2).

М о г и л а 2 - грунтовая яма подпрямоугольной в пла-

не формы, углами ориентированная по сторонам света, а длинной осью — по линии северо-восток — юго-запад. Размеры: 2,5 х 2 м, глубина 1,2 м. Конструктивной особенностью могилы являлась материковая ступень вдоль северо-западной стенки. Ее ширина 0,4 м, высота 0,5 м. Она служила основой для покрытия из десяти горбылей, уложенных перпендикулярно длинным сторонам могилы. Таким образом, потолок покрытия был на высоте 0,5 м от дна могилы (рис. 12-9, 10).

На дне, по центру могилы, лежали кости скелета погребенного мужчины 35-40 лет. Он был похоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. Около южного угла стоял орнаментированный горшок (рис. 20-2).

М о г и л а 3 — грунтовая яма подпрямоугольной в плане формы, длинной осью ориентированная по линии юго-запад — северо-восток, а углами — по сторонам света. В заполнении повсеместно встречались мелкие кусочки древесного угля. Размеры: 2,5 х 1,7 м, глубина 1,2 м. На глубине 0,9 м было сооружено покрытие из горбылей, концы которых упирались в длинные стенки могилы (рис. 12-6, 7).

На дне могилы, ближе к северо-западной стенке, лежали кости скелета мужчины около 25 лет. Он был похоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. В южном и западном углах могилы стояли два орнаментированных сосуда (рис. 16-4; 17-6).

М о г и л а 4 — грунтовая яма трапециевидной формы (в плане), углами ориентированная по сторонам света. В заполнении, представленном перемешанным грунтом, основу которого составляла материковая супесь, как и в могиле 3, часто встречались различных размеров куски древесного угля. Но больше их было в северном углу и в юго-западной части могилы. Ее размеры: юго-западная сторона — 2,8 м, северо-западная — 3 м, северо-восточная — 2,6 м, юго-восточная — 2,9 м. Глубина могилы 1,7 м. Внутри могилы обнаружены остатки своеобразного сооружения. Вдоль северо-западной и юго-восточной стенок были сделаны материковые выступы шириной 0,3 м и высотой 0,4 м. Вдоль них лежали бревна, концы которых в северо-восточной стенке вставлены в ниши глубиной 0,3 м, а в юго-западной положены в траншее длиной 0,45-0,5 м. Свер-

ху на эту базу было уложено покрытие из горбылей, наиболее крупные из них лежали в юго-западной части могилы. В 0,7 м от юго-западной стенки по центральной оси могилы находились остатки столба диаметром 0,1 м. Высота его 1,1 м (рис.9-1-5).

На дне могилы лежали сильно потревоженные кости скелета мужчины в возрасте 50-60 лет. Но можно полагать, что погребенный лежал скорченно, на левом боку, головой на юго-запад. У юго-западной стенки находился развал крупного орнаментированного горшка (рис.9-6).

М о г и л а 5 - грунтовая яма прямоугольной в плане формы, углами ориентированная по сторонам света. Размеры: 2,3 x 1,7 м, глубина 1,05 м. Ориентация длинной оси по линии северо-восток - юго-запад (рис.14-1).

На дне могилы, ближе к южному углу и вдоль юго-восточной стенки, лежали кости скелета, принадлежащие подростку в возрасте 15-16 лет. Он погребен в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад; параллельно юго-западной стенке находились остатки бревна, возле которых стоял орнаментированный горшок (рис.20-3).

М о г и л а 6 - последняя на северо-западе в ряду могил и представлена грунтовой ямой квадратной в плане формы. Углами она ориентирована по сторонам света. Размеры: 0,8 x 0,8 м, глубина 0,4 м.

На дне лежали кости скелета грудного младенца (рис.15-5). Положение его при погребении установить невозможно из-за плохой сохранности костей. В южном углу могилы стоял сосуд баночной формы (рис.18-6).

Курган 7 - земляное сооружение круглой в плане формы. Диаметр 8 м, высота 0,18 м. Стратиграфия: 1 - гумус - 0,18 м; 2 - темно-серая супесь до 0,4 м; 3 - материк - светло-желтая лессовая супесь. В кургане обнаружено два впускных погребения эпохи средневековья. Под курганом находились две грунтовые могилы андроновской культуры. Центральное впускное погребение было расположено под первой из них (рис.10).

М о г и л а 1 - грунтовая яма прямоугольной в плане формы, углами ориентированная по сторонам света. Размеры: 2,3 x 1,3 м, глубина 1,4 м. На дне могилы лежали кости ске-

лета ребенка, который был похоронен скорченно, на левом боку, головой на юго-запад. Кости левой руки отсутствовали. Правая была согнута в локте, но кистью обращена к ногам (рис.14-3). Около черепа стоял орнаментированный горшок (рис.16-5).

М о г и л а 2 - грунтовая яма круглой в плане формы. Диаметр 1,25 м, глубина 0,9 м. На дне ямы лежали кости скелета ребенка двух-трех лет. Он погребен в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад (рис.14-4). Около головы умершему был поставлен большой формы орнаментированный сосуд (рис.19-8).

Курган 8 - земляное сооружение округлой формы. Возможно, на участке, где он расположен, соединились расплывшиеся насыпи двух курганов. Раскопана южная часть, которую определяем как курган 8. Сооружение, вероятно, овальное. Размеры 14 м и 10 м, высота 0,11 м. Стратиграфия: 1 - гумус - 0,18 м; 2 - темно-серая супесь мощностью до 0,5 м; 3 - материк. Под курганом обнаружены две могилы, образующие ряд по линии юго-восток - северо-запад.

М о г и л а 1 - прямоугольная в плане грунтовая яма, углами ориентированная по сторонам света, а длинной осью - по линии северо-запад - юго-восток. Размеры сторон: юго-западной - 2,7 м, северо-западной - 2 м, северо-восточной - 2,9 м, юго-восточной - 1,8 м. Глубина в северо-западной части 1,15 м, в юго-восточной - 1,25 м.

На дне могилы лежали кости скелетов четырех погребенных, которые располагались ближе к противоположным стенкам - северо-западной и юго-восточной (рис.15-1). У последней стенки в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад была погребена женщина 25-30 лет. Между согнутыми в локтях руками, а в коленях-ногами с ней был положен новорожденный ребенок. У стопы правой ноги женщины находились два ряда бронзовых бус. Около головы стоял горшковидной формы сосуд (рис.19-6). Вдоль северо-западной стенки в таком же положении и с такой же ориентировкой были погребены взрослый и новорожденный. В ногах взрослого положили куски мяса, о чем свидетельствуют пять ребер животного, а в головах поставили сосуды. Один из них - горшок, другой -

сосуд небольших размеров, баночной формы (рис. I9-3; рис. I8-5).

Расстояние между парами погребенных — 0,8 м. Не исключено, что в данном случае было две могилы, которые разделяла тонкая стенка. К этой мысли приводят такие факты, как несоответствие формы могилы правильному прямоугольнику и обычной ее ориентации по длинной оси, незначительное (по разнице глубины могилы в двух половинах) свободное пространство между погребенными.

М о г и л а 2 — грунтовая яма прямоугольной формы, углами ориентированная по сторонам света, а длинной осью — по линии северо-восток — юго-запад. Размеры: 2,2 x 1,7 м, глубина 1,4 м (рис. I4-2).

В центре могилы, на дне, лежали кости скелета, принадлежавшие подростку 15–16 лет, который был похоронен скорченно, на левом боку, головой на юго-запад. Около черепа погребенного находился горшковидный формы орнаментированный сосуд (рис. I9-2).

Курган II — круглое в плане земляное сооружение. Диаметр 8 м, высота 0,3 м. Стратиграфия: I — гумус — 0,18 м; 2 — темно-серая супесь мощность до 0,4 м; 3 — материк — светло-желтая лессовая супесь. В южной части кургана находилась одна могила (рис. II).

М о г и л а в плане прямоугольной формы, представляла собой грунтовую яму, углами ориентированную по сторонам света. Размеры: 1,7 x 1,4 м, глубина 0,9 м.

На дне могилы лежали кости скелетов трех погребенных. Почти всю площадь дна занимали скелеты мужчины в возрасте 25–30 лет и женщины 20–25 лет. Они были захоронены в скорченном положении, лицом к друг другу (мужчина на левом боку, женщина — на правом). Погребенные ориентированы головой на юго-запад (рис. I5-2). Около черепа женщины стоял сосуд баночной формы, украшенный по венчику горизонтальными рядами оттисков гребенчатого штампа, а по тулову — вертикальной елочкой (рис. I8-4). В ногах погребенных вдоль северо-восточной стенки был положен ребенок 5–6 лет. Он похоронен скорченно, на правом боку, головой на северо-запад. У черепа ребенка стоял небольших размеров баночный сосуд с орна-

ментом, идентичным первому (рис. I8-3). Кроме курганных захоронений, на исследованной площади могильника было обнаружено пять могил в межкурганном пространстве (МКП).

Могила 1 МКП. Не исключено, что над могилой было незначительное земляное сооружение. Нивелировка поверхности указывала на повышение в пределах 0,08 м. Могила в виде грунтовой ямы прямоугольной формы, углами ориентированная по сторонам света, а длинной осью — по линии северо-восток — юго-запад. Размеры: 1,6 x 2,2 м, глубина 0,5 м.

Внутри ямы находились остатки деревянной конструкции, представлявшей собой двухъярусную раму, покрытую поперек тонкими плахами. На дне могилы лежали кости скелетов женщины и ребенка. Они были похоронены в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. Кости скелета ребенка сильно потревожены (рис. I3-1,2). В головах погребенных были поставлены два сосуда баночной формы с одинаковой орнаментальной схемой, отличающиеся только размерами (рис. I8-1,2).

Могила 2 МКП — грунтовая яма прямоугольной формы, длинной осью ориентированная по линии северо-восток — юго-запад, а углами — по сторонам света. Размеры: 1,3 x 0,8 м, глубина 0,4 м. На дне могилы находились кости скелета младенца, лишь некоторые из них сохранили анатомический порядок (рис. I3-5). Погребенный был похоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-восток. Из сопроводительного инвентаря с ним был только орнаментированный сосуд (рис. I7-1).

Могила 3 МКП — грунтовая яма подпрямоугольной формы, углами ориентированная по сторонам света. Размеры: 1,2 x 1 м, глубина 0,7 м. На дне могилы беспорядочно лежали кости скелета ребенка (рис. I3-7). У юго-западной стенки находился орнаментированный сосуд, возле которого лежали фрагменты черепа (рис. I7-4).

Могила 4 МКП — неправильной, но близкой к подпрямоугольной, формы грунтовая яма, ориентированная длинной осью по линии северо-восток — юго-запад. Размеры сторон: юго-западной — 0,75 м, северо-западной — 1,25 м, северо-восточной — 0,65 м, юго-восточной — 1,15 м. Глубина 0,18 м (рис. I3-6). На дне ямы по центральной оси у коротких стенок стояло по

одному небольших размеров сосуду: у юго-западной – орнаментированный горшок (рис.17-5), а у противоположной – банка без орнамента.

Могила 5 МКП – прямоугольной формы, углами ориентированная по сторонам света грунтовая яма. Размеры: 1,2 x 0,9 м, глубина 0,4 м. На дне могилы лежали череп и длинные кости ребенка. Он был похоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад (рис.15-6). В южном углу могилы стоял маленький орнаментированный сосуд баночной формы (рис.18-8).

Могильник Танай I расположен на юго-западе Кузнецкой котловины, недалеко от предгорнотаежной зоны северной периферии Салаирского кряжа. Местонахождение его связано с северным берегом озера Танай, в 2,5 км к западу от д.Журавлево Промышленновского района. Могильник содержал 14 курганов. Количество их было больше. В зоне строительства дороги республиканского значения Новосибирск – Ленинск-Кузнецкий найдены остатки уничтоженных погребений. Могильник раскопан в 1986 году. 10 курганов относятся к культуре еловского типа, два кургана в северо-западной части могильника – к андроновской культуре. Культурную и хронологическую принадлежность двух курганов установить невозможно.

Курган 7 – круглое в плане земляное сооружение. Диаметр 20 м, высота 0,5 м. Стратиграфия: 1 – гумус – 0,18 м; 2 – темно-серая супесь мощностью до 0,8 м; 3 – светло-желтая супесь. Планиграфически и стратиграфически в восточной части кургана зафиксирован выкид, занимавший площадь около 20 кв.м. Под курганом обнаружены остатки ограды из относительно плоского или обломочного камня небольших размеров. Камни поставлены на уровне древней поверхности, некоторые вкопаны до материка. Ограда в плане квадратной формы, углами ориентированная по сторонам света. Размеры ее 10 x 10 м.

По центральной оси ограды с ориентацией по линии юго-восток – северо-запад в ряд располагались три могилы. К юго-востоку за пределами ограды по этой же линии находилась могила 4, а к северо-западу на уровне материка – погребение 5 (рис.21).

М о г и л а I – первая с юго-востока в ряду могил. Она

представляла собой грунтовую яму квадратной формы, углами ориентированную по сторонам света. Размеры: 2,2 x 2,2 м (рис.22-1-3).

В яме вдоль юго-восточной стенки, на глубине 1,2 м, оставлен материковый выступ шириной 0,9 м. В центральной его части находилась берестяная подстилка прямоугольной формы (0,65 x 0,5 м), на которой с юго-запада лежали обломки орнаментированного сосуда баночной формы (рис.27-2), а по всей ее поверхности — мелкие кальцинированные кости скелета. Захоронение произведено по обряду трупосожжения. Сверху погребение покрыто двумя горбылями.

Глубина могилы в северо-западной части 1,65 м. Здесь была сооружена в два яруса деревянная рама размером 1,8 x 1 м и высотой 0,25 м. Рама была покрыта семью горбылями. В юго-западной части под покрытием вертикально располагался столб диаметром 0,06 м.

Внутри деревянного сооружения, около южного угла, стоял сосуд горшковидной формы (рис.27-5), а на остальной площади находились мелкие кальцинированные кости скелета. Погребение совершено по обряду кремации.

М о г и л а 2 — центральная в кургане. Она представлена грунтовой ямой прямоугольной формы с ориентацией углов по сторонам света. Размеры: 3,2 x 2,4 м, глубина 1,7 м. Длинной осью могила ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. У западного угла зафиксирован грабительский лаз.

На дне могилы находились остатки мощного деревянного сооружения в виде двухъярусной рамы размером 2,7 x 1,8 м. Бревна рамы были подтесаны, торцы их вертикальные. Они больше напоминают брус. Концы длинных бревен имели вырубленный паз, соответствующий толщине коротких бревен. Высота рамы 0,45 м. Сверху рама была покрыта пятью горбылями шириной от 0,3 до 0,7 м, затем выстланными берестой (рис.22-4-6).

Внутри сооружения по всей площади лежали мелкие жженые кости скелета. В южном углу находился раздавленный крупных размеров горшок с меандровым узором (рис.27-3).

М о г и л а 3 — грунтовая яма прямоугольной в плане

формы. Она выделялась на фоне материка не только темным гумусированным заполнением, но и остатками столба, возвышавшимися над уровнем материка на 0,2 м. Длина его 1,1 м. Он уходил в глубь могилы до покрытия (0,9 м). Могила ориентирована углами по сторонам света. Размеры ее 2,5 x 1,8 м, глубина 1,65 м.

На дне ямы находилась деревянная рама в два яруса. На концах длинных бревен сделаны пазы, в которые положены бревна, образующие короткие стенки. Размеры сооружения 2,1 x 1,4 м, высота 0,45 м. Сверху рама покрыта пятью расколотыми вдоль бревнами. Почти вся площадь покрытия была выстлана несколькими слоями бересты. На сооружении обнаружено два крупных камня (рис.23 - 1-3). Отдельные бревна покрытия имели характерные желобчатые вмятины, вероятно, следы от канатов при транспортировке.

На дне могилы находились остатки погребения, совершенного по обряду кремации. В южном углу рамы стоял горшковидный сосуд, украшенный почти по всей поверхности каннелюрами (рис.28-1).

М о г и л а 4 находилась за пределами ограды и выделялась на фоне материка плотно утрамбованным белого цвета заполнением. Она в виде грунтовой ямы прямоугольной формы, ориентированной углами по сторонам света. Размеры могилы 1,9 x 1,4 м, глубина 1 м.

На дне могилы сооружена деревянная рама в два яруса, сверху покрытая шестью горбылями. Высота сооружения 0,45 м. Размеры его 1,7 x 0,95 м. Внутри находились остатки погребенного по обряду кремации (рис.23 - 4-6). У западного угла рамы стоял орнаментированный сосуд горшковидной формы (рис.28-2).

М о г и л а 5. На уровне материка за пределами ограды лежали кости частично сохранившегося скелета младенца со следами воздействия огня. Погребенный ориентирован головой на юго-запад. Сопровождающих вещей нет.

Курган 10 - круглое в плане земляное сооружение диаметром 16 м, высотой 0,37 м. Стратиграфия: 1 - гумус - 0,16 м; 2 - темно-серая супесь мощностью до 0,5 м; 3 - светло-желтая супесь - материк. В центральной части кургана и далее к за-

паду стратиграфически и планиграфически прослежен выкид площадью около 14 кв.м. Под насыпью кургана обнаружены остатки ограды из сланцевых плит и камней обломочного характера. Некоторые ее участки сделаны из вплотную поставленных камней, а некоторые обозначены камнями на расстоянии друг от друга. Зафиксированы две длинные стороны ограды, ориентированные по линии юго-восток – северо-запад. Длина их, видимо, 14–15 м, ширина между ними 6 м. По центральной оси внутри ограды располагался ряд из четырех могил (рис.24).

М о г и л а 1 – грунтовая яма прямоугольной в плане формы, углами ориентированная по сторонам света с незначительным отклонением. Размеры: 2,4 x 2,2 м, глубина 1,3 м.

В северо-западной части могилы на глубине 0,5 м обнаружен материковый выступ шириной 0,9 м, на котором в западном углу в беспорядке лежали кости скелета коровы. В юго-восточной части могилы на глубине 1,3 м находились остатки деревянного сооружения. Оно представляло собой раму в два яруса, покрытую горбылями. Могила ограблена (рис.25 – 4–6).

На дне, внутри рамы, найдены мелкие жженые косточки скелета человека. Захоронение совершено по обряду кремации. В юго-западной разрушенной части деревянного сооружения обнаружено несколько фрагментов сосуда.

М о г и л а 2 – грунтовая яма трапециевидной в плане формы, ориентированная длинной осью по линии юго-запад – северо-восток. Размеры сторон 2,8 x 1,7 (юго-запад) x 1,5 (северо-восток) м, глубина 1,4 м. У западного угла на 0,12 м над уровнем материка возвышались остатки столба, который вертикально уходил в глубь могилы до деревянного сооружения. Длина его 1,02 м, диаметр 0,08 м.

На дне могилы была сооружена двухъярусная деревянная рама высотой 0,35 м, покрытая семью поперек уложенными горбылями. Размеры рамы 2 x 0,9 м. В центральной части сооружения обнаружено овальной формы скопление жженных костей (рис.25 – 1–3). Погребение совершено по обряду кремации. В южный угол погребенному был поставлен горшковидный сосуд с елочной орнаментацией (рис.27–6).

М о г и л а 3 – грунтовая яма квадратной в плане формы, ориентированная углами по сторонам света с отклонением

на 10–15°. Размеры: 2,8 х 2,8 м, глубина 1,6 м. В пределах ямы, ближе к юго-западной стенке, зафиксированы параллельно расположенные два столба, концы их были выше материка на 0,15–0,18 м. Они вертикально уходили в глубь могилы до деревянного сооружения.

На дне ямы из бревен в два яруса была сложена рама высотой 0,45 м, покрытая семью горбылями. Короткие бревна рамы вставлены в пазы, вырубленные на концах длинных бревен (рис.26–1–3).

Под покрытием на дне могилы находились два овальных в плане скопления жженных костей скелета. Очевидно, в могиле погребены по обряду кремации два человека. Вдоль юго-западной стенки находились остатки жертвенных кусков мяса и два сосуда. В южном углу лежали на равном удалении пара ребер, длинная кость ноги и еще пара ребер, затем стоял сосуд горшковидной формы с меандровым узором (рис.27–4), далее следовали пара ребер, тазовая кость и снова пара ребер, и в западном углу находился второй сосуд, также горшковидной формы (рис.27–1).

М о г и л а 4 – грунтовая яма прямоугольной в плане формы, ориентированная длинной осью по линии юго-запад – северо-восток с незначительным отклонением. Над могильным пятном, ближе к центру, на 0,18 м возвышались остатки двух параллельно расположенных столбов, которые уходили в глубь могилы до деревянного сооружения. Длина их 1,1 м. Размеры могилы 2,8 х 2 м, глубина 1,6 м.

На дне могилы по периметру была сложена из бревен рама. На длинных бревнах местами сохранились кусочки бересты. Высота рамы 0,3 м. Она покрыта семью горбылями, выстланными сверху берестой. В могиле находились два скопления мелких кальцинированных костей, что свидетельствует о захоронении двух человек по обряду кремации; в южном и западном углах рамы стояли два орнаментированных горшка с меандровой декоративной схемой (рис.28–3,4)

Могильник Васьково–5. К востоку от деревни Васьково, окраину которой образует приустьевый участок р.Тыхты (правый приток р.Ини), близко к руслу расположен коренной борт высотой 15 м. Протяженность его 1 км. На восточной оконечности

борта, где он делает поворот на север, окаймляя обширную пойму, находятся два кургана андроновской культуры. Они сооружены на месте поселения эпохи ранней бронзы. Курганы едва заметны на поверхности, о их конфигурации можно судить лишь приблизительно. В 1984 г. В.В.Бобровым раскопан один из них, а в 1988 г. – второй.

Курган I – овальное в плане земляное сооружение, ориентированное длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Приблизительные размеры: длина 15–16 м, ширина 10 м, высота 0,15 – 0,2 м. Стратиграфия: 1 – гумус – 0,2 м; 2 – темно-серая супесь мощностью до 0,4 м; 3 – материк – светло-желтая супесь. Планиграфически и стратиграфически у северо-западного борта центральной могилы зафиксирован незначительный по площади выкид. В юго-западной части кургана на уровне древней поверхности обнаружены остатки двух детских впускных погребений ирменской культуры. Возможно, к ним относятся две ямы, заполненные костями лошади, положенный на поверхность череп лошади и ровик. Под курганом в ряд, соответствующий его длинной оси, располагались три могилы (рис.29).

М о г и л а I – грунтовая яма подпрямоугольной формы, углами ориентированная по сторонам света. Размеры: 2,8 х 2 м, глубина 1,7 м. На дне ямы находилось деревянное сооружение в виде неполной рамы (бревно, образующее короткую северо-восточную стенку, отсутствовало). Высота сооружения 0,3 м. Сверху рама покрыта горбылями. В юго-западной части могилы находился вертикальный столб, длина которого 1,2 м, диаметр 0,08 м.

Внутри рамы лежали кости скелета взрослого (мужчины). Он был похоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад (рис.30–I–3). Около черепа погребенного стоял сосуд (рис.32–5), а у кисти левой руки лежали обломки бронзовой бусины.

М о г и л а 2 находилась в центре кургана. Она представляла собой грунтовую яму трапециевидной формы, углами ориентированную по сторонам света. Размеры сторон: юго-западной, северо-западной и северо-восточной – 2,4 м, юго-восточной – 2,9 м. Глубина 1,6 м. В юго-западной части находились остатки деревянного столба, конец которого выше

уровня материка на 0,11 м. Он уходил в глубь могилы до деревянного покрытия. На высоте 0,4 м от дна враспор на стенки могилы было сооружено покрытие из расколотых вдоль бревен, горбылей и плах (рис.30-4-6).

Под покрытием лежали кости скелетов двух погребенных. Они похоронены в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. Около черепа погребенного мужчины, вдоль северо-западной стенки, стоял горшок со сложной меандровой орнаментацией (рис.20-5), а на ногах обнаружен ряд бронзовых кольчатых бусин. За спиной мужчины была погребена женщина, которую также сопровождал сосуд, но с упрощенной орнаментальной схемой (рис.20-6).

М о г и л а 3 - грунтовая яма подпрямоугольной в плане формы, углами ориентированная по сторонам света. Размеры: 2,4 x 1,8 м, глубина 1,7 м.

На дне ямы сооружена неполная деревянная рама (северо-восточного бревна не было), сверху покрытая горбылями. Высота сооружения 0,25 м. Внутри рамы лежали кости скелета женщины, похороненной скорченно, на левом боку, головой на юго-запад (рис.30-7-9). Около черепа погребенной находился баночной формы сосуд, орнаментированный горизонтальной елочкой (рис.32-3). На костях ног найдены две бронзовые бусины.

Курган 2 представлял собой незначительную, круглую в плане насыпь. Диаметр ее 8 м, высота 0,2 м. Стратиграфия: I - гумус - 0,16 м; 2 - темно-серая супесь мощностью до 0,4 м; 3 - материк - светло-желтая супесь. В насыпи кургана в юго-восточной и северо-западной частях находились впускные детские погребения ирменской культуры. Около могилы 3, частично разрезая ее, была яма со скелетом лошади. Андроновская могила, над которой и был возведен курган, располагалась в центре (рис.31).

М о г и л а подпрямоугольной формы, в виде грунтовой ямы. Размеры сторон: 2,6 x 1,9 м, глубина 1,9 м. На дне находились остатки деревянного сооружения, представлявшего собой раму в два яруса с поперечным покрытием из расколотых вдоль бревен и плах. По центру около юго-западной стенки сохранились остатки деревянного столба диаметром 0,12 м и дли-

ной 0,80 м. Конец столба находился у перекрытия (рис.32-1,2)

Внутри сооружения в анатомическом порядке лежали кости скелета мужчины. Погребенный был похоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. Левая рука была согнута в локте так, что кисть находилась перед лицом, а правая лежала поперек туловища. В западном углу стоял больших размеров горшок с геометрической орнаментацией (рис.32-4). Около него находились три ребра и два обломка кости крупного домашнего животного.

Могильник на р.Уре. Курганный могильник расположен на левом берегу реки Ура, между деревнями Дегтяревкой и Ур-Бедари в Беловском районе Кемеровской области. На поле, лишенном древесной и кустарниковой растительности, визуально определялись 32 кургана. Это самый крупный андроновский могильник в Кузнецкой котловине. В 1963 г. М.Г.Елькин раскопал 17 курганов. К сожалению, памятник полностью уничтожен при строительстве дороги в конце 70-х годов.

Курган I - круглое в плане земляное сооружение. Диаметр приблизительно 14 м, высота 0,25 м. Под курганом находились три могилы, расположенные в ряд по линии юго-восток - северо-запад (рис.33-1).

М о г и л а I находилась в центре кургана. Она представлена грунтовой ямой прямоугольной формы, углами ориентированной по сторонам света, а длинной осью - по линии северо-восток - юго-запад. Размеры сторон: 2,3 x 1,35 м, глубина 1,3 м. На дне ямы сооружена неполная деревянная рама из положенных встык бревен. Короткого юго-западного бревна рамы не было.

В центре могилы находилось скопление мелких жженных костей скелета. Захоронение произведено по обряду кремации. В западном углу могилы стоял орнаментированный сосуд (рис.37-2).

М о г и л а 2 - грунтовая яма прямоугольной формы, углами ориентированная по сторонам света, длинной осью - по линии северо-восток - юго-запад. Размеры ее 2,15 x 1,3 м, глубина 1,2 м. На дне могилы по длинным сторонам положены два бревна, служившие опорой для поперечного покрытия из девяти горбылей.

В центре могилы находилась кучка жженных человеческих костей, под ними следы сильного прокала. Захоронение произведено по обряду кремации. В южном углу стоял орнаментированный сосуд (рис.37-1).

М о г и л а 3 – грунтовая яма подквадратной в плане формы, углами ориентированная по сторонам света. Размеры: 2,85 x 2,65 м, глубина 1,45 м. На дне по периметру из бревен, положенных встык, сооружена рама.

В середине рамы находилось большое скопление жженных человеческих костей. Вдоль юго-западной стенки стояли шесть одинаковых по форме сосудов (рис.37-3-7).

Курган 2 – земляное сооружение округлой в плане формы. Диаметр около 15 м, высота 0,2 м. Под ним находились две могилы, расположенные в ряд по линии северо-запад – юго-восток (рис.33-2).

М о г и л а 1 находилась в центре кургана и представляла собой грунтовую яму, ориентированную углами по сторонам света с незначительным смещением. В плане она почти квадратной формы. Размеры сторон: 4,2 x 4,2 м, глубина 1,25 м.

На дне ямы из положенных вдоль стен бревен сооружена рама, внутри которой находилось скопление калцинированных костей скелета человека. Под ними зафиксированы следы сильного прокала. Вдоль юго-западной стенки могилы стояли три сосуда (рис.38-2-4). Между ними в анатомическом порядке лежали кости барана.

М о г и л а 2 – прямоугольная в плане грунтовая яма, углами ориентированная по сторонам света, а длинной осью – по линии северо-запад – юго-запад. Размеры: 3,3 x 2,4 м, глубина 1,5 м. На дне могилы вдоль стен сооружена неполная деревянная рама (северо-восточного бревна не было). В центре, внутри нее, находилось скопление калцинированных мелких костей скелета. Погребение совершено по обряду кремации. В западном углу рамы стоял орнаментированный сосуд (рис.38-1).

Курган 3 – земляное сооружение круглой формы, состоящее из темно-серой супеси с прослойкой выкида, который распространялся к югу, западу и востоку от борта могил. Диа-

метр кургана 16 м, высота 0,3 м. В центре близко друг к другу находились две могилы (рис.33-3)

М о г и л а 1 – грунтовая яма прямоугольной формы, углами ориентированная по сторонам света с незначительным отклонением к линии север-юг. Размеры: 3 х 2,2 м, глубина 1,25 метра. На дне могилы, вдоль юго-западной и северо-западной стенок, сохранились бревна деревянного сооружения, вероятно, рамы. В центре ямы лежали жженые кости скелета человека, возле которых обнаружен позвонок барана. В западном углу стоял крупных размеров орнаментированный горшок (рис.38-5).

М о г и л а 2 – квадратной формы грунтовая яма, расположенная параллельно первой могиле. Размеры: 2,9 х 2,9 м, глубина 1,17 м. На дне могилы находились остатки деревянной рамы, покрытой семью горбылями. В центре сооружения находилось скопление жженных человеческих костей, а ближе к западному углу стояли два больших орнаментированных горшка (рис.38-6; рис.39-1).

Курган 4 – земляное сооружение круглой формы, состоящее из темно-серой супеси со слоем материкового выкида в центре. Диаметр кургана 15 м, высота 0,28 м. Под земляным сооружением в ряд по линии северо-запад – юго-восток находились две могилы (рис.33-4).

М о г и л а 1 – прямоугольная грунтовая яма, углами ориентированная по сторонам света, а длинной осью – по линии северо-восток – юго-запад. Размеры: 3 х 2,2 м, глубина 1,2 м. На дне ямы сохранились остатки двух бревен, положенных вдоль юго-западной и северо-западной стенок. В центре могилы находилось скопление мелких жженных человеческих костей. Захоронение произведено по обряду кремации. Вдоль юго-западной стенки стояли два сосуда: горшок и небольших размеров орнаментированная банка (рис.39-4,5).

М о г и л а 2 – прямоугольная грунтовая яма, длинной осью ориентированная по линии северо-восток – юго-запад, а углами – по сторонам света. Размеры ее: 4,2 х 2,4 м, глубина 1,55 м. На дне по периметру ямы сложена рама из толстых бревен. Высота ее 0,55 м. Центр могилы занимало скопление жженных человеческих костей, к юго-западу от которых, у бревна рамы, стоял крупных размеров горшок (рис.39-2).

Курган 5 – круглое в плане земляное сооружение. Диаметр 13 м, высота 0,15 м. Под курганом находилась крупной размеров одна могила, которая представляла собой прямоугольную грунтовую яму, углами ориентированную по сторонам света. Размеры сторон 3,7 x 3,4 м, глубина 1,35 м. Вдоль стенок, на дне ямы, сооружена рама из положенных встык бревен (рис.34-1). По центральной оси (с юго-восточного бревна на северо-западное) рамы была положена плаха. Посредине сооружения находилась кучка жженных человеческих костей. Захоронение было произведено по обряду кремации. Около западного угла найдены два фрагмента сосуда (рис.36-3,4).

Курган 6 – земляное сооружение, форма которого практически не прослеживалась. Ориентировочные размеры ее 9-12 м, высота 0,1 м. Почти в центре кургана находилась одна могила, представлявшая собой грунтовую яму прямоугольной формы (рис.34-2). Углами она ориентирована по сторонам света, а длинной осью – по линии северо-восток – юго-запад. Вдоль стенок на дне ямы сооружена деревянная рама из положенных встык бревен. Размеры могилы 2,4 x 1,8 м, глубина 1,3 м. Внутри рамы погребение, совершенное по обряду труположения, скорченно, на левом боку, головой на юго-запад. В западном углу рамы стоял орнаментированный сосуд (рис.45-2).

Курган 7 – земляное сооружение круглой формы. Диаметр 8 м, высота 0,25 м. Под курганом находились три могилы, две из которых образовывали ряд по линии северо-восток-юго-восток, третья располагалась к юго-западу от них.

М о г и л а 1 – прямоугольная в плане грунтовая яма, углами ориентированная по сторонам света, а длинной осью – по линии северо-восток – юго-запад. Размеры сторон 2,1 x 1,45 м, глубина 1,45 м. На дне могилы, вдоль длинных сторон, положены бревна, которые поддерживали покрытие из пяти плах и горбылей. В центре деревянного сооружения на дне могилы находилось скопление жженных человеческих костей. Захоронение произведено по обряду кремации. В западном углу стоял орнаментированный сосуд (рис.40-1).

М о г и л а 2 – прямоугольная в плане грунтовая яма, длинной осью ориентированная по линии запад – восток. Размеры могилы 2,2 x 1,5 м, глубина 1,5 м. На дне сооружена

деревянная рама из положенных вдоль стен бревен. По центру на дне ямы размещалось скопление жженных человеческих костей. Захоронение совершено по обряду кремации. В юго-западном углу и юго-восточном углу могилы стояли два сосуда (рис.40-2,3).

М о г и л а 3 - прямоугольная в плане грунтовая яма, длинной осью ориентированная по линии северо-восток - юго-запад, а углами - по сторонам света. Размеры сторон 1,85 x 1,25 м, глубина 1,35 м. На высоте 0,1 м от дна могилы сооружено деревянное покрытие. Горбыли были положены параллельно коротким сторонам ямы. В центре могилы лежала кучка жженных человеческих костей, которые свидетельствуют о погребении по обряду кремации. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Курган 8. Земляное сооружение полностью уничтожено распашкой. Приблизительные его границы устанавливались по материковому выкиду при сооружении могил. Диаметр его приблизительно 9 м. Под курганом располагались в ряд две могилы.

М о г и л а 1 - прямоугольная в плане грунтовая яма, длинной осью ориентированная по линии северо-восток - юго-запад. Размеры могилы 3,0 x 2,3 м, глубина 1,5 м. На дне из бревен, положенных вдоль стен, сооружена рама, внутри которой находилось скопление жженных человеческих костей. Можно полагать, что в могиле по обряду кремации был погребен один человек. Вдоль юго-западной стенки рамы стояли два сосуда: один небольших размеров, толстостенный баночной формы (рис.39-3), другой - крупный горшок (рис.36-6).

М о г и л а 2 - прямоугольная в плане грунтовая яма, ориентированная длинной осью по линии северо-восток - юго-запад. Размеры ее 2,7 x 1,75 м, глубина 1,9 м. На дне ямы сооружена неполная деревянная рама, посередине которой лежали жженные человеческие кости. Захоронение произведено по обряду кремации. У юго-западной стенки стоял орнаментированный горшок (рис.36-5).

Курган 9 - земляное сооружение округлой в плане формы, состоявшее из темно-серой супеси с прослойкой материкового выкида. Размеры по линии север - юг 8 м, запад - восток -

10 м, высота 0,16 м. В центре под курганом находилась одна могила (рис.34-3). Она представляла собой грунтовую яму прямоугольной в плане формы, ориентированную длинной осью по линии северо-восток - юго-запад. Размеры могилы 3 x 2 м, глубина 1,8 м. На дне ямы из бревен, положенных вдоль стен, была сооружена рама, внутри которой в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад, был погребен умерший. В южном углу рамы стоял больших размеров орнаментированный сосуд (рис.41-5).

Курган 10 - круглое в плане земляное сооружение. Диаметр его 10 м, высота 0,25 м. В центре под курганом находилась одна могила в виде грунтовой ямы квадратной в плане формы (рис.34-4). Углами она ориентирована по сторонам света. Размеры ямы 2,8 x 2,7 м, глубина 1,5 м. На высоте 0,3 м от дна могилы было сооружено покрытие из горбылей, положенных параллельно юго-западной стороне. Посредине на дне могилы находилось скопление жженных костей скелета человека. Захоронение произведено по обряду кремации. В южном углу стояли два орнаментированных сосуда, возле которых лежали два бронзовых височных кольца. В западном углу стоял еще один сосуд, горшковидной формы (рис.41 - 2,3,4).

Курган 11 - земляное сооружение, в плане имевшее круглую форму. Диаметр 8 м, высота 0,3 м. Курган состоял из темно-серой супеси. В центре близко друг от друга располагались две могилы (рис.35-1).

М о г и л а 1 - грунтовая яма прямоугольной в плане формы, ориентированная длинной осью по линии северо-восток-юго-запад. Размеры сторон 2,5 x 2,1 м, глубина 1,3 м. На дне могилы вдоль длинных стенок могилы было положено по одному бревну. В центре ямы находилось скопление жженных костей скелета человека, свидетельствующее об обряде кремации. Вдоль юго-западной стенки могилы стояли четыре орнаментированных сосуда (рис.40-5; рис.41-1,6; рис.42-3,5).

М о г и л а 2 - прямоугольной формы грунтовая яма, ориентированная длинной осью по линии северо-восток - юго-запад. Ее размеры 2,6 x 2,0 м, глубина 1,3 м. На высоте 0,2 м от дна было сооружено деревянное покрытие из горбылей, положенных параллельно юго-западной стенке ямы. В

центре могилы находилось скопление жженных костей, а у юго-западной стенки — два сосуда. Захоронение совершено по обряду кремации (рис.42-1,2).

Курган I2 — земляное сооружение, круглое в плане, состоящее из темно-серой супеси с прослойкой материкового выкида. Диаметр 8 м, высота 0,3 м. В центре находилась одна могила в виде грунтовой ямы прямоугольной формы (рис.35-2). Длинной осью она ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Размеры сторон 3,3 x 2,2 м, глубина 1,7 м. На дне ямы из положенных вдоль стенок бревен сооружена деревянная рама (не было северо-восточного бревна). В центре рамы находилось скопление мелких жженных костей скелета человека, а в западном углу стоял крупных размеров орнаментированный сосуд (рис.42-4).

Курган I3 — овальное в плане земляное сооружение, состоявшее из темно-серой супеси. Размеры по линии север-юг — 12 м, запад-восток — 14 м, высота 0,25 м. В центре кургана располагалась могила в виде квадратной в плане грунтовой ямы (рис.35-3). Ее размеры 3,3 x 3,3 м, глубина 1,65 м. На дне по периметру сложена из бревен рама. Внутри рамы, по середине, находилось скопление жженных костей скелета человека. Похороненному по обряду кремации у юго-западной стенки могилы были поставлены три орнаментированных сосуда (рис.42-6; рис.43-1,2).

Курган I4 — овальное в плане земляное сооружение, состоявшее из темно-серой супеси. Его размеры по линии север-юг 8 м, запад-восток — 12 м, высота 0,15 м. Под курганом находились три могилы, расположенные в ряд по линии юго-восток — северо-запад (рис.35-4).

М о г и л а 1 — прямоугольная в плане грунтовая яма, углами ориентированная по сторонам света, а длинной осью — на северо-восток — юго-запад. Размеры сторон могилы 2,3 x 1,9 м, глубина 1,75 м. В могиле вдоль длинных стенок положено по одному бревну, на которых покоилось поперечное покрытие из толстых горбылей. В центре могилы находилось скопление жженных человеческих костей, а в южном углу стоял крупных размеров орнаментированный горшок (рис.40-4).

М о г и л а 2 — прямоугольная в плане грунтовая яма,

ориентированная так же, как вышеописанная. Ее размеры: 2,4 x 1,9 м, глубина 1,6 м. На высоте 0,2 м от дна поперек могилы было сделано покрытие из толстых горбылей, под которым лежали останки погребенного человека по обряду кремации. Скопление мелких жженных костей располагалось в центре могилы. В западном углу погребенному был поставлен орнаментированный сосуд (рис.43-4).

М о г и л а 3 располагалась вплотную с северо-запада к могиле 2 и также представляла собой грунтовую яму прямоугольной в плане формы. Размеры строго 2 x 1,8 м, глубина 1,9 м. На высоте 0,4 м от дна могилы сооружено поперечное покрытие из горбылей. Под ним в центре могилы лежали останки погребенного по обряду кремации. Умершему, ближе к западному углу, был поставлен орнаментированный сосуд баночной формы (рис.43-3).

.. **Курган 15** - круглое в плане земляное сооружение, состоявшее из темно-серой супеси. Диаметр 14 м, высота 0,26 м. В центре кургана располагалась одна могила в виде грунтовой ямы прямоугольной в плане формы (рис.36-1). Длинной осью она ориентирована по линии северо-запад - юго-восток, а углами - по сторонам света. Размеры сторон могилы: 4,3 x 3,2 м, глубина 1,85 м. На дне могилы была сооружена деревянная рама, у которой не было северо-восточной стенки. В центре могилы, занимая значительную площадь, находилось скопление жженных человеческих костей. Захоронение произведено по обряду кремации. На дне, вдоль юго-западной стенки могилы, стояли шесть орнаментированных сосудов (рис.40-6; рис.44-1,3-6).

Курган 16 - округлое в плане земляное сооружение, состоявшее из темно-серой супеси. Диаметр 10-12 м, высота 0,15 м. В центре кургана находилась одна могила в виде прямоугольной грунтовой ямы, ориентированной длинной осью по линии северо-восток - юго-запад (рис.36-2). Ее размеры 3,3 x 2,6 м, глубина 1,8 м. На дне могилы обнаружены три плахи от поперечного покрытия. Посредине ямы расчищено скопление жженных костей - остатки погребения по обряду кремации. В южном углу могилы стоял больших размеров орнаментированный сосуд (рис.43-5).

Курган I7 – круглое в плане земляное сооружение, слабо прослеживаемое визуально. Диаметр приблизительно 6–8 м. В кургане одна могила, представлявшая собой грунтовую яму прямоугольной формы. Длинной осью она ориентирована по линии северо–восток – юго–запад. Размеры сторон 2,5 х 1,7 м, глубина 1,3 м. На дне могилы лежал скелет взрослого человека. Он был погребен в скорченном положении, на левом боку, головой на юго–запад. Погребенному в южный угол могилы был поставлен орнаментированный горшок (рис.44–2).

Могильник Заречное–I. Памятник расположен в Тогучинском районе Новосибирской области, в 1,5 км к северо–востоку от с.Заречное. Местонахождение приурочено к высокой террасе на левобережье р.Ини, которая вдается в пойму небольшим мысом. Могильник состоит из восьмидесяти курганов, локализованных двумя группами. Памятник открыт и исследован в 1981 и 1983 гг. В.А.Захом. Курганы 2,3,7,8 раскопаны методом, общепринятым для исследования курганов, курганы 1,4,5,6,9,10 – сплошным раскопом, включая межкурганное пространство. Заречное–I – сложный в стратиграфическом отношении археологический памятник. Он содержит поселенческий комплекс новокаменного века и, вероятно, самусьско–сейминской эпохи, неолитические захоронения, андроновский грунтовый могильник, курганные захоронения ирменской культуры, впускные захоронения эпохи раннего железа и средневековья (Зах В.А. Отчет за 1984 г.

Всего на памятнике исследовано 22 андроновские могилы. Безусловно, грунтовым могильником считать преждевременно, так как погребение взрослого человека в кургане 7 содержало намогильное сооружение. 20 могил детских, в одной могиле захоронение взрослого и ребенка. Все могилы прямоугольные в плане, небольших размеров и мелкие, что типично для грунтовых кладбищ. Деревянные внутримогильные конструкции встречаются очень редко. Захоронения все в скорченном положении, на левом или на правом боку. Преобладает юго–западная ориентация погребенных. Сопроводительный инвентарь представлен сосудами.

Поселение Куделька –I расположено в 1,8 – 2 км к северо–востоку от г.Тогучина Новосибирской области, в пойме

на левом берегу р.Ини. С северной и северо-восточной сторон памятник ограничен древней старицей, а с запада и северо-запада разрушается рекой. Приблизительная площадь поселения 6000 кв.м. В 1984 г. В.А.Захом на северо-восточной периферии памятника было вскрыто более 600 кв.м. По мнению В.А.Заха, культурный слой поселения содержит только андроновский комплекс, который представлен фрагментами от приблизительно трехсот сосудов, бронзовым шилом, глиняным прямоугольником и концевой накладкой на лук. Посуда преимущественно баночных форм и только 20 горшки. На поселении выявлены очаги, хозяйственные ямы, колодец диаметром 2,7 м, глубиной 1,6 м. Особое значение имеют обнаруженные остатки жилища подпрямоугольной формы площадью 72 кв.м. со входом в юго-западной части. Автор раскопок классифицирует его как полуземлянку. Есть некоторые несоответствия между описанием и чертежами, в частности по характеру стенок. Глубина жилища в материке 0,1 - 0,15 м. Одна сторона по углублению не прослежена (Зах В.А., 1985). На наш взгляд, речь может идти о кратковременном жилом наземном сооружении. Но это открытие трудно переоценить.

Поселение Куделька-2 расположено на небольшом мысу, образованном р.Иней и речкой Куделькой, в 400-450 м к западу-юго-западу от поселения Куделька-1. В 1984 г. В.А.Зах раскопал 290 кв.м. В процессе раскопок было исследовано ирменское жилище, которое перерезало культурный слой, содержащий материалы андроновской культуры. Последние представлены 172 фрагментами сосудов от горшковидной и баночной форм, литейной формой и кремневым наконечником (Зах В.А., 1985).

Гурьевское поселение. Памятник открыт и исследован в 1966-67 гг. М.Г.Елькиным. Поселение расположено на мысу первой подпойменной террасы р.Качат, на территории усадьбы "Центральное" совхоза "Гурьевский". В настоящее время русло реки отстоит от памятника на 8 км. Ориентировочно площадь поселения 5180 кв.м., раскопано 4220 кв.м (Елькин М.Г., 1974, с.119-120). Культурный слой содержит материалы эпохи средневековья. К андроновской культуре относятся несколько фрагментов посуды.

Ачинско-Мариинская лесостепь

В Ачинско-Мариинской лесостепи до правобережья р. Урюпа исследовано четыре могильника и семь поселений андроновского времени. Известны также несколько местонахождений единичных фрагментов андроновской посуды. Основная концентрация археологических памятников географически связана с бассейном р. Урюпа.

Михайловский курганный могильник. Памятник расположен на высокой первой подпойменной террасе левого берега р. Кии, в 4 км к югу от с. Михайловки Чебулинского района Кемеровской области. На обширном ровном поле комнатной группой распространялись курганы, которые относятся ко II-I вв. до н.э. Южнее их находилось одновременное и однокультурное им поселение, что позволило рассматривать два археологических памятника как единый комплекс. В составе могильника один курган содержит андроновское погребение, а в насыпях курганов 4, 5 и 7 были обнаружены фрагменты андроновской посуды. Не исключено, что могильник гунно-сарматского времени сооружен на месте андроновского кладбища. Эти курганы были исследованы А.И. Мартыновым в 1958 г.

Курган 3 – круглое в плане земляное сооружение, под которым находилась одна могила в виде грунтовой ямы прямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Размеры могилы: 2,4 x 1,4 м, глубина 1,2 м. На дне могилы кости скелета человека, погребенного в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. Около черепа стояли два сосуда баночной формы.^I

I. Данные приведены по статье Мартынова А.И. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Из истории Кузбасса. – Кемерово. – 1964. – С. 227–245. В рукописи другой его статьи, хранящейся в архиве музея археологии и этнографии Южной Сибири КемГУ, указано на две могилы в кургане 3. Вторая могила в виде грунтовой ямы прямоугольной формы. Размеры: 2,3 x 1,2 м, глубина 0,8 м. На дне остатки погребения, произведенного в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. – Мартынов А.И. Памятники андроновской культуры в Северном Кузбасса // Архив МАЭЮС, дело № 544, с. 7. Таким образом, в могилах было по одному сосуду.

Большепичугинский могильник. Памятник находится на южной окраине с.Большепичугино Тисульского района Кемеровской области. Местонахождение его связано с высоким коренным бортом левого берега р.Урюпа. Могильник состоял из 21 кургана диаметром от 8 до 18 м и высотой от 0,15 м до 0,5 м. В 1956–1959 гг. А.И.Мартыновым было исследовано 10 курганов, в шести из них обнаружены погребения и материалы андроновской культуры. Результаты раскопок опубликованы (Мартынов А.И., 1964, с.227–245). Достоверность данных осложняется, во-первых, тем, что есть ряд противоречий между отчетом и последующими публикациями материалов, во-вторых, тем, что андроновские погребения были значительно нарушены сооружением более поздних тагарских могил.

Грунтовый могильник Кадат IX. Памятник находился на южной оконечности правого коренного борта реки Кадата (после сооружения плотины водохранилища), в 2 км к северо-западу от деревни Кадат. Высота борта 15 м над уровнем водохранилища. На поле, которое в настоящее время является промплощадкой Березовской ГРЭС-I, раскопано около 7000 кв.м. Здесь располагались ритуальные ямы тагарской культуры, пять андроновских погребений, частично перекрытые ими, одна тагарская могила и временная стоянка раннебронзового времени.

М о г и л а 1 – грунтовая яма прямоугольной в плане формы, длинной осью ориентированная по линии северо-восток – юго-запад. Ее размеры: 2,05 x 1,5 м, глубина 0,38 м. Могила частично перекрыта тагарской ямой меньшей глубины. Сверху могила была покрыта жердями, положенными параллельно коротким сторонам. Дерево сильно обуглено. На дне могилы находились остатки погребения, совершенного по обряду кремации (рис.46–7). В южном углу стоял орнаментированный сосуд горшковидной формы (рис.47–5).

М о г и л а 2 представляла собой грунтовую яму прямоугольной в плане формы, углами ориентированную по сторонам света. Более половины могилы разрушено тагарской ямой. В могиле, вероятно, вдоль стен, были поставлены плитки песчаника, а сверху было покрытие из тонких плах. Размеры: 1,2 x 1 м, глубина 0,35 м. В могиле находились кости скелета ребенка, положение которого при погребении установить невозможно.

жно (рис.46-6). В западном углу могилы находился маленький горшок с меандровым орнаментом (рис.47-2).

М о г и л а 3 - квадратная в плане грунтовая яма, ориентированная сторонами по сторонам света. Размеры могилы 2,3 x 2,3 м, глубина 0,85 м. Сверху яма покрыта семью бревнами, положенными концами на ее северный и южный края. Покрытие было сделано на уровне древней поверхности. Северо-восточную часть андроновской могилы перекрывала тагарская могила, глубина которой была меньше первой (рис.46-1,2).

На дне могилы лежали мелкие жженые кости скелета человека, по этим остаткам количество погребенных установить точнее невозможно. Вероятнее всего, по обряду кремации был похоронен один человек. У западной стенки могилы стояли два сосуда горшковидной формы (рис.47-3,4).

М о г и л а 4 расположена рядом, параллельно могиле 3, и представляла собой подпрямоугольную в плане грунтовую яму, ориентированную сторонами по сторонам света. Размеры: 2,7 x 2 м, глубина 0,8 м. В западной части могила была покрыта горбылями - такими, как и в предыдущей могиле покрытия соорудили на уровне древней поверхности (рис.46-5).

Остатков погребения в могиле не обнаружено. У северо-западного угла стоял орнаментированный горшок (рис.47-1).

М о г и л а 5 - грунтовая яма прямоугольной в плане формы, ориентированная длинной осью по линии ЗЮЗ-ВСВ. Размеры сторон 1,5 x 1 м, глубина 0,47 м. Внутри ямы находилось покрытие из жердей, положенных параллельно коротким стенкам. Могила была перекрыта тагарской ритуальной ямой. (рис.46-3,4).

На дне могилы лежали кости скелета ребенка. Он был похоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. В отличие от традиционного для андроновцев трупоположения у погребенного степень скорченности незначительна и руки были расположены вдоль тела. В могиле были найдены фрагменты андроновского сосуда, а в ямке на дне - кости домашнего животного.

Ащыл. Андроновские погребения находились на обширном поле курганного тагарского могильника, расположенного на высоком правом берегу р.Кадата, в 2,5 км к северо-западу от

г.Черненко (Шарыпово), который состоял из более чем сорока курганов. Раскопки могильника проводили Э.Б.Вадецкая и С.Б.Гультов в 1979–83 гг. в составе Сибирской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР. В южной части тагарского могильника, где отсутствовали курганные сооружения, было исследовано, по мнению автора раскопок, 14 могил. С большей вероятностью к андроновским погребениям можно отнести только девять могил. Еще одна андроновская могила была перекрыта тагарской в кургане 30. Андроновские могилы представлены грунтовыми ямами подпрямоугольной формы, единично – каменным ящиком. В могилах чаще находились деревянные покрытия, реже рамы. Погребения совершены по обряду ингумации и кремации. В основном в могильнике, который следует рассматривать как грунтовый, погребены дети.

Песчаное I. Поселение расположено на северо-восточном низком берегу озера, в 6 км к северо-западу от с.Вознесенки в Тисульском районе Кемеровской области. На месте нахождения поселения находится пионерский лагерь. Памятник открыт А.М.Кулемзиным. В 1974, 1979 и 1980 гг. им проводились раскопки памятника. Культурный слой поселения содержал фрагменты андроновской культуры и единичные – эпохи, видимо, средневековья. К последнему времени относятся отдельные металлические изделия. На поселении обнаружено несколько ям. Остатки каких-либо других сооружений отсутствовали. Исследованная площадь поселения – 142,5 кв.м (Кулемзин А.М., 1974; 1979; 1980).

Песчаное III. На восточном, более высоком берегу озера, на пахотном поле в 1985 году В.В.Бобровым было собрано около десятка фрагментов посуды, три из которых орнаментированы в характерной для андроновской культуры традиции.

Березовский ручей. Поселение открыто в 1977 г. В.А.Захом. Оно расположено на останце размытой первой подпойменной террасы правого берега ручья Березовского, примыкавшей к коренному борту р.Береша. На высоком, до 25–30 м, борту находились стоянка эпохи финального палеолита-мезолита, стоянка раннебронзового времени и курганный могильник тагарской культуры. Останец террасы с андроновским поселением частично перекрыт склоновыми наносами. В 1979 г. на памятнике раскоп-

ки производил В.А.Бобков, а в 1980 г. — А.И.Мартынов. Всего исследовано 236 кв.м. Культурный слой содержал фрагменты андроновской посуды и раннебронзового времени. В центре поселения находился очаг открытого типа, возле которого найден почти целый андроновский сосуд.

Обьюл. Поселение расположено на правом берегу р.Обьюла, правого притока р.Урюпа, в 1 км от деревни Ивановки, в современной пойме, на лугу. Памятник открыт в 1957 г. Н.Л.Членовой, и тогда же ею были произведены раскопки. Всего на поселении вскрыто 704 кв.м. Несмотря на незначительное количество найденных фрагментов андроновской посуды, распространялись они по всей площади поселения. К этому времени автор раскопок относит три очага открытого типа. Других сооружений не было. В андроновском слое поселения найдены также кости барана, коровы, лошади. Позже на этом месте, но на меньшей площади возникло поселение тагарской культуры. К третьему хронологическому периоду обитания на реке Обьюле населения относятся находки небольшого количества керамики, напоминающей доминскую или усть-полуйскую керамику бассейна Оби.

Во время разведки 1957 г. Н.Л.Членовой по р.Урюпу было открыто еще несколько местонахождений с единичными фрагментами андроновской посуды. При раскопках тагарского кургана в составе могильника, расположенного на правом берегу р.Обьюла, в двух километрах от р.Ивановки, возле старой мельницы, наряду с каменным инвентарем и керамикой раннебронзового времени был найден один фрагмент андроновской посуды. На правом берегу р.Обьюл, в 300 м выше устья Ингольского ключа, была обнаружена почти полностью разрушенная стоянка андроновского времени. На дороге между озерами Верхним и Средним Ошколем найден черепок андроновской культуры. Наконец, на правом берегу р.Щуцула, левого притока р.Урюпа, у дороги из с.Ново-Подзорново в с.Изындаево обнаружены три фрагмента керамики (один из них с андроновским орнаментом).

Кадат III. Поселение расположено в 2 км к северо-западу от водохранилища. Местонахождение памятника связано с разрушающейся береговой террасой около подошвы коренного борта, на котором находятся андроновский могильник и тагарский ритуальный памятник Кадат IX. Поселение открыто в

1979 г. А.М.Кулемзиным и Е.В.Поповым. Всего исследовано 250 кв.м. (?) Культурный слой содержал смешанный материал трех хронологических периодов – неолита, или ранней бронзы, андроновской и лугавской культур. К андроновской культуре относятся фрагменты посуды баночной формы с традиционным орнаментом, выполненным гребенчатым и гладким штампом. На стенках одного из сосудов видны следы плавки металла.

Ашпыл. Поселение расположено на первой надпойменной террасе правого берега р.Кадата, в 1,2 км к западу от оз. Ашпыла и в 0,5 км от тагарского могильника, на местонахождении которого были обнаружены андроновские погребения. Поселение открыто С.Б.Гультовым и было раскопано им в 1980–1985 гг. Слой содержал материалы от неолита – ранней бронзы до поздней бронзы. Андроновский комплекс, представленный керамикой, составлял около 20 процентов всех находок. Остатков жилых и хозяйственных построек этого времени на памятнике не обнаружено.

Поселение на берегу Тамбарского водохранилища, которое сооружено на р.Дудете, левом притоке р.Урюпа. Месторасположение памятника связано с приграничьем лесостепи, с предгорнотаежной зоной Кузнецкого Алатау. Протяженность поселения вдоль береговой линии около четырехсот метров. В 1983–1985 года Кузбасским отрядом Южносибирской археологической экспедиции КемГУ была исследована площадь 3000 кв.м. Длина раскопа 300 м. Культурный слой поселения содержит материалы от неолита до раннего железного века, но преобладают в количественном отношении артефакты поздней бронзы, которые распространены повсеместно. Планиграфически в северной части поселения выделяется участок длиной около ста метров, содержащий керамику андроновско-фedorовской культуры. Здесь она наряду с позднебронзовыми предметами составляет 50 процентов, а на некоторых участках является преобладающей. Андроновский керамический комплекс Тамбарского поселения представлен 581 орнаментированным фрагментом (в ранее подготовленной публикации авторы указали иное количество, так как не учитывали подъемные сборы размываемого участка поселения).

Таков современный источниковый фонд андроновских древ-

ностей Обь-Чулымского междуречья, на основании которого дано монографическое обобщение материальной и духовной культуры скотоводческого населения эпохи развитой бронзы.

ГЛАВА II ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ОБРЯД

Погребальные памятники древности – сложный и многоплановый источник. Они содержат информацию культурологического характера как материального, так и духовного плана, антропологическую, историческую, в частности, общественных и социальных отношений. Современной отечественной и зарубежной археологической наукой накоплен значительный позитивный опыт изучения погребальных памятников для решения этих задач. В советской археологии в последние годы среди исследователей приоритетной является методика анализа погребального обряда, предложенная В.Ф.Генингом и В.А.Борзуновым, которая включила в себя положительный опыт развития науки предшествующих лет (Генинг В.Ф., Борзунов В.А., 1975, с.42-72). Однако считаем, что использование ее применительно к памятникам конкретной эпохи, культуры и конкретного географического района должно быть не догматичным, а творчески осмысленным. При этом основу ее – максимальную дифференцированность признаков – необходимо оставлять неизменной. Анализ погребальных памятников с принципиально однотипным методическим подходом позволит сделать их качественно сопоставимыми.

Характеризуя погребальные памятники Обь-Чулымского междуречья, авторы ставили задачу максимальной детализации конструктивных особенностей погребальных сооружений. Выводы строились на данных, подвергавшихся перекрестной проверке, а также с учетом половозрастных характеристик погребенных, которые выполнены к.и.н. В.А.Дремовым и к.б.н. Т. Чикишевой.

По типу надгробных сооружений андроновские погребальные комплексы Обь-Чулымского междуречья можно условно разделить на две группы – курганные и бескурганные. Достоверных данных для выделения второй группы недостаточно. Чаще всего к ним относим погребения в составе более поздних кур-

ганных могильников, что могло привести к уничтожению ранних курганных сооружений. К погребальным памятникам, на которых визуально определяются остатки намогильных сооружений, относятся: в Кузнецкой котловине – могильники Урский, Титовский, Танайский, Васьковский; в Ачинско-Мариинской лесостепи – Михайловский и Большепичугинский. Бескурганные соответственно распределяются так: Заречное-І и Ашпыл, Кадат ІХ. Разумеется, делать далеко идущие выводы, картографируя погребальные памятники Обь-Чулымья по внешнему виду, преждевременно. Но предполагать их изменение представляется возможным. Следует обратить внимание на небольшое количество андроновских погребальных памятников в Ачинско-Мариинской лесостепи. При этом в правобережной части р.Урюпа они известны только грунтового типа. Далее на восток в этом физико-географическом районе андроновские погребальные памятники представлены курганами с каменными оградами. Уменьшение насыпи андроновских курганов к северу в Верхнем Приобье отмечает М.Ф.Косарев (Косарев М.Ф., 1981, с.117). Вполне вероятно, что это общая тенденция.

В Кузнецкой котловине андроновские курганы имели круглую и овальную форму. Последние длинной осью ориентированы по линии северо-запад – юго-восток. Они обычно содержат от трех до шести могил. Расположение могил соответствует длинной оси кургана, так как они образуют ряд. Большое количество могил под одним курганом характерно для Титовского могильника (курган 5 и 6) и могильника Танай-І.

Вполне возможно, что в данном конкретном случае можно говорить о подхоронении или пристройке к ранее сооруженному кургану по принципу, известному среди андроновских погребальных памятников Казахстана и Среднего Енисея. Так, в кургане 6 Титовского могильника детские могилы І и 6 находились с юго-востока и северо-запада в ряду могил. Курганные пристройки цепочкой зафиксированы на территории Среднего Енисея (Максименков Г.А., 1978). Конфигурация кургана 5 того же могильника изменена к северо-востоку, и в этой части находилась могила 6, расположение которой было вне ряда остальных могил. Такой характер пристроек также известен в ареале андроновских памятников с каменными оградами.

Данные о подобном типе курганных сооружений в составе Титовского могильника не будут ограничиваться отмеченными курганами. Начатые раскопки кургана 8 свидетельствуют об аналогичной характеристике. Таким образом, в Кузнецкой котловине, в зоне, где получило распространение земляное сооружение курганов андроновской культуры, существовали те же планиграфические принципы размещения погребений, что и на территории, на которой ведущим строительным материалом являлся камень. Причем соотношение "одиночных" курганов и курганов с пристройками приблизительно одинаково, например, на Среднем Енисее и в Кузнецкой котловине. Так, на Енисее раскопано "одиночных" курганов — II9, с пристройками — I6 (Максименков Г.А., 1978, с.54); в Кузнецкой котловине — соответственно 29 и 3.

Наличие в Кузнецкой котловине "одиночных" курганов и курганов с пристройками в какой-то степени делает понятным и нахождение в данном регионе курганов с оградами под земляным сооружением. В отличие от казахстанских и енисейских погребальных памятников каменные ограды, обнаруженные в курганах могильника Танай I, имеют рудиментарный облик. Однако характер их сооружения, вкапывание плиток и установка их вертикально тождественны оградкам, распространенным к востоку в другой межгорной котловине — Минусинской и к западу — в степях Казахстана. Ограды Кузнецкой котловины прямоугольные в плане, углами ориентированы по сторонам света. На территории андроновской культуры довольно широкое распространение получили круглые курганы; четырехугольные известны наряду с ними, но количество их значительно меньше.

Размеры курганов Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи колеблются в пределах от 8 м до 20 м (в среднем 10-12 м), высота их от 0,1 м до 0,5 м. В целом различия во внешнем виде курганов рассматриваемой территории с сопредельными регионами, особенно среднеенисейскими, сводятся только к строительному материалу, из которого они сооружены. Земляные курганы — особенность лесостепных районов Западной Сибири. Но отмеченные признаки — пристройки, наличие под насыпью каменных оград — выделяют курганы Кузнецкой

котловины в этой зоне и сближают их с енисейскими.

О характеристике погребальных сооружений более определенно можно судить по материалам Кузнецкой котловины. Всего в межгорной котловине раскопано 65 андроновских могил, в Ачинско-Мариинской лесостепи – 20. Все они представляли собой грунтовые ямы прямоугольной или квадратной в плане формы, ориентированные в основном углами по сторонам света, а длинной осью – по линии северо-восток – юго-запад. Размеры ям, в которых погребены взрослые, колеблются в пределах от 1,7 x 1,4 м до 4,2 x 4,2 м. В Урском могильнике значительно количество могил с размерами около трех метров и более (15 из 28), в Титовском – 1 из 25. Глубина могильных ям – от 0,9 м до 2 м. Средняя глубина могил в Васьковском могильнике – 1,60 м, в Танайском – 1,5 м, в Урском – 1,5 м, в Титовском – 1,3 м. Размеры детских могил редко превышают полтора метра, глубиной они от 0,18 м до 1 м. Причем могилы в межкурганном пространстве были минимальной глубины – 0,18 – 0,7 м, что, в общем, свойственно грунтовым андроновским могильникам. На основании приведенных метрических данных можно сделать вывод о том, что андроновские могилы Кузнецкой котловины имеют крупные размеры и значительную глубину. В сравнении с аналогичными данными одновременных и однокультурных памятников сопредельных территорий это будет являться отличительной чертой.

На Среднем Енисее глубина ямы чаще не превышает высоты внутримогильного сооружения, хотя известны единичные могилы глубиной до 3 м и более. Они связаны с не типичными для этого региона внутренними конструкциями или с обрядом кремации, например, могила I кургана 442 могильника Сухое озеро (Максименков Г.А., 1978, табл. XXV; XXVI-I). В Барабинской лесостепи, где распространены земляные андроновские курганы, глубина могил меньше, чем в Кузнецкой котловине (Молодин В.И., 1985, рис. 55-57). То же можно отметить для лесостепного Алтая и Томского Приобья. Ачинско-мариинские могилы по сравнению с кузнецкими меньших размеров и глубины, средняя величина которой не превышает один метр (для Михайловского и Большепичугинского могильников – 0,9 м, для могильника Кадат IX и Ашпыл – 0,65 м). По метрическим данным,

андроновские могилы Ачинско-Мариинской лесостепи ближе могилам Томского Приобья.

В связи с вышеизложенным следует признать, что различия по внешнему виду курганов и метрическим данным могил и их использование для выделения локальной специфики культуры имеют относительный характер.

По внутримогильным сооружениям можно выделить следующие типа: погребения в деревянных рамах, в деревянных рамах с покрытием, в грунтовых ямах с покрытием и в грунтовых ямах без сооружений. Количественно они распределяются по андроновским могильникам Кузнецкой котловины следующим образом:

Памятник	Тип сооружения	Деревянная рама	Рама с покрытием	Покрытие	Без сооружений	Кол-во могил
Урский	17	2	8	1	28	
Титовский	2	7	3	13	25	
Васьково У	-	3	1	-	4	
Танай I	-	8	-	-	8	
И т о г о:	19	20	12	14	65	

Суммарно могилы с внутренней конструкцией составляют 78,46%, среди них могилы с рамами - 29,23%, с рамами с покрытиями - 30,77%, могилы с покрытиями - 18,46%. Без сооружений внутри грунтовой ямы известно 21,54% могил. Процент последних достаточно велик в связи с тем, что могилы в межкурганном пространстве и детские под курганными сооружениями либо не содержали внутримогильных конструкций, либо последние не сохранились. А поскольку эти погребения найдены только в составе Титовского могильника, то там этот показатель значителен - 52%. Если их исключить из подсчетов, то могилы без сооружений в могильнике будут составлять 29,41%. Первый тип (деревянная рама) характерен для Урского могильника, второй (рама с покрытием) - для Титовского, Танайского и Васьково-5. Рама в андроновских могилах Кузнецкой кот-

ловины представлена как одним рядом или ярусом, так и двумя. Двухъярусные рамы все с покрытием. В могильнике Танай I из 8 могил только одна была с рамой из одного яруса. В Титовском могильнике в курганах I, 2, 4 и в могиле I МКП, кургане 2 Васьково-5 рамы были сооружены также в два яруса. Обычно рама представляла собой положенные встык бревна по периметру могилы. Короткие бревна укладывали между концами длинных. В могильнике Танай I отмечен иной прием, когда на концах длинных бревен вырубали паз, соответствующий размером толщине коротких бревен, в который их и закладывали. Заготовка бревен для могильных сооружений была делом трудоемким, требующим специальных инструментов и транспортировки. В некоторых случаях зафиксированы бревна диаметром 0,5 - 0,7 м. О том, что у населения, оставившего исследованные памятники, были пилы, свидетельствуют прямые торцы бревен. На могильнике Танай I удалось зафиксировать единственный случай, когда на дереве от рамы сохранились вмятины от веревки, образовавшиеся, очевидно, при транспортировке к месту сооружения могил.

Известные в настоящее время типы деревянных конструкций и некоторые их внутренние варианты соблазнительно представить как эволюционный ряд. Если наиболее качественно выполненные двухъярусные рамы с покрытием, типа обнаруженных в могильнике Танай I, принять за изначальные, то дальнейшее развитие шло по двум направлениям: I-е - рама одноярусная - неполная рама; 2-е - одноярусная рама с покрытием - два длинных бревна рамы и покрытие - покрытие.

Тип могил с покрытиями имеет несколько вариантов: покрытия внутри могилы и на уровне древней поверхности. Последний вариант встречен на двух могилах в составе грунтового памятника Кадат IX. Внутренние покрытия сооружались или враспор на стенки могилы, или в могиле делался материковый выступ, на который одним концом укладывали горбыли. По сути второй вариант близок могилам с покрытием, положенным на бревна, располагавшиеся вдоль длинных стенок могилы. Короткие бревна, которые бы с ними образовывали раму, в данной ситуации отсутствовали. В Титовском могильнике, в кургане 6, могиле 4, была такая конструкция, которая

сочетала материковые выступы вдоль длинных стен и бревна, но последние были заведены в пазы, сделанные на высоте выступов в коротких стенках ямы. Ширина выступов позволяет полагать, что бревна вряд ли могли выполнять роль опорных несущих конструкций. Эта могила единственная на данном памятнике с размерами сторон 3 м. Наконец, следует отметить, что покрытие во всех случаях было более мощным в юго-западной части могилы. Обычно в этой части первыми укладывали два расколота вдоль толстых бревна, а далее — горбыли и плахи.

Небезынтересна такая конструктивная особенность андроновских могильных сооружений, как деревянные столбы. Они обнаружены в могильниках Титово, Танай I, Васьково-5 и представляли собой или толстый сук от первого юго-западного бревна покрытия, выходящий на поверхность, или кол, вертикально расположенный и концом упирающийся в покрытие. Количество их по памятникам распределяется следующим образом: Титово — 3, Танай I — 7, Васьково-5 — 3. В могилах 3 и 4 кургана 10 могильника Танай I их было по два. Обращает на себя внимание то, что столбы находились в могилах с мощными внутримогильными сооружениями и связаны с такими их типами, как двухъярусная рама с покрытием — 9, одноярусная рама с покрытием — 2, с покрытием — 2. В четырех случаях удалось установить, что в данных могилах погребены мужчины старше 25 лет и в одном — парное захоронение мужчины и женщины в таком же возрасте. Аналогичные столбы обнаружены на Среднем Енисее в могильниках Орак, Каменка, Ланин Лог. Все они зафиксированы в могилах, где были сооружены деревянные рамы с покрытием (Максименков Г.А., 1978, с.58). При этом следует считать, на наш взгляд, что рамы с покрытием — не типичная черта погребальных сооружений в среднеенисейском регионе. По статистическим данным Г.А.Максименкова, из 281 могилы только в 42 были деревянные конструкции, причем в это число вошли и могилы из Б.-Пичугино, расположенного в Обь-Чулымском междуречье (Максименков Г.А., 1978, с.58, табл.4). Появление их в зоне с традиционной каменной архитектурой, несомненно, связано с западными районами, и прежде всего с Кузнецкой котловиной. Вероятнее всего, они отражают истори-

чески обусловленные связи.

К другим особенностям при сооружении андроновских могил следует отнести употребление бересты, которую стлали поверх покрытия. Три случая зафиксировано в могильнике Танай I и два — в могильнике Титово. В кургане 7, могиле I, погребение (видимо, детское) по обряду трупосожжения было совершено на материковом уступе. Кучка жженных костей лежала на берестяной подстилке прямоугольной формы. Наконец, в могиле 3 кургана 10 того же могильника, Танай I, под сосудами удалось зафиксировать отпечатки листьев осоки и камыша. Не исключено, что было выстлано все дно могилы. Следует отметить, что обычай покрывать дно камышом характерен для андроновских погребальных памятников западных районов их распространения, особенно Казахстана (Оразбаев А.М., 1958, с.216–294). Известны камышовые подстилки и в могильнике Орак (Комарова М.И., 1961).

В Ачинско-Мариинской лесостепи представлены все отмеченные типы внутримогильных сооружений. Неясно лишь, сооружались ли рамы с покрытием. Нет также могил с материковыми выступами-ступенями. Но в отличие от памятников Кузнецкой котловины здесь в составе Ашпыльского могильника зафиксировано одно захоронение в каменном ящике (Гультов С.Б., 1982, с.103–104).

Андроновцы Обь-Чулымского междуречья хоронили умерших по обряду трупоположения и трупосожжения. О какой-то закономерности в расположении памятников по обряду погребения более определенно можно судить для Кузнецкой котловины. Так, для могильников Ур и Танай I характерен обряд кремации, для памятников среднего течения р.Ини — Титово и Васьково — обряд ингумации. В Урском могильнике из 28 могил только в трех захоронение произведено по обряду ингумации, а в Титовском из 34 погребенных только двое кремированы. Географическая локализация андроновских памятников с разным по характеру обрядом погребения требует еще объяснения. Но этот факт зафиксирован В.И.Молодиным и для Барабинской лесостепи (Молодин В.И., 1985, с.108–109). В Ачинско-Мариинском районе во всех могильниках встречены погребения как по обряду кремации, так и ингумации. В Б.-Пичугинском могильнике

предположительно из 9 в двух зафиксировано трупосожжение, на Кадате IX – из пяти в трех, в Ашпыльском – из 9 в двух. Аналогичная ситуация продолжает сохраняться в этом районе к востоку, в курганных могильниках с каменными оградами и отчасти в памятниках андроновской культуры Минусинской котловины. Можно считать, что обряд кремации не характерен для среднеенисейского района, где известно всего 19 случаев, причем семь из них связаны с деревянными рамами. Дать более точные количественные оценки по обряду погребения для Кузнецкой котловины не представляется возможным, так как М.Г.Елькиным в процессе раскопок Урского могильника не определялось число погребенных в могиле. Но отмечена достаточно четкая закономерность в локализации различных по обряду памятников: южная группа – могильники Танай I и Ур, северная – Титово и Васьково.

По обряду ингумации умерших хоронили в скорченном положении, с согнутыми в коленях ногами и в локтях руками, так чтобы кисти находились перед лицом, на левом боку. Известен только один случай, когда погребенного положили на правый бок (курган II, Титово). При этом следует отметить, что в могиле мужчина и женщина были похоронены лицом друг к другу, что объясняет изменение положения. Обращает на себя внимание такая стабильность положения в андроновских могилах Кузнецкой котловины. На сопредельных территориях при доминирующем захоронении на левом боку встречены погребения и на правом.

О количестве погребенных в одной могиле судить трудно из-за несовершенства методики раскопок и фиксации в полевой документации прежних лет. Это прежде всего касается исследованных памятников Ур и Б.-Пичугино. Из 65 могил Кузнецкой котловины (если учесть, что могила 2 кургана 8 могильника Титово представлена двумя погребальными сооружениями) достоверные данные дают только 37. Одиночные захоронения являются преобладающими. Их известно 27, парных погребений – восемь и могил, в которых похоронено три человека, – две.

Ориентация погребенных в андроновских могильниках Обь-Чулымского междуречья довольно стабильная. В Кузнецкой кот-

ловине практически все были положены головой на юго-запад. Исключение составляют два детских захоронения. В могиле 3 кургана 5 ребенок был ориентирован на юг, а в кургане II вместе с мужчиной и женщиной ребенок, положенный в ногах, был обращен головой на северо-запад (рис.66-1). В детском грунтовом могильнике Заречное-I из 17 погребений по одному случаю зафиксированы западная, восточная, южная ориентировки и два - северо-западная (рис.66-3). В Ачинско-Мариинской лесостепи достоверно можно судить о 12 погребениях с юго-западной ориентацией, о пяти - с западной и об одном - с северо-западной (рис.66-2). В связи с данным признаком погребального обряда можно сделать два вывода. Во-первых, в памятниках Кузнецкой котловины в отличие от сопредельных территорий, и прежде всего Среднего Енисея, наблюдается более устойчивая ориентация погребенных - головой на юго-запад. Это касается захоронений как взрослых, так и детей. Если исключить могильник Заречное-I, то из 12 детских погребений только у двух ориентировка не совпадает с общепринятой. Во-вторых, на северо-восток, ближе к Среднеенисейскому региону, можно предполагать большую переменчивость в ориентации, но в пределах западных румбов. Однако считаем, что этот вывод нуждается в дополнительных фактах.

Сопроводительный инвентарь в андроновских погребальных сооружениях представлен преобладающим количеством глиняной посуды. Безотносительно к количеству погребенных наблюдается тенденция уменьшения числа могил с одним сосудом с увеличением их размеров и формы. Так, в квадратных могилах при стороне свыше 2 м редко встречается один сосуд, и только в них найдено от трех до шести сосудов. Однако в могилах с обрядом трупосожжения и с четкой фиксацией индивидуумов по обряду трупосожжения достоверно установлен факт наличия с погребенным только одного сосуда. Два сосуда с погребенным встречаются крайне редко. Они были обнаружены в кургане 6, могиле 3 (Титово), где погребен мужчина 25 лет, в кургане 5, могиле 5, в которой с погребением женщины, женщины и ребенка стояли четыре сосуда, и в кургане 4 с захоронением мужчины 25 лет. Обращает на себя внимание, что два сосуда встречаются только с мужчинами. Всем формам

внутримогильных сооружений в сопроводительном инвентаре соответствует один сосуд. И только в могилах, в которых обнаружены деревянные рамы, находилось от одного до шести сосудов. Наибольшее количество сосудов обнаружено в могилах с захоронением по обряду кремации, причем они все (курган I, могила 3, Ур) или почти все (курган I5, Ур) однотипны по форме и декоративной схеме. Форма посуды дифференцирована по возрастному признаку погребенных. Крупных размеров горшки ставили только с мужчинами и женщинами. Детей сопровождали обычно небольшие сосуды баночной формы и, за редким исключением, горшки. В первой группе различия по половому признаку отражает декоративная схема, что будет объяснено ниже в разделе, посвященном анализу керамики.

Кроме посуды, в андроновских могилах Обь-Чулымского междуречья найдены бронзовые изделия, представлявшие собой украшения. Два височных кольца были найдены в кургане IO Урского могильника, низки кольчатых бус на голени ног обнаружены в Васьковском (курган I, могила 2) и Титовском (курган I, курган 5, могила 6, курган 8, могила I) могильниках. Наконец, в кургане 5, могиле 3, Титово, с погребенным было бронзовое кольцо. Набор металлических изделий, его минимальное количество в погребальных сооружениях типичны не только для рассматриваемой территории, но и для однокультурных памятников сопредельных районов, за исключением Томского Приобья.

К числу находок сопроводительного характера в андроновских погребениях следует отнести куски мяса. Вряд ли целесообразно рассматривать их только как жертвоприношение. Возможно, это необходимая пища умершему. Но, скорее всего, положение мяса в могилу имело синкретичный смысл. Кости животных были зафиксированы в шести могилах (кург.4, кург.8, мог. I, мог.2; кург.5, мог.6, Титово; кург. IO, мог.3, Танай I; кург.2, Васьково-5). Обычно это передняя четверть молодого барана. Мясо животных клали около сосудов. Жертвенный характер его позволяют предполагать строго определенная порционность и нахождение с отдельными погребенными.

Анализ погребальных сооружений и обряда погребения андреевско-федоровской культуры Обь-Чулымского междуречья поз-

воляет сделать ряд выводов. Во-первых, к общеандроновским чертам восточных районов ареала культуры на рассматриваемой территории относятся курганы и грунтовые захоронения, наличие деревянных внутримогильных сооружений типа рамы, обряд кремации и ингумации, преобладающая юго-западная ориентация, основной сопроводительный инвентарь – посуда с однотипной морфологией, техникой нанесения орнамента и декоративной схемой. Во-вторых, внутри региона наблюдаются различия погребальных памятников. Так, ачинско-мариинские, которые по характеристике тяготеют к андроновским погребениям Томского Приобья и отчасти близки лесостепным Среднеенисейского региона, отличаются от памятников Кузнецкой котловины меньшей глубиной могил, отсутствием курганов с могилами больше двух. У них нет двухъярусных рам и рам с покрытием, материковых ступеней, но известны покрытия над грунтовой ямой. Для погребальных памятников Кузнецкой котловины характерно: 1) земляные курганы содержат конструктивные особенности (пристройку, ограду), свойственные зоне, где камень являлся основным материалом для их сооружения. Вполне резонно было бы усматривать в этом сохранение традиции в новой экологической обстановке; 2) значителен процент курганов (более 50%), в которых количество могил от двух до шести под одной насыпью. Подобная ситуация не наблюдается в лесостепных районах Алтая, Новосибирского Приобья и Барабы. Возможно, из этих данных преждевременно делать выводы, но ирменские курганы Кузнецкой котловины в отличие от, например, Барабы, также содержат большое количество могил (преобладают от трех до шестнадцати); 3) значительно разнообразие внутримогильных сооружений с преобладанием деревянных конструкций типа двух- и одноярусных рам, рам с покрытием, покрытий; 4) наличие деревянных столбов в могилах с мужскими захоронениями; 5) более стабильная, чем на сопредельных территориях, ориентация погребенных; 6) четкая локализация двух групп памятников – южной, с обрядом кремации, и северной, с обрядом ингумации. В-третьих, можно предполагать некоторую специфику отдельных памятников Обь-Чулымья, проявившуюся в значительной степени в Кузнецкой котловине. Так, для Урского могильника характерны большие размеры могил и количество сосу-

дов до шести в одной могиле; для Титовского могильника — погребение только мужчин в одном кургане (кург.6); для могильника Кадат IX — сооружение деревянного покрытия над могилой на уровне древней поверхности.

ГЛАВА III ХАРАКТЕРИСТИКА АНДРОНОВСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЬ-ЧУЛЫМЬЯ

Основным материалом андроновских памятников Западной Сибири является керамика. Источниковый фонд этой культуры Обь-Чулымского междуречья в этом отношении не исключение — на поселениях найдено несколько тысяч фрагментов, а из погребений реконструирован 151 сосуд. По количеству и качественному показателям источник достаточно репрезентативен, что позволяет сделать его объектом специального исследования. К сожалению, посуда — практически единственная категория инвентаря, отражающая материальную культуру андроновско-федоровского населения.

П е р в а я г р у п п а — сосуды горшковидных форм (92 целых экземпляра). Сосуды этой группы характеризуются хорошо выраженным плавным профилем с отогнутым наружу венчиком, округлым плечиком, тонкими стенками (0,5–0,7 см), плавно сужающимися книзу туловом и плоским дном. Горшки изготовлены из хорошо отмученного теста с использованием для отощения формовочной массы: шамота, кварца, мелкого песка и в редких случаях — кальцинированных костей. Цвет посуды свидетельствует об окислительном обжиге, который, впрочем, был неравномерным, что хорошо просматривается в изломе черепков. Очевидно, это следствие термической обработки посуды в костре. Формовка посуды осуществлялась в технике кольцевого налета с донным начинном. Изготовленные кольца являлись морфологическими составляющими сосуда и места стыковок колец приходятся на переходы от венчика к плечику и от плечика к тулову. Дно подлеплялось отдельно. Указанные особенности формовки неоднократно зафиксированы на разрушенных сосудах, где разломы стенки приходились на места стыковки колец. Внутренняя поверхность заглаживалась

мокрой тряпочкой или рукой. Внешняя поверхность подвергалась лощению, ангобировалась и тщательно покрывалась орнаментом. Декор посуды этой группы характеризуется богатыми геометрическими построениями и использованием зонального членения орнаментального поля. Наряду с геометрическими мотивами широко применялись каннелюры и ряды горизонтальной елочки. Большинство орнаментальных построений на сосудах этой группы исполнено мелким гребенчатым штампом. Применялись также и другие приемы нанесения декора: прочерчивание, насечки, ямочные вдавления, уголок лопаточки (рис.20 - I-6; рис.40 - I-6).

Сосуды этой группы являются ведущим типом погребальной посуды федоровских могильников Обь-Чулымья. Вместе с тем, несмотря на единство технологических приемов изготовления, наблюдается определенная переменчивость форм внутри группы. Выделить какие-либо устойчивые типы не представляется возможным, так как морфологические различия не столь велики. Целесообразнее говорить о специфике форм посуды для каждого конкретного памятника. Наиболее отчетливо эти особенности проявляются в пропорциях сосудов. Так, для могильников Танай I и Васьково-5 характерны горшки, высота которых примерно равна диаметру устья, а диаметр дна - половине диаметра устья (рис.28 - I-4; рис.32 - 4,5). Для посуды Урского и Титовского могильников характерно большее разнообразие пропорций. В этих памятниках наряду с посудой, конструктивные особенности "архитектуры" которой идентичны танайским и васьковским, присутствует серия горшков, для которых характерна меньшая высота по отношению к диаметру устья. Наибольший диаметр у них приходится на середину тулова, что придает сосудам приземистые пропорции (рис.17 - 2-5; рис.39 - 4; рис.42-4; рис.43 -2). Для посуды могильников Мариинско-Ачинской лесостепи в связи с ее малочисленностью сделать количественную градацию по метрическим данным не представляется возможным. Все они укладываются в амплитуду возможных вариаций формы федоровских горшков. В целом по морфологическим показателям керамические комплексы этих могильников менее однородны по сравнению с кузнецкими.

Одной из особенностей посуды федоровских могильников

Обь-Чулымского междуречья является практически полное отсутствие в морфологии таких конструктивных элементов, как поддон и подквадратное в плане устье. Несмотря на то, что эти конструктивные особенности достаточно специфичны и не составляют заметной доли в массовых сериях федоровской посуды, тем не менее их полное отсутствие в столь представительной выборке придает облику посуды культурную монолитность и вместе с тем определенное своеобразие на фоне родственных комплексов сопредельных территорий. Ни на поселениях, ни в могильниках Обь-Чулымья не встречена посуда, которую исследователи склонны выделять в особую группу, — плоские подпрямоугольные блюда. Подобная посуда зафиксирована в федоровских комплексах Южного Зауралья, Северного Казахстана и Западной Сибири (Комарова М.Н., 1952; Кузьмина Е.Е., 1973, с.159; Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.Н., 1983, с.158). Ее отсутствие в комплексах Южной Сибири позволяет говорить о региональной приуроченности данной группы посуды.

В т о р а я г р у п п а — сосуды баночных форм (62 целых — 59 из погребений, три из поселений). Это толстостенные (0,7 — 1 см) сосуды, изготовленные из грубого теста ленточным способом. В формовочной массе просматриваются крупные включения кварцита, шамот и дресва. Для посуды этой группы применялся как окислительный, так и восстановительный обжиг. По морфологическим показателям внутри этой группы посуды можно выделить два типа. Первый тип — плоскодонные сосуды с прямыми стенками, постепенно расширяющимися от дна к устью и органично переходящими в венчик, иногда венчик слегка отогнут наружу. Банки этого типа, который удобнее всего обозначить как "открытый", как правило, орнаментировались несложными композициями из вертикальной елочка и ямочных вдавлений. Часто использовались насечки и гладкий штамп (рис.43-3,4). Второй тип — плоскодонные сосуды со слегка выпуклыми стенками, венчик отогнут вовнутрь или наружу. Эти банки можно определить как сосуды "закрытого" типа. Декор данной группы баночной посуды близок декору открытых банок — вертикальная елочка и другие мотивы. Однако в некоторых случаях сосуды баночной формы "закрытого" типа не орнаментировались (рис.18 — 5-8). В композиционном плане декор баночной посуды

характеризуется отсутствием зональности. Им соответствуют сплошное заполнение орнаментального поля и моносюжетность. Декор выполнен оттисками крупного гребенчатого штампа, широко использовались гладкий штамп и насечки (рис. I8 - I-4).

Анализу андроновской орнаментальной схемы уделялось значительное внимание в работах исследователей (Комарова М.Н., 1962, с.50-75; Сорокин В.С., 1962; Черников С.С., 1960; Максименков Г.А., 1978; Кузьмина Е.Е., 1985, 1986; Зотова С.В., 1965, с.177-181). Однако несмотря на то, что проделана значительная работа, ряд проблем, особенно методического характера, требует своего решения. Обращаясь к тому, что уже сделано в этом направлении, нельзя не отметить большую работу, проведенную М.Н.Комаровой (Комарова М.Н., 1962). В сводных таблицах мотивов андроновского орнаментального набора она представила распределение мотивов относительно орнаментальных зон, проследила встречаемость и изменение орнаментального набора внутри каждой из зон для различных регионов распространения андроновских памятников. Однако хорошо прослеженная в работе региональная специфика еще не дает, к сожалению, целостного представления об общеандоновских особенностях орнаментальной схемы, так как пестрота местной спецификации затрудняет выделение общих принципов конструирования орнаментальной композиции, а без их учета сопоставление региональных особенностей будет достаточно относительным.

Еще одно значительное исследование в этой области принадлежит В.С.Сорокину (Сорокин В.С., 1962). На материалах могильника Тасты-Бутак-I с привлечением широкого круга источников им предпринята попытка установить относительную хронологию по орнаментации андроновских сосудов. При несомненных достоинствах подобного подхода необходимо отметить один существенный момент. В сводных таблицах помещались мотивы, одни из которых были присущи посуде федоровских комплексов, другие - алакульским сосудам, а установление относительной хронологии в том виде, при котором ряд спорных вопросов получил бы свое разрешение, не представляется возможным без четкого разграничения собственно федоровского набора орнаментации и собственно алакульского. Только после

того, как будет проделана работа в этом направлении, можно будет проследить развитие этих двух орнаментальных традиций во времени и на основании полученных результатов установить относительную хронологию памятников с учетом других независимых наблюдений.

Особое место занимает работа С.В.Зотовой (Зотова С.В., 1965). В работе детально рассмотрены подвргнуты меандровые композиции, которыми насыщена орнаментальная схема. Различные типы меандровых мотивов были разложены на составные части, была выделена орнаментальная основа — зигзаг, к которой в различных комбинациях присоединялись "крючки", образуя различные типы меандровых мотивов.

В плодотворных исследованиях Е.Е.Кузьминой конкретизированы и систематизированы накопившиеся наблюдения о специфике федоровского и алакульского типов, а также выявлены пять типов синкретичных комплексов (Кузьмина Е.Е., 1985). Показательно, что в ходе анализа широкого круга источников в числе наиболее результативных приемов классификации оказалась корреляция данных по технологии изготовления посуды с особенностями ее орнаментального заполнения.

В археологической литературе работ, связанных с анализом андроновской орнаментации конкретных памятников, большое количество. Но даже в приведенном кратком обзоре достаточно очевидно существующее разнообразие подходов к изучению орнамента андроновской культурно-исторической общности.

В данном исследовании орнаментация сосудов анализировалась с точки зрения композиционного построения орнаментальной схемы с учетом совстречаемости мотивов в пределах орнаментальных зон. Весь декор в пределах орнаментального поля рассматривался как композиция. Структурно композиция исследовалась как орнаментальная схема, состоящая из зон. Так как зоны во многих случаях не совпадали с морфологическими составляющими сосуда, то их наличие и количество определялись, исходя из характера орнаментальной композиции конкретного сосуда, а нумерация осуществлялась согласно последовательности их расположения от устья к дну, то есть сверху вниз. Таким образом, первая орнаментальная зона располагалась, как правило, по венчику сосуда, вторая — под ней и

совпадала в большинстве случаев с плечиками сосуда, далее вниз орнаментальное заполнение тулова и придонной части составляло третью зону.

Первая зона – зона венчика. Орнаментальное заполнение достаточно однородно, несмотря на то, что учтено десять мотивов. Большинство из них представлены единично. Абсолютно преобладает мотив цепочки заштрихованных треугольников – 70 случаев (рис.55). Он зафиксирован на посуде всех могильников. Мотив представлен двумя вариантами: косоугольные треугольники – 54 случая и равнобедренные треугольники – 16. В Урском могильнике треугольники имели дополнительное украшение в виде бахромы из мелких насечек по контуру треугольников – 4 случая (рис.55). Особняком стоит комплекс посуды из могильника Танай I, где на семи из II сосудов на венчике встречены равнобедренные треугольники. Подобное соотношение вообще не характерно для федоровских комплексов, так как специфически федоровским является мотив цепочки заштрихованных косоугольных треугольников. Мотив зигзага в этой зоне зафиксирован в Урском могильнике, однако во всех пяти случаях его появление на этом участке связано с нарушением трехзонального членения орнаментального поля. Отличительной чертой могильника Титово является широкое использование горизонтальной елочкой, исполненной гребенчатым штампом – 5 случаев. Следует отметить, что при использовании этого мотива для заполнения венчика остальные зоны также покрывались елочной орнаментацией. Кроме охарактеризованных выше мотивов, единично бытуют пояски ямочных вдавлений, каннелюры, ряд наклонных оттисков гребенчатого штампа (рис.55).

Специфические черты декора конкретного памятника в этой зоне будут выражаться в увеличении доли какого-либо мотива наряду с традиционной цепочкой треугольников. Исключительный приоритет цепочки треугольников и, как следствие этого, орнаментальное заполнение зоны венчика позволяют говорить о его особом месте внутри всей орнаментальной традиции, вероятно, связанной с функцией этнического индикатора, которую выполнял этот мотив. Подтверждением вышесказанному может служить тот факт, что он встречается в обоих орнаментальных стилях – как в геометрическом, так и линейном.

Используя понятие "стиль" при анализе федоровского декора, авторы считают целесообразным подчеркнуть существенные различия в орнаментальном заполнении горшкovidных сосудов. Два типа в орнаментальном заполнении горшкovidной посуды были отмечены еще Г.А.Максименковым (Максименков Г.А., 1978, с.69-70). Понятие "стиль" для фиксации этих различий было предложено В.В.Бобровым. Первый стиль характеризуется использованием геометрических мотивов для заполнения орнаментального поля, а также каннелюр и уголка лопаточки для выделения орнаментальных зон (рис.16 - I-3,5). Второй стиль - линейный - связан с иным орнаментальным набором. Для него характерно использование рядов горизонтальной елочки и широкого пояса каннелюр. В ряде случаев горшок мог быть орнаментирован только одним из двух указанных мотивов (рис.17 - I-3,6). Для горшков с этим стилем орнаментации одной из особенностей декора является нерегулярное использование мотивов разделителей (рис.27 - I,6).

Наличие переходных вариантов между двумя стилями не размывает границы, а лишь подчеркивает их совместное бытование в рамках единой орнаментальной традиции. Их существование, вероятно, связано с различным назначением посуды, на которую они наносились. Так, если геометрическая орнаментация использовалась для украшения ритуальной посуды, то орнаментальные композиции второго стиля наносились на бытовую посуду, которая наряду с ритуальной могла выступать как элемент погребального инвентаря. Далее при описании мы будем рассматривать всю совокупность горшкovidных сосудов в целях последовательного построения археологической классификации, а там, где возникнет необходимость, специально оговаривать вышеуказанные особенности, связанные с назначением посуды.

Вторая зона - зона плечиков. Эта зона наиболее разнообразна в орнаментальном отношении. Здесь встречаются большинство видов мотивов, присущих федоровской орнаментальной традиции. Усложняется иконография мотивов, но, что более существенно, здесь в отличие от зоны венчика появляются простейшие композиции, образованные противопоставлением различных модификаций мотива - цепочка треугольников - 13 случаев (рис.56). Широко представлены различные варианты меандровых

мотивов – 3I случай. Существенно, что противопоставление является структурообразующим принципом для построения этих мотивов. Противопоставление возникало относительно вертикальной и горизонтальной осей по принципу "вверх-вниз", "вправо-влево". Таким образом, гипотетически можно предположить реализацию основной семантической нагрузки в этой элементарной оппозиции.

Меандровые мотивы можно разделить на три типа по принципу соединения иконографически тождественных фигур, составляющих мотив. Первый тип – несомкнутые (рис.56-1), второй тип – частично несомкнутые (рис.56-2), третий тип – сомкнутые (рис.56-3). Подобное разделение представляется вполне оправданным, так как подобная дифференциация позволяет уловить различия в орнаментальных традициях конкретных памятников и даже регионов. Так, например, третий тип в декоре горшков из кузнецких могильников количественно равен первым двум и в то же время практически полностью отсутствует в орнаментации посуды из могильников Ачинско-Мариинской лесостепи. Это, вероятно, связано с тем, что орнаментация последних тяготеет к декору минусинских горшков, где два первых типа меандровых мотивов преобладают, а мотивы третьего типа представлены единично. Другим дифференцирующим признаком для выявления специфики декора отдельных керамических комплексов является способ построения элемента меандрового мотива – в три или четыре ряда гребенчатого штампа. Для горшков из могильников Танай I, Васьково-5, Титово более характерно построение меандровых мотивов в четыре ряда гребенчатого штампа, а на горшках могильника Урский меандровые мотивы, построенные в три и четыре ряда гребенчатых оттисков, имеют приблизительно равную частоту встречаемости. Среди минусинских сосудов зафиксированы такие меандровые мотивы, где оттиски гребенчатого штампа образуют только контур мотива (Максименков Г.А., 1978, табл.XLVI –I,2,4,6). Среди других геометрических мотивов использовались зигзаг – 6 случаев, "флажки" из треугольников – 2 случая, цепочка равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вверх, – 2 случая. Оба эти мотива встречены только в Урском и Титовском могильниках. Значительный удельный вес мотива "широкий пояс

каннелюр" – 33 случая – является особенностью горшковидных сосудов второго стиля. Альтернативным решением орнаментального заполнения плечиков для этого стиля является мотив горизонтальной елочки – 6 случаев. Несмотря на то, что этот мотив встречается здесь довольно редко, весьма показателен его специфический вариант на сосудах из Урского могильника (рис.42–3). Горизонтальный ряд елочки разделен на равные отрезки. Вероятно, это следствие влияния геометрических мотивов, для которых характерно чередование элементов.

Третья зона – зона тулова. Эта зона также отличается богатством орнаментального заполнения. Всего учтено 18 мотивов – на один меньше, чем в зоне плечиков. Наиболее употребительными являются комбинации треугольников – 45 случаев и меандровые мотивы – 29 случаев (рис.57 – I–II). Сложные меандровые построения, несомненно, доминируют в этой зоне. Широко представленные в могильниках Кузнецкой котловины, они малочисленны в керамических сериях из могильников Мариинско–Ачинской лесостепи. Исключение составляет могильник Большое Пичугино. Вместе с тем, несмотря на разнообразие этих орнаментальных мотивов, можно отметить определенные черты, свойственные объ-чулымским комплексам. Это прежде всего преобладание мотивов, где крючки присоединены к вершинам зигзага (рис.57 – 6–9) и отсутствие простых построений – тип А по С.В.Зотовой (Зотова С.В., 1965, с.178). Большинство меандровых построений образует подтреугольные в плане композиции, причем зигзаг из цепочки заштрихованных равнобедренных треугольников только подчеркивает эту особенность иконографии – 25 случаев (рис.57 –41). Таким образом, сложные орнаментальные конструкции восходят к иконографически более простой фигуре – треугольнику, что явственно проступает при исполнении другого мотива – пирамидки из треугольников (тип Г по С.В.Зотовой) – 20 случаев. Представляется, что именно в этом заключена основная семантическая нагрузка этой зоны. Рассматривая охарактеризованные выше орнаментальные конструкции в контексте всей орнаментальной традиции, можно интерпретировать их как более сложное исполнение традиционной цепочки треугольников в зоне венчика.

Горшковидные сосуды второго орнаментального стиля заполнялись в этой зоне рядами горизонтальной елочкой — 31 случай. В трех случаях нижний ряд елочкой оформлялся рядами заштрихованных равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вниз (рис.57-14). Вероятно, это реализация идеи, которая рассматривалась применительно к сосудам с геометрическим стилем орнаментации, хотя здесь налицо стилевое упрощение. Это своего рода "минус-прием", если следовать терминологии Ю.М.Лотмана (Лотман Ю.М., 1964, с.49-60), когда происходило упрощение изобразительного приема с сохранением семантической нагрузки, но последняя воспринималась уже только в контексте существующей культурной традиции.

Особо следует остановиться на пирамидках из треугольников. В вариантах исполнения этого мотива можно выявить специфические особенности орнаментальной традиции, связанной с коллективом, оставившим конкретный памятник. Этот мотив, столь характерный для могильников Кузнецкой котловины, практически не встречается на посуде из комплексов Мариинско-Ачинской лесостепи — 3 случая (рис.57-1,2). В посуде кузнецких могильников преобладают пирамидки из шести треугольников (10 случаев) в отличие от минусинских комплексов, где на посуду наносились преимущественно более сложные варианты построения. Еще одна особенность кузнецких могильников — высокая частота встречаемости мотива зигзага на тулове — 15 случаев (рис.57-12). По этому показателю Титовский и Урский могильники выделяются среди единокультурных комплексов. Линейный меандровый мотив зафиксирован только в одном случае. Это отличает декор обь-чулымских и, пожалуй, всех южносибирских памятников от родственных им в Барабинской лесостепи и на Алтае.

В придонной части наиболее часто встречаются каннелюры — 27 случаев и цепочка равнобедренных треугольников — 26 случаев (рис.58). Специфика орнаментации на этом участке орнаментального поля определяется подчинным положением. Широкое использование цепочки треугольников, обращенных вершинами вверх, характерно для горшков с геометрическим стилем орнаментации. А каннелюры следует рассматривать как широко бытовавший вариант логического завершения всей орнаменталь-

ной композиции, так как они выполняли в ней роль разграничителей зон. На дне сосуда орнамент зафиксирован только в трех случаях. Эпизодическое завершение орнаментальных фигур на этом конструктивном элементе сосуда еще не получило детального осмысления. Это объясняется, с одной стороны, относительной малочисленностью данных, с другой – отсутствием каких-либо устойчивых принципов орнаментального заполнения. В настоящее время можно лишь высказать предположение о возможной связи между появлением декора на дне сосуда и сложной геометрической ориентацией на других участках орнаментального поля. С иконической точки зрения изображение на дне сосуда можно связать с нарушением рапорта во второй и третьей орнаментальных зонах. Как правило, это был меандровый мотив, и нарушался он намеренно за счет введения новых орнаментальных фигур, не связанных с замыканием цепочки, когда при соединении исходной фигуры с последней не оставалось места для полного исполнения фигуры. Охарактеризованные особенности, вероятно, связаны с почерком мастера, когда на участках, где культовая регламентация сведена к минимуму, отчетливо выражена переменчивость иконографии. С этих же позиций следует рассматривать орнаментацию придонной части, где могли одновременно использоваться до трех орнаментальных мотивов, но отсутствовали устойчивые приемы их сочетания. Более того, точное совпадение орнаментального заполнения придонной части одного сосуда с другим – явление исключительно редкое.

Затронутый вопрос тесно связан с проблемой выделения внутри всей федоровской орнаментации особенностей общекультурных региональных традиций и традиций, связанных с отдельным коллективом. Наиболее плодотворным представляется выявление в первую очередь общекультурных особенностей, так как априорно можно утверждать, что именно на этом уровне проявляется связь и преемственность орнаментации керамического комплекса. В работе, посвященной анализу орнаментации афанасьевских сосудов, Д.В.Деопик и П.Е.Митяев постулируют принцип композиционной неравнозначности орнаментальных зон и вводят понятие "ведущей зоны" (Деопик Д.В., Митяев П.Е., 1981, с.130). Представляется вполне правомерным применить

этот подход к анализу орнаментации андроновских сосудов. Очевидно, что, несмотря на общий композиционный замысел, который объединяет три орнаментальные зоны, каждая из них имеет свою семантическую нагрузку, проявляющуюся в специфике орнаментального заполнения. Эти различия могли реализовываться в предпочитании одних мотивов другим. Так, например, по венчику в большинстве случаев наносилась цепочка треугольников, а линейные меандровые мотивы наносились в основном только на плечиках. Различия могли проявляться и на композиционном уровне. В зоне венчика почти всегда использовался только один мотив (мотивы-разделители не учитываются), в зоне плечиков — либо один мотив, либо происходило удвоение одного мотива, при котором в результате противопоставления строилась композиция. В зоне тулова, наряду с вариантами заполнения одним мотивом, часто применялись композиционные построения из двух различных мотивов — меандровые мотивы, окаймленные зигзагом из цепочки треугольников. Относительная простота орнаментального заполнения зоны венчика по сравнению с орнаментацией других зон обусловлена его специфической ролью во всей композиции орнаментального поля. Уже отмечалось абсолютное преобладание в этой зоне мотива цепочки треугольников, причем он встречается со всеми типами орнаментальных мотивов в других зонах. За счет этого цепочка треугольников выступает в роли традиционного зачина, за которым следуют разнообразные сочетания. Более того, на тех сосудах, где для заполнения зоны венчика использовался какой-либо другой мотив, нарушается трехзональное членение орнаментального поля. В этом отношении цепочка треугольников является ведущим мотивом для композиционного построения всей орнаментальной схемы.

Чтобы исследовать последнюю закономерность, необходимо обратиться к табл. А. В ней представлены три варианта построения орнаментальной композиции (рис. 64). Первый — наличие на венчике сосуда цепочки треугольников в сочетании с трехзональной разбивкой орнаментального поля. Второй — появление на венчике какого-либо другого мотива и нарушение трехзонального членения орнаментального поля. Третий — наличие на венчике цепочки треугольников и отсутствие трехзонально-

Таблица А

Памятник	Типы			Памятник	Типы		
	1	2	3		1	2	3
Бегазы	4	2	-	Танай I	9	-	I
Канаттас	2	-	-	Кадат-IX	4	I	-
Абрамово	4	2	-	Косоголь	3	I	-
Вахрушево	8	2	2	Усть-Ерба	2	2	I
Преображенка	6	15	4	Ярки	3	3	-
Венгерово	3	3	-	Андроново	3	2	-
Юрт-Акбалык	I	I	-	Ланин Лог	2	-	-
ЕК-2	10	18	I	Подкунинский	I	I	-
Иконниково	4	I	-	Орак	18	3	6
Хомутинка	I	-	-	Мохов 3	I	-	-
Шицуново	3	I	-	Соленоозерная I	4	I	2
БЕ-XIV	4	6	-	Пристань I	10	2	4
Васьково-5	4	-	-	Сухое Озеро I	19	6	2
Титово	15	2	5	Сухое Озеро Ia	I	2	-
Б.Пичугино	5	-	-	Новая Черная	2	-	-
Урский	20	12	4	Новая Черная II	2	I	-
Заречное	I	-	-	Каменка II	3	-	-
И т о г о:					187	90	32
					61%	29%	10%

го членения. В табл.А приведены статистические данные по фёдоровским могильникам, на основании которых несложно установить частоту встречаемости каждого из вариантов. Наиболее часто встречается первый вариант композиции (61%), гораздо реже - второй (29%) и в виде исключения - третий вариант (10%). Объяснить подобное соотношение можно лишь тем, что первый вариант построения композиции был традиционным и выступал в качестве композиционного канона. Гипотетически можно предположить, что, приступая к орнаментации сосуда, "мастер" уже имел готовую схему, которая подразумевала обязательное трехзональное членение орнаментального поля и наличие мотива-цепочка треугольников по венчиков. Орнаментальное заполнение остальных частей орнаментального поля могло варьировать в

пределах традиционного набора мотивов и устоявшихся вариантов их сочетания. Для горшков из андроновских комплексов Обь-Чулымья наиболее характерным будет сочетание цепочки косоугольных треугольников в зоне венчика, меандрового мотива в зоне плечиков и меандрового мотива в зоне тулова, окаймленного цепочкой треугольников (рис.16 - 1,2; рис.28 - 3,4). В качестве альтернативного решения во второй и третьей зонах могли появляться геометрические мотивы - треугольники, зигзаг (рис.42 - 1,5,6; рис.20 - 5). Сочетание на одном сосуде меандровых и геометрических мотивов встречается гораздо реже и, вероятно, связано с орнаментальной традицией коллектива, которая прослеживается на материалах конкретного памятника. Появление на венчике цепочки равнобедренных треугольников зафиксировано только в 13 случаях, причем в десяти случаях в орнаментальных зонах на плечике и тулове появляется мотив горизонтальной елочки и широкий пояс из каннелюр (рис.27 - 1,6,5).

Второй вариант композиции, как правило, связан с мотивом зигзага. В этих случаях орнаментальное поле могло быть разделено на две зоны, а в некоторых случаях зональность вообще отсутствовала. Подобный вариант композиции близок к алакульским орнаментальным схемам и, вероятно, появляется на федоровской посуде еще до проникновения федоровцев на территорию Сибири как результат контаминации двух орнаментальных традиций на территории Казахстана. Третий вариант построения композиции, как правило, связан с посудой, для которой характерно в ряде случаев моносюжетное заполнение с использованием какого-либо одного мотива. Это могут быть широкий пояс каннелюр, сплошные ряды горизонтальной елочки без какого-либо зонального членения, которые сочетаются с цепочкой треугольников по венчику сосуда. Горшки с подобной орнаментацией единичны в федоровских комплексах Сибири. В этот же вариант были включены сосуды, у которых по венчику нанесен ряд горизонтальной елочки, а трехзональное членение орнаментального поля сохраняется. Они составляют заметную долю среди сосудов с третьим вариантом композиции, и их появление связано с особенностями использования второго стиля орнаментации, когда линейные мотивы доминиру-

ют не только во второй и третьей зонах, но и в зоне венчика.

При характеристике федоровской посуды Обь-Чулымья уже отмечались те или иные различия, которые связаны с локальными группами памятников, и на основании этого фиксировались особенности на следующем, региональном уровне орнаментальной традиции. Если общекультурная специфика находила выражение в стилистическом и композиционном построении орнаментальной схемы, то региональная, обусловленная историческими и экологическими причинами, могла проявляться в предпочтении каких-либо одних мотивов и вариантов их сочетания и в отсутствии других. Вероятно, степень проявления этих различий может возрастать в специфических условиях, например, в условиях межгорных котловин.

Не исключена возможность проследить особенности декора керамического комплекса конкретного памятника, то есть на уровне, связанном с деятельностью конкретного коллектива. Вероятно, специфика будет связана с предпочтением какого-либо мотива, устойчивых вариантов исполнения традиционных мотивов, в частности, она могла найти отражение в штриховке орнаментальных фигур. Так, если в могильнике Танай I равнобедренные треугольники заполнялись поперечными отрисками гребенчатого штампа (рис.27 - 3; рис.28 - 2), то население, оставившее могильник Титово, предпочитало косую штриховку (рис.19 - I-4). В некоторых случаях это может быть связано с усложнением иконографии мотива - треугольники с бахромой в Урском могильнике.

Наряду с горшковидной посудой из могильников Обь-Чулымья происходит серия баночной посуды, составляющей 40 процентов от общего количества реконструированных сосудов. Несмотря на то, что банки орнаментированы значительно беднее, нежели горшки, достаточно представительная выборка (59 сосудов) позволяет сделать ряд наблюдений. Прежде всего следует отметить, что моносюжетность орнаментального заполнения и небрежность исполнения свойственны не всем баночным сосудам. В могильниках, составивших основу серии (Заречное-I - 24, Урский - I5, Титово - I0), обнаружены банки, орнаментальная схема которых построена с использованием несколь-

ких мотивов. Анализируя баночную посуду из андроновских погребальных комплексов, В.И.Молодин выделял три орнаментальные зоны в пределах сосуда (Молодин В.И., 1985, с.101). Учитывая наличие элементарных композиционных построений на баночной посуде не только барабинских, но и обь-чулымских погребальных комплексов, подобный подход представляется вполне оправданным.

Исследование орнаментального набора в условно выделяемой зоне венчика показывает, что в этой зоне присутствуют все типы орнаментальных мотивов, которые использовались для орнаментации баночных сосудов из погребальных комплексов. Вместе с тем следует отметить ряд мотивов, которые использовались чаще других. Так, например, мотив, выполненный посредством вдавлений или насечек, образующий равнобедренный треугольник, опущенный вершиной вниз, — пять случаев (рис.18 — 1,2; рис.43 — 3,5), цепочка ямочных вдавлений — пять случаев (рис.44 — 3-5) и пояс из каннелюр, который отмечен для двух могильников — Заречного-I и Урского (соответственно четыре и пять случаев), составляют орнаментальный колорит этой зоны. Однако чаще других использовался ряд косо поставленных оттисков гладкого или гребенчатого штампа — II случаев, который зафиксирован во всех более или менее представительных сериях. Особо следует выделить горизонтальные линии, выполненные гребенкой и встреченные только на банках из могильников Заречное -I и Титово — пять случаев (рис.18-3,4). Последний мотив интересен тем, что вызывает ассоциации с орнаментацией посуды из могильника Черноозерье I. Помимо мотивов, рассмотренных выше, использовались ряды горизонтальной и вертикальной "елочки", причем последняя, как правило, компоновалась с мотивом треугольников из вдавлений или насечек (рис.18 — 3,4; рис.37 — 3,4,6), а также горизонтальный зигзаг, встреченный только на банках из могильника Заречное-I — два случая.

Тулово баночных сосудов чаще всего украшалось рядами горизонтальной (II) и вертикальной (2I) "елочки". Широко использовались равнобедренные треугольники, составленные из вдавлений или насечек — девять сосудов. Здесь следует отметить, что на сосудах из могильников Заречное-I и Урский они

встречались в сочетании с поясом каннелюр по венчику, что составляет характерную особенность банок из этих могильников. Кроме уже названных, для орнаментации этой зоны использовались горизонтальный зигзаг, ряды косо поставленных оттисков, каплевидные насечки, цепочки ямочных и уголковых вдавлений.

Орнаментация придонной части баночных сосудов аналогична декору придонной части горшковидных сосудов. Чаще других использовались косо поставленные оттиски гребенчатого и гладкого штампа; горизонтальная "елочка" и равнобедренные треугольники встречены единично. Появление мотивов в этой зоне следует связывать с влиянием декоративной схемы горшковидной посуды.

Таким образом, специальный анализ орнаментации баночной посуды из андроновских могильников представляется вполне оправданным. Результаты наблюдений подкрепляют данные, полученные при анализе декора горшковидных сосудов. Несмотря на близость орнаментации, памятники обладают отчетливо выраженной орнаментальной спецификой, причем ее проявление следует искать не в композиционных особенностях, которые оказываются общими для всех памятников, а в иконографии мотивов и специфических вариантах их сочетания.

Анализ орнаментации поселенческой посуды вынесен отдельно, так как она в основном представлена обломками и для нее характерно отсутствие зонального членения орнаментальной композиции. По этой причине основное внимание было сосредоточено на технике нанесения орнаментации и конкретных мотивах. Сопоставление же комплексов можно провести только на основании статистических данных.

Поселение Тамбар. Керамический комплекс наиболее представлен в количественном отношении — 58I фрагмент^ж. Анализ формы венчиков свидетельствует о преобладании баночной посуды. На 23 фрагментах зафиксированы меандровые мотивы, что позволяет связать их с сосудами горшковидных форм. В технике нанесения орнаментов использовалось шесть способов: гребенчатый штамп — 55%, гладкий штамп — 16%, насечки кап-

^ж

Здесь и далее указывается количество только орнаментированных фрагментов.

леводной формы – 9%, желобки – 4%, ямочные вдавления – 10% и валики – 7%. За исключением валиков, все остальные способы нанесения декора традиционны для андроновской орнаментации.

Орнаментальные мотивы немногочисленны. Наиболее часто использовалась елочная орнаментация – 76% от общего числа фрагментов, выполненная как гребенчатым, так и гладким штампом. В большинстве случаев это горизонтальная елочка, и только 18 фрагментов (3,10%) несут на себе орнаментальный мотив – вертикальная елочка (рис. 62 – 9–12). Незначительно количество фрагментов в коллекции, судя по которым, можно полагать, что декоративная схема состояла из горизонтальных рядов наклонных оттисков отступающей гребенки. Этот орнаментальный мотив составляет всего 3%. Заканчивая анализ орнаментальных мотивов, выполненных гребенчатым штампом, следует обратить внимание на те, которые единичны или редко встречаются. Они чаще вне типичной декоративной схемы и более информативно-содержательны для реконструкции контактов в процессе генезиса с автохтонным населением, культурных связей с окружающим андроновцев населением. К группе подобных орнаментальных мотивов относятся горизонтально расположенные оттиски гребенки, образующие сплошную линию. Чаще пояс из нескольких линий помещен в верхней части сосуда под зоной венчика. Такая орнаментальная композиция, вероятно, восходит или к более раннему принципу орнаментации посуды у предшествующего населения, или к одновременному инокультурному компоненту. В эту же группу входит посуда, украшенная горизонтальными рядами наклонных оттисков отступающей гребенки. Вполне возможно, что подобная композиция является собой трансформированный вид декоративной схемы гребенчато-ямочной керамики. Показателен с этих позиций баночный сосуд, половину которого покрывает пояс шахматного или паркетного узора. Аналогичный орнамент известен на сосуде из андроновского могильника Сухое Озеро в Хакасско-Минусинской котловине. Г.А.Максименков рассматривал этот орнаментальный мотив как сохранение окуневской традиции (Максименков Г.А., 1978, с.105).

Значительный удельный вес среди других мотивов имеют

ряды и другие комбинации наколов различной формы – 80 фрагментов, что составляет 14% от общего числа. Здесь следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев вдавления овальной или округлой формы расположены непосредственно на венчике или под венчиком. Часто они занимают треугольные поля, образовавшиеся в зоне венчика при вертикальном расположении "елочки" (рис. 62 – 15–19), а как самостоятельный мотив использовались значительно реже – 36 случаев (6,2%). Желобки составляют 4% по отношению ко всей серии фрагментов. Как самостоятельный мотив они использовались крайне редко, лишь в одном случае они составили неширокий пояс под венчиком, а во всех остальных случаях они включались в контекст елочной орнаментации, выполненной гребенчатым штампом (рис. 62 – 27). Показательно, что желобки не использовались совместно с гладким штампом. Это, вероятно, связано с тем, что желобки проникают на баночную посуду из декора горшковидных сосудов, для которых характерна гребенчатая орнаментация. В трех случаях с желобками зафиксированы оттиски уголка лопаточки (рис. 52–23), образующие пояс. Уголок лопаточки также широко использовался в качестве мотива-разделителя на горшковидных сосудах.

Орнаментированных фрагментов придонной части сосудов не много. Скорее всего, они принадлежали сосудам горшковидного типа. Особого внимания заслуживает небольших размеров баночный сосуд с елочной орнаментацией, выполненной гладким штампом. Придонная часть его украшена заштрихованными треугольниками. Эту зону на банках орнаментировали очень редко, но еще реже на ней помещали треугольный мотив. Аналогичный орнамент известен на идентичной посуде из могильника Титово (рис. 18 – 8) и из андроновских памятников Барабинской лесостепи (Молодин В.И., 1985, с. 101–102).

Горизонтальные валики зафиксированы на 44 фрагментах (рис. 53 – 19, 20, 23). Этот мотив не характерен для андроновского декора, и тем показательнее его заметный удельный вес и преобладание над желобками. Это, вероятно, можно объяснить, с одной стороны, незначительным числом горшковидных сосудов в поселенческих комплексах, так как именно для орнаментального заполнения этого типа посуды широко использова-

лась желобчатая орнаментация, с другой – восприимчивостью орнаментального комплекса к инновациям, так как декор баночной посуды менее жестко "контролировался" культурной традицией, а отсюда возможность появления новых орнаментальных мотивов. В этом плане орнаментальный комплекс поселенческой посуды более чувствителен к различным изменениям и инновациям.

Керамический комплекс поселения Ашпыл представлен 505 фрагментами. Основную массу составляют фрагменты баночных сосудов. В технике нанесения орнамента зафиксировано шесть способов: оттиски гребенчатого штампа – 56%, оттиски гладкого штампа – 23%, каплевидные насечки – 10%, ямочные вдавления – 4%, желобки – 3% и валики – 4%. В целом процентные показатели сближают пос. Ашпыл с керамическим комплексом пос. Тамбар. Отличия проявляются в меньшем удельном весе ямочных вдавлений и валиковой орнаментации. Набор орнаментальных мотивов аналогичен тамбарскому комплексу, однако это скорее проявление общекультурной специфики, где скромный декор баночных сосудов не мог дать разнообразия мотивов. Ведущая роль принадлежит елочной орнаментации – 315 случаев (62,38%), причем из них на 47,33% декор исполнен гребенчатым штампом. Широко использовались вдавления различной формы, вписанные в треугольные поля, образованные вертикальной елочкой, – 3,76% (рис. 62 – 15, 16). Горизонтальные валики, зафиксированные на фрагментах посуды, так же, как и на других памятниках, не использовались самостоятельно. Валики могут быть рассечены рядами каплевидных насечек (10 случаев), которые могут образовывать горизонтальную елочку (семь случаев). Таким образом, горизонтальные валики воспринимались лишь в контексте с другими орнаментальными мотивами (рис. 62 – 22–25).

Несмотря на то, что фрагменты нарядных горшков составляют незначительный процент в общей массе, сопоставление декора этих фрагментов с орнаментацией горшковидных сосудов из мог. Ашпыл дает интересные результаты. На поселении были обнаружены фрагменты венчиков от 17 горшков. В 13 случаях венчик орнаментировался цепочкой заштрихованных косоугольных треугольников. В могильнике лишь на одном горшке этот

мотив был использован для орнаментального заполнения венчика. Остальная посуда из могильника украшена по венчику горизонтальной елочкой. В керамическом комплексе поселения имеются фрагменты от придонных частей десяти сосудов. Они украшены цепочками треугольников, наклонно поставленными оттисками гребенчатого штампа и каннелюрами. На сосудах из могильника эти мотивы в придонной части отсутствуют полностью и предпочтение отдано горизонтальной елочке. Фрагменты стенок нарядных горшков с поселения в 22 случаях (рис. 62 - 4-7) покрыты геометрической орнаментацией (в пяти случаях был использован мотив "зигзаг" и в пяти - меандровые мотивы). В серии из могильника лишь два горшка покрыты меандровыми орнаментальными мотивами.

Таким образом, посуда на поселении оказывается более нарядной и разнообразной в орнаментальном отношении, нежели посуда однокультурного могильника, обнаруженного рядом. Ситуация представляется нестандартной с учетом того факта, что для андроновской культурной традиции характерно прямо противоположное соотношение декора посуды могильников и поселений. Однако у нас нет абсолютных оснований утверждать, что кладбище принадлежало населению, обитавшему на поселении.

Керамический комплекс поселения Песчаное Озеро представлен 260 орнаментированными фрагментами, из них 69 - венчики. В технике нанесения орнаментации наблюдается следующее процентное распределение по способам исполнения: оттиски гребенчатого штампа - 64 %, гладкий штамп - 25%, каплевидные насечки - 5%, ямочные вдавления - 3%, желобки - 3%. Следует подчеркнуть отсутствие горизонтальных валиков, зафиксированных в орнаментации посуды поселений Тамбар и Ашпыл. Подавляющее большинство фрагментов украшено оттисками гребенчатого и гладкого штампов, которые образуют горизонтальную елочку, реже вертикальную, и ряды наклонных оттисков (рис. 5I - IO-13, 25, 26). Мотивы, зафиксированные на нарядных горшках, выполнены гребенчатым штампом. Это различные модификации цепочки заштрихованных треугольников и зигзаг. На фрагментах баночной посуды преобладает горизонтальная елочка - 175 случаев. Здесь, как и в орнаментации баночной

посуды других поселений, использовался мотив, составленный из вдавлений различной формы, которые заполняли треугольные поля, образовавшиеся в зоне венчика при вертикальном расположении елочки, — II случаев (рис. 5I — IO, II). Этот мотив исполнялся в двух вариантах: с использованием гребенчатого штампа и с использованием гладкого штампа (рис. 62). В некоторых случаях вместо ямочных вдавлений могли применяться оттиски уголка лопаточки (рис. 62 — I7, I8). В ряде случаев округлые вдавления наносились сплошными рядами и покрывали, вероятно, всю поверхность сосуда (рис. 5I — 6, 9), что в целом не характерно для андроновского декора, хотя орнаментация поселенческой посуды нуждается в детальном рассмотрении на базе представительных комплексов. Не исключено, что сплошное заполнение поверхности сосуда рядами ямочных вдавлений является собственно андроновской чертой, а не привнесенным извне мотивом. Желобки зафиксированы преимущественно на фрагментах нарядных горшков, что вполне согласуется с наблюдениями на других памятниках (рис. 5I — I-3).

Керамический комплекс поселения Березовский Ручей представлен 208 орнаментированными фрагментами, из которых 40 являются венчиками сосудов. Выявлено шесть способов нанесения орнамента: оттиски гребенчатого штампа — 31%, оттиски гладкого штампа — 15%, каплевидные насечки — 27%, ямочные вдавления — 14%, желобки — 8%, валики — 5%. Как и на других поселенческих комплексах, орнаментальный фон определяют мотивы гребенчатого и гладкого штампа. К особенностям этой керамической серии можно отнести большой удельный вес каплевидных насечек. Эта техника орнаментации имеет самый высокий процентный показатель, если сравнивать керамический комплекс пос. Березовский Ручей с материалами других поселений Обь-Чулымья (рис. 63). Валики, как и в орнаментации посуды других поселенческих комплексов, не являются самостоятельным мотивом и во всех случаях покрыты либо оттисками гребенчатого штампа, либо каплевидными насечками (рис. 50 — 6, 7, 9, I2). Морфологически они не отличаются от описанных выше горизонтальных валиков и располагаются, как правило, под венчиком сосуда.

На поселении обнаружен целый сосуд, покрытый елочной

и геометрической орнаментацией (рис. 50 - 17). Особенность орнаментального заполнения состоит в разнообразии технических приемов исполнения декора: оттиски гребенчатого штампа, образующие косоугольные треугольники по венчику, цепочка равнобедренных треугольников в придонной части и лента зигзага в зоне тулова, ямочные вдавления, ряды которых наряду с желобками выполняют функцию мотива-разделителя, каплевидные насечки, ряды которых составляют горизонтальную елочку в зоне плечиков и в зоне тулова. Дно сосуда украшено меандровой фигурой, исполненной техникой процерчивания. Подобное сочетание технических приемов нанесения орнамента на одном сосуде резко выделяет его из всей серии горшковидных сосудов Обь-Чулымья, несмотря на использование традиционных орнаментальных мотивов. Анализ пропорций сосуда обнаруживает его близость к посуде из могильников Мариинско-Ачинской лесостепи.

Как и на других Обь-Чулымских поселениях, ведущим мотивом этого керамического комплекса является горизонтальная елочка - 74 случая (35,58%). Определенную специфику декору придают ряды косо поставленных оттисков гусеничного штампа - восемь случаев, которые на остальных поселениях встречаются исключительно редко и использовались лишь в качестве одного из способов построения елочной орнаментации. Каннелюры зафиксированы только на фрагментах нарядных горшков, где они использовались в качестве разделителей или составляли сплошной пояс под венчиком сосуда (рис. 50 - 1,4,17). Зона венчика нарядных горшков заполнялась цепочками треугольников и оттисками уголка лопаточки. Особенностью декора этого керамического комплекса является отсутствие широко распространенного мотива - ямочных вдавлений, заполняющих треугольные поля, составленные из рядов вертикальной елочки (рис. 62 - 15,16). Его отсутствие не может быть объяснено малочисленностью серии, так как он зафиксирован в гораздо менее представительных комплексах.

Поселение Школьное. Керамический комплекс представлен 118 орнаментированными фрагментами. Среди технических приемов исполнения декора можно указать следующие: оттиски гребенчатого штампа - 55%, оттиски гладкого штампа - 31%, ямоч-

ные вдавления – 14% (рис. 63). В отличие от других поселенческих комплексов здесь отсутствуют каплевидные насечки, желобки и горизонтальные валики. Наряду с гребенчатым и гладким штампом заметную долю составляет ямочная орнаментация, что подчеркивает своеобразие этого комплекса, который обнаруживает наибольшую близость к материалам Песчаного Озера. Набор мотивов, которые использовали для орнаментации баночной посуды, аналогичен репертуару мотивов вышеописанных поселений. Как и в других случаях, здесь ведущее место принадлежит горизонтальной елочке, поясам ямочных вдавлений и сочетаниям ямок с вертикальной елочкой (рис. 54 – I–I4).

Материалы поселений Обьюл и Падунка ввиду своей малочисленности не подвергались статистической обработке, вместе с тем даже непредставительные выборки позволяют установить их близость поселенческим комплексам Обь-Чулымья. С фрагментами нарядных сосудов связаны геометрические мотивы из меандровых фигур и треугольников, каннелюры и оттиски уголка лопаточки. Баночная посуда украшалась преимущественно горизонтальной елочкой, составленной оттисками гребенчатого или гладкого штампа, ямочными вдавлениями в сочетании с вертикальной елочкой, рядами наклонных оттисков штампа, разделенными поясами ямочных вдавлений (рис. 49; рис. 52 – I–I5). Однако если на фрагментах сосудов из пос. Падунка зафиксировано преобладание гребенчатого штампа, то на пос. Обьюл его дополняет гладкий. Горизонтальные валики зафиксированы только в керамическом комплексе пос. Обьюл. Морфологически они аналогичны рассмотренным выше, и их употребление в качестве орнаментального мотива было сходным – они включались в контекст всей орнаментации сосуда.

Таким образом, анализ орнаментации поселенческой посуды позволяет выделить ряд положений. Материалы поселенческих комплексов обнаруживают близость между собой по целому ряду признаков: технике исполнения декора и процентному соотношению различных технических приемов, набору орнаментальных мотивов и вариантам их исполнения. Гребенчатый штамп является ведущим способом нанесения орнаментации на всех без исключения поселенческих комплексах. Гладкий штамп использо-

вался примерно вдвое реже, но все же он имеет высокий процентный показатель для всех керамических серий. Указанные технические приемы использовались со всеми другими способами нанесения декора, в то время как желобчатая и ямочная орнаментация не встречается с горизонтальными валиками. Таким образом, гладкий и гребенчатый штамп определял орнаментальный фон посуды андроновских поселений, который был общим для всех единокультурных комплексов, а процентное увеличение или уменьшение остальных способов нанесения орнаментации во всей массе случаев определяло специфику конкретного памятника. В частности, на современном уровне анализов источников можно предполагать значительное распространение валиковой орнаментации поселенческой посуды в Ачинско-Мариинской лесостепи в отличие от Кузнецкой котловины и более западных районов андроновской культуры.

Подчиненное положение горизонтальных валиков как орнаментального мотива внутри всей композиции, их своеобразная морфология — все это дает основание рассматривать их как мотив, переработанный в конкретной среде. Это вполне согласуется с распространением данного мотива на поселенческой посуде, в то время как на сосудах из могильников они встречаются крайне редко. Достаточно сказать, что в Обь-Чулымье они не зафиксированы пока ни разу. Это связано, вероятно, со спецификой механизмов культурных контактов, когда в декоре поселенческой посуды бытового назначения, в данном случае баночной, наиболее отчетливо проявляются инокультурные влияния.

Характеризуя репертуар мотивов, использовавшихся для орнаментации горшковидных сосудов, которая в основной своей массе известна нам по материалам погребальных комплексов, мы уже отмечали вариативность, присущую отдельным мотивам, которая выражалась в частичном изменении его иконографии. Варианты исполнения мотива возникали за счет использования различных приемов нанесения. Например, горизонтальная елочка могла быть построена как из оттисков гребенчатого, так и гладкого штампов, а ямочные вдавления, которые заполняли треугольные поля, образованные рядами вертикальной елочки, могли заменяться оттисками гребенчатого штампа, каплевидными насечками, оттисками уголка лопаточки (рис. 62).

Последовательное рассмотрение орнаментации керамических серий из поселенческих комплексов и посуды из могильников, а также выявленные особенности исполнения и использования конкретных орнаментальных мотивов позволяют обратиться к целому ряду вопросов, выходящих за рамки анализа орнаментации сосудов конкретного региона на источниковедческом уровне. Один из них заключается в выявлении связи орнаментации фёдоровской посуды с половозрастными особенностями погребенных. Этот вопрос следует отнести к числу малоработанных, и главная трудность, на наш взгляд, сопряжена с тем, что если для орнаментации одного конкретного комплекса специфическое сочетание мотивов или какой-либо конкретный мотив могут отражать специфику орнаментальной традиции, то в другом случае они могут оказаться непоказательными и проявление тех же половозрастных особенностей может быть выражено иначе. Тем не менее это не означает отсутствие более или менее универсальных, внешне сходных способов выражения половозрастных характеристик умерших в орнаментации.

Чтобы нагляднее продемонстрировать возможности выявления половых и возрастных признаков погребенных в декоре посуды, помещенной в могилу, обратимся к баночным сосудам, орнаментация которых значительно беднее, что упрощает возможность фиксации взаимосвязи. На баночных сосудах, которые абсолютно преобладают в поселенческих комплексах, широко использовался мотив — треугольник, заполненный или выполненный наколами (рис. 62 — I5-20). Примечательно, что он зафиксирован на фрагментах посуды почти во всех поселенческих комплексах. Если обратиться к погребальным комплексам, то сосуды с этим мотивом обнаружены в семи могильниках Южной Сибири: Ораке, Соленоозерной-I, Сухом Озере I, Новой Черной III, Титове, Урском и Заречном — всего 30 сосудов. В 27 случаях это банки, в двух — горшки. 13 сосудов помещены с детьми, пять сосудов находились с женщинами, один — с мужчиной, II случаев — кремация (рис. 61). Таким образом, при обряде ингумации погребенных они связаны либо с детьми, либо с женщинами. В могиле 22 из могильника Орак ребенок помещен за спиной мужчины. С костяком ребенка, кроме сосуда, найдено кольцо. М.Н. Комарова определила этот комплекс как погребение мужчи-

ны и маленькой девочки (Комарова М.Н., 1961, с.49). В могилах 26 и 28 детские погребения содержат аналогичные сосуды, а с каждым из костяков также помещено по серьге (Комарова М.Н., 1961, с.39). К сожалению, мы не располагаем полной информацией о керамике из андроновских памятников Верхнего Приобья и Барабинской лесостепи. Тем не менее известны два сосуда с идентичным мотивом в композиции линейного стиля из могильника Вахрушево – кург.7, мог.1 и мог.2 (Троицкая Т.Н., 1969, рис.1е,м); две банки из могильника Преображенка-3 (Молодин В.И., 1985, рис.49 – II; рис.51 – I2). Пол и возраст для погребенных с этими сосудами не определены. Лучше ситуация для могильника ЕК-II, в котором сосуды с орнаментальным мотивом в виде накольчатых треугольников, обращенных вершиной вниз, обнаружены с погребенной женщиной (мог.49) и ребенком (мог.60) (Матюченко В.И., 1973, с.99,101), и для могильника Змеевка на Алтае, где с тремя похороненными детьми стояли баночные сосуды, украшенные только одним мотивом –треугольником из наколов (Грязнов М.П., 1956, рис.2 – 4,6,7). Основываясь на этих фактах, можно предположить, что посуда с этим орнаментальным мотивом сопутствовала погребениям девочек. Это вполне согласуется с тем, что, помимо детских погребений, они сопровождали погребения женщин. Причем в ряде случаев этот мотив мог быть вписан в богатую орнаментацию нарядных горшков. Подобные сосуды встречены только с женщинами. В этом, вероятно, следует видеть уже особенности употребления этого мотива, исходя не только из половых характеристик, но и возрастных.

Особого рассмотрения заслуживают горшковидные сосуды, по венчику которых нанесена цепочка равнобедренных треугольников. Всего учтено 26 сосудов. Они встречены во всех типах погребальных сооружений, и их ставили в могилу при ингумации и кремации (соответственно 17 и 9 случаев). Примечательна устойчивость ориентировки этих погребений: 19 случаев – ЮЗ-СВ, четыре случая – З-В и два случая – ЗСЗ-ВЮВ, а также унифицированность обряда ингумации (скорченно, на левом боку) во всех случаях, где это возможно было определить. В 13 случаях горшки с этим мотивом на венчике сопровождали взрослых, в четырех случаях – погребения детей

(рис.60). Там, где был определен пол погребенного, семь сосудов с этим мотивом были поставлены женщинам и один — мужчине. В двух случаях при парном сожжении (могильник Орак, м.29, и могильник Танай, к.10, м.3) они сопровождали кучки костей, помещенных ближе к восточной стенке, то есть там, где при парном разнополом погребении по обряду ингумации клали женщин с таким расчетом, чтобы они оказывались за спиной у мужчин. В пользу того, что одна из кучек сожженных костей принадлежала мужчине, говорят находки каменного и деревянных столбов, обнаруженных в этих могилах, которые, как правило, связаны с погребениями мужчин. Таким образом, горшки в этих могилах также следует связывать с погребениями женщин. Еще одним свидетельством в пользу связи горшков, украшенных по венчику цепочкой равнобедренных треугольников, с женскими погребениями может служить факт находки подобного горшка с другим сосудом, на котором присутствует мотив, детально рассмотренный выше и также, вероятно, связанный с женскими погребениями (Соленоозерная I, м.4) (Максименков Г.А., 1978, табл.ХI Ш-2). В могиле 38 могильника Орак обнаружен сосуд, у которого венчик заполнен цепочкой равнобедренных треугольников, а в зоне тулова помещены ленты зигзага. Пространство между вершинами одной из них заполнено ямочными вдавлениями. (Комарова М.Н., 19, с.71, табл.ХШ-3). Это еще один факт в пользу принадлежности указанных мотивов к элементам "женской" орнаментации, так как рассмотренное погребение было связано с женщиной, которую, помимо описанного сосуда, сопровождала пара колец (Комарова М.Н., 19, с.441).

Примечательно, что на сосудах с цепочкой равнобедренных треугольников по венчику редко использовались меандровые мотивы. Зафиксированы только три случая, причем везде в зоне плечиков помещен один и тот же мотив (рис.60). Возникает соблазн отнести и его к элементам "женской" орнаментации, однако для этого нет достаточных оснований, так как пол (женщина) определен только в одном случае. Гораздо более убедительные свидетельства существуют для мотива равнобедренных треугольников, опущенных вершинами вниз, которые завершают ряды горизонтальной елочки в зоне тулова сосуда.

В трех краниологически определяемых случаях из четырех эти сосуды сопровождают женщины (рис.60).

К этому следует добавить, что большинство сосудов, учтенных в таблице (рис.60), следует отнести к посуде с орнаментацией линейного стиля. Не исключено, что в целом посуда с орнаментацией линейного стиля с мотивом "равнобедренный треугольник" сопутствовала женским захоронениям. Анализ орнаментации сосудов, сопровождавших мужские погребения, пока не дает достаточных оснований для выявления какого-либо орнаментального мотива, характерного для декора посуды, помещенной вместе с мужчинами. На данном этапе можно оперировать лишь отдельными наблюдениями, которые носят вероятностный характер. Материалы могильников Титово и Васьково-5, в которых обнаружено десять достоверно установленных мужских захоронений, свидетельствуют, что их сопровождали сосуды только горшковидной формы. Среди горшковидных сосудов три с линейным стилем орнаментации, девять — с геометрическим. Для последних характерно наличие цепочки косоугольных треугольников по венчику — восемь случаев, линейного меандрового мотива по плечикам — пять случаев и меандровых построений в зоне тулова, окаймленных цепочкой равнобедренных треугольников, расположенных в виде зигзага, — пять случаев (рис.16 — I; рис.19 — 7). В качестве альтернативного решения в зоне тулова могли наноситься ленты горизонтального зигзага (рис.20 — 2,5), однако здесь уместно вспомнить, что в основе меандровых построений на тулове сосуда лежит лента зигзага. Безусловно, эта немногочисленная выборка не позволяет сделать выводы, которые носили бы окончательный характер, однако с определенной долей вероятности можно утверждать, что мужские погребения сопровождалась преимущественно сосудами горшковидных форм, венчик которых был заполнен цепочкой косоугольных треугольников, а в зоне тулова располагались меандровые построения, окаймленные цепочкой зигзага из равнобедренных треугольников. Использование сосудов с иным орнаментальным набором следует связывать со специфическим проявлением социальной дифференциации. Мысль о возможном отражении в орнаментации социального положения погребенных высказывалась М.Д.Хлобыстиной (Хлобыстина М.Д.,

1973, с.61). Таким образом, подход к осмыслению андроновской орнаментации должен изначально учитывать как минимум два момента – отражение в декоре половозрастных особенностей и социальный статус погребенного.

Реконструкция комплекса представлений, реализованных в андроновской орнаментации, задача предельно сложная. Если отвлечься от констатации общих положений (связи отдельных орнаментальных мотивов с солярным культом и схематическим изображением растительности; заманчивого сопоставления трех зон орнаментации с тремя сферами мироздания), то на уровне выявления собственно андроновского комплекса культовых представлений мы сталкиваемся с практически полным отсутствием каких-либо достоверных наблюдений. В исследованиях, где в той или иной мере сделана попытка осмыслить семантику андроновского декора, дело не продвинулось дальше реконструкции самых общих мифологических воззрений, имеющих очень широкую этнографическую прописку. Не исключено, что достоверно установить конкретные семантические оттенки вообще не представляется возможным, и в этой связи особое значение приобретает не сам набор установленных значений тех или других сюжетов, а специфически андроновская система связей между ними. Анализируя даже предельно общие образы, можно характеризовать их сугубо конкретное употребление и, следовательно, говорить о специфике духовного производства андроновского (федоровского) населения. В этой связи несомненный интерес представляют особая роль в декоративной схеме цепочки треугольников по венчику и связь этого мотива с трехзональным членением орнаментального поля. Вероятно, мотив цепочки треугольников, несмотря на простоту его иконографии на фоне других геометрических мотивов, например меандровых, обладал весьма сложным содержанием, которое по-разному прочитывалось в зависимости от контекста, являясь специфической особенностью андроновского декора. Его могли осмысливать, с одной стороны, как индикатор этнического характера, с другой, когда цепочка треугольников была образована ямочными вдавлениями, вероятно, связывали с женским признаком. Подобное сочетание этнической символики и женского начала – явление весьма показательное. Еще более сим-

томатичным является момент разграничения этих функций. Если треугольники, обращенные вершинами вверх, выражали этнический символ, то равнобедренные треугольники и композиции треугольников, обращенных вершинами вниз, связаны с признаками женского пола. Противопоставление "вверх – вниз" отчетливо проявилось в меандровых мотивах в зоне плечиков. Занимая промежуточное положение в композиции, эта зона являлась своего рода разграничительной полосой между первой и третьей зонами, которые были противопоставлены друг другу. Выяснение содержания этой своеобразной иерархии бинарных оппозиций составляет предмет отдельного исследования.

Выше орнамент рассматривался прежде всего как определенная структура, ее характер и особенности определялись исходя из внутренних связей между элементами. Анализ андроновской посуды с присущей ей орнаментацией в контексте всего комплекса культурных традиций позволяет отметить следующее. Отсутствие фигуративных изображений в андроновской материальной культуре, конструктивный геометризм погребальных сооружений свидетельствуют, вероятно, в пользу того, что орнаментальный геометризм был не только эстетической нормой, но и универсальным способом реализации мировоззренческих представлений. Не оспаривая гипотезы М.Ф.Косарева о горшке как модели Вселенной и транспортном средстве для души умершего (Косарев М.Ф., 1984, с.210), мы считаем необходимым добавить, что он одновременно мог служить своего рода "социальным паспортом", в котором фиксировались этнические, половые, возрастные характеристики, а также принадлежность к определенному коллективу. К этому же выводу пришел Ю.Ф.Кирюшин, исследуя орнамент андроновских сосудов из погребальных памятников Северного Алтая.

ГЛАВА IV ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЪ-ЧУЛЬМСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Одним из методологических принципов современной археологической науки является изучение региональной специфики обширных историко-культурных образований в древности, соот-

ветствующих этнически однородным или близко родственным популяциям. Это отвечает логике научного познания. Частное более объективно формирует общее, которое, в свою очередь, конкретизирует частное. Значительное количество разногласий в изучении материальной и духовной культуры первобытной истории на источниковедческом уровне связано с недооценкой этого положения, тем более, что коррекция общего необходима постоянно в процессе изучения той или иной культуры, общности, эпохи. Думаем, что издержки подобного характера существуют и в реконструкции андроновской культурно-исторической общности, занимавшей географически огромную территорию с различными ландшафтами, население которой имело контакты с разными инокультурными носителями. Изучение региональной специфики является важным звеном в процессе историко-культурных реконструкций, в значительной степени определяющим их объективный характер. Соответственно в решении этой задачи необходимо избежать субъективной оценки, которая, на наш взгляд, чаще связана с произвольным географическим районированием и, как следствие, произвольной группировкой памятников. Особенно это касается зоны равнинного характера. В условиях горных систем районирование более строго подчинено физико-географическим ландшафтам, границы которых имеют естественные обозначения, например, межгорные котловины. Но даже при этой ситуации, в частности, в зоне контакта страны гор и равнины, сложно определить границы историко-культурного региона. К таким зонам относится Кузнецко-Салаирская горная область с Кузнецкой котловиной и Ачинско-Мариинской лесостепью. Насколько возможно, это было учтено в процессе выявления общего и особенного андроновской культуры исследуемой территории.

Описание погребальных сооружений андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья с достаточной очевидностью свидетельствует, что основным строительным материалом для возведения курганов являлись дерн или земля, так же, как и во всей лесостепной зоне Западной Сибири. На территории этого обширного региона совпадают их форма и метрические данные. Отмеченное различие в высоте курганов и исчезновение насыпей между Кузнецкой котловиной и Ачинско-Мариинской

лесостепью отвечает общей тенденции между южными и северными памятниками Западной Сибири. Эта тенденция находит отражение в связи с географическим положением Обь-Чулымья, включающего на севере таежные ландшафты. Безотносительно к сказанному на рассматриваемой территории, как и повсеместно в Западной Сибири, за исключением минусинских степей, существуют курганные и бескурганные андроновские кладбища. Однако их значительно меньше, чем, например, в лесостепном Алтае. Если не принимать во внимание два памятника Ачинско-Мариинской лесостепи — Ашпыл и Кадат IX, то к бескурганным могильникам будет относиться только Заречное-I, расположенное на западной периферии Кузнецкой котловины и тяготеющее по ряду показателей к Верхнеобскому региону. Возможно, что данная ситуация отражает степень изученности Обь-Чулымского междуречья, хотя не исключено, что по этому признаку наблюдается близость с Минусинской котловиной. Близость прослеживается также по курганам с пристройками и каменным оградкам, обнаруженным в могильнике Танай-I.

Расположение могил рядами как способ компоновки погребальных комплексов внутри могильного поля имеет широкую региональную прописку. Он зафиксирован в могильниках Кузнецкой котловины (Урский, Танай, Титово и Васьково), Минусинской котловины (Комарова М.Н., 1961, табл.У1; Максименков Г.А., 1978, табл.Ш-4,5; табл.ХХШ; табл.ХХХI-9; табл.ХХХШ-I; табл.ХХХУП-4), Барабинской лесостепи (Молодин В.И., 1985, с.105), на Алтае (Кирюшин Ю.Ф., 1986, с.26) и Томском Приобье (Матющенко В.И., 1973, с.35). Обычай расположения могил рядами в пределах каменных оград известен также в казахстанских степях (Оразбаев А.М., 1958, с.244, рис.28; Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, рис.5; Кадырбаев М.К., 1961, с.50, рис.3). Количество могил под одной курганной насыпью или в пределах каменной ограды варьирует на различных территориях, однако для кузнецких могильников можно указать следующую особенность — чаще сооружение трех могил под одной насыпью. По этому показателю они заметно отличаются от памятников других регионов распространения андроновского населения. Причем в тех случаях, когда под насыпью кургана только одна могила, в

ней находился наиболее сложный вариант деревянной конструкции – сруб с перекрытием и деревянный столб (курган 2, Васьково-5; курганы 1, 2, 4, Титово).

Форма могильных ям, их глубина в памятниках Обь-Чулымского междуречья также типичны для восточных районов андроновского ареала. Можно лишь еще раз подчеркнуть меньшую глубину могил на севере лесостепной зоны. Больше разнообразие наблюдается в конструкции внутримогильных сооружений и деталях обряда погребения. В погребальных памятниках Обь-Чулымского междуречья и Верхней Оби довольно часто устраивали деревянную раму, иногда с покрытием. Можно было бы считать обычай сооружения деревянных конструкций в андроновских могильниках особенностью лесостепной зоны Западной Сибири, но они отсутствуют в памятниках Барабинской лесостепи (Молодин В.И., 1985, с.104–113). Однотипные известны в алакульских памятниках лесостепного Притоболья (Потемкина Т.М., 1985, табл.28). В Минусинской котловине и Казахстане традиционно для внутримогильных конструкций использовали иной строительный материал – камень. Найденные в Среднеенисейском регионе деревянные сооружения однотипны с верхнеобскими и обь-чулымскими, особенно в своеобразных для этой территории могильниках Каменка II и Ланин Лог. В общем-то они содержат погребения, чаще произведенные по обряду кремации, что не характерно для минусинских памятников.

Таким образом, по внутримогильным конструкциям в погребальных памятниках Западной Сибири можно выделить три района, отличающихся друг от друга, – Барабинскую лесостепь, где они отсутствовали; Верхнюю Обь, включая Обь-Чулымское междуречье, – с деревянными сооружениями типа рамы; Средний Енисей – с цистами, реже каменными ящиками из плит. Что касается Верхнеобского региона, то внутримогильные конструкции андроновских погребений Кузнецкой котловины имеют ряд отличий от других районов региона. В частности, здесь часто сооружали в могиле раму в два яруса, значителен процент внутримогильных конструкций с покрытием, известны могилы с материковыми уступами и такой уникальной конструкцией, которая была зафиксирована в могиле 4 кургана 6 могильника Титово.

Не менее показательной оказывается традиция сооружения перекрытий с рамами и срубам. Наблюдается определенная закономерность в исполнении поперечного перекрытия в пять и семь бревен (могильники Титово, Танай-4, Васьково-5 - Кузнецкая котловина; могильники Андроново, Сухое Озеро, Каменка П, Ланин Лог - Минусинская котловина) (рис.65). Сооружение поперечного перекрытия из пяти или семи бревен, вероятно, связано с проявлением этнографических особенностей. Показательно, что подобные перекрытия характерны для могил как с обрядом кремации, так и с труположением. Там, где зафиксировано не поперечное, а продольное перекрытие, количество бревен, использованных для сооружения, может быть различным - могильники Урский, Орак (Комарова М.Н., 1961, табл.Ш -4,II; табл.УШ-3,5). Приведенные факты еще раз иллюстрируют тождество немногочисленных минусинских деревянных конструкций кузнецким. Это тождество усиливается наличием деревянных столбов, установленных в изголовьях погребенных мужчин. В Кузнецкой котловине их найдено 13, в минусинских памятниках - восемь. К ним следует добавить два каменных - в могильниках Орак и Усть-Ерба (Комарова М.Н., 1961; Киселев С.В., 1951, с.73). Можно было бы рассматривать столбы в могилах как специфическую черту минусинских и кузнецких памятников, но не исключено, что ареал их значительно шире и включал казахстанские степи.

Обряд погребения в могильниках Кузнецкой котловины представлен двумя вариантами - труположением и трупосожением, что, впрочем, характерно и для других районов распространения андроновского населения Сибири (Матюченко В.И., 1973, с.30-31; Молодин В.И., 1985, с.105; Максименков Г.А., 1978, с.60-61; Кирюшин Ю.Ф., 1986, с.26). Однако географическая локализация памятников с разным обрядом достаточно определенно зафиксирована только в Кузнецкой котловине. Хотя В.И.Молодин отмечает сходную ситуацию для Барабинской лесостепи - на западе захоронения по обряду ингумации, а на востоке - кремации (Молодин В.И., 1985, с.108-109). На востоке он имел в виду только один могильник - Вахрушево, который расположен ближе к Оби и, вероятно, связан с иной культурно-исторической зоной. Думаем, что эти наблюде-

ния требуют дополнительных данных. В настоящее время ясно, что чем дальше на север, тем меньше захоронений по обряду трупосожжения. Небольшое число их в Среднеенисейском регионе отражает, скорее всего, исторические связи с западными районами распространения андроновской культуры.

Количество погребенных в пределах могильной ямы также варьирует, однако и здесь улавливается определенная закономерность. Ни в одном из могильников Минусинской котловины в могилах с деревянными конструкциями нет более двух погребенных по обряду трупоположения (Максименков Г.А., 1978). Подобная ситуация складывается при анализе погребальных комплексов Кузнецкой котловины. В тех случаях, когда в могилу помещали более двух умерших, использовались каменные гробницы (Максименков Г.А., 1978), а в кузнецких могильниках погребения совершались в грунтовых ямах без каких-либо сооружений внутри могилы. Но этой закономерности нет при захоронении по обряду кремации. По наблюдениям В.И.Молодина, в могильную яму могли помещать до пяти кучек пережженных костей, что соответствовало пяти погребенным (Молодин В.И., 1985, с.109). Вероятно, с этих позиций следует рассматривать погребения в могильнике Урский, где количество погребенных символизировала посуда. В могилы помещали до шести сосудов. Выше уже подробно рассматривались признаки, по которым мы объединяем кузнецкие могильники. Это позволяет привлекать конкретные особенности погребального обряда одного могильника для объяснения характера захоронений в другом. В могилах 3 и 4 кургана 10 могильника Танай помещались по две кучки костей, каждую из которых сопровождал один сосуд. В тех кузнецких погребальных комплексах, где использовался обряд трупоположения, погребенных, как правило, сопровождал только один сосуд и лишь в двух случаях (могильник Титово, курган 4, могила и курган 6, могила 3) – два сосуда. Исходя из этого, с некоторой долей вероятности можно определить количество погребенных в тех могилах Урского некрополя, где остатки кремированных покойников сопровождали от трех до шести сосудов. Подобные погребения следует рассматривать как групповые, и количество погребенных следует оценивать от двух и более, а в моги-

ле 3 кургана I и могиле I кургана I5, вероятно, помещены остатки детей, похороненных по обряду трупосожжения, так как баночные сосуды содержат орнаментальные мотивы, характерные для этой возрастной группы.

В связи с погребениями детей, анализ которых достаточно детально представлен в специальной литературе (Грязнов М.П., 1956; Молодин В.И., 1984, 1985; Хлобыстина 1985), следует отметить следующее. Во-первых, в Кузнецкой котловине до сих пор не обнаружены сепаратные детские могильники, известные в других районах Сибири (в могильнике Заречное-I, несмотря на преобладание детских грунтовых захоронений, все же отмечено одно погребение взрослого под насыпью кургана). Детские погребения совершали как в кургане, так и в межкурганном пространстве. Обряд — только ингумация. По обряду трупосожжения дети похоронены исключительно в курганах. Во-вторых, только с обрядом кремации известны групповые детские погребения в отличие от Алтая, где их хоронили по обряду трупоположения (Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1983, с.16). В-третьих, отсутствуют групповые детские захоронения в андроновских памятниках Среднего Енисея, где обряд кремации не типичен. Соответственно, понятно наблюдение Г.А.Максименкова об отличии андроновских погребальных памятников Среднеенисейского региона от Верхнеобского о количестве сосудов, поставленных в могилу. Если же персонифицировать посуду в погребении, то различие исчезает. Следовательно, специфическим для этих двух территорий является не большее или меньшее количество сосудов в могиле, а наличие или отсутствие групповых захоронений.

В проблеме андроновского обряда погребения по-прежнему остается неясным вопрос о хронологическом соотношении обряда кремации и обряда ингумации. Тождество внутримогильных конструкций, размещения посуды, ее форм и орнаментации, ориентировки могил с разным обрядом заставляет рассматривать их как одновременные. Но нельзя не отметить, что памятники с трупосожжением локализуются в бассейне Верхней Оби, причем достаточно отчетливо выражена их сепаратность. Вероятно, на этой территории существовали коллективы с разным

обрядом погребения, между которыми были различные по характеру связи, включая и брачные.

Что касается других признаков погребального обряда — ориентировки, положения, то они общетрадиционны, типичны для восточных районов Западной Сибири. Различия между районами касаются вариантов, которые количественно не преобладают. То же самое можно отметить по оснащённости погребенных инвентарем.

Особое место в решении проблемы общего и специфического андроновской культуры Западной Сибири на территории от Иртыша до Енисея занимает посуда и ее орнаментация. Сопоставление особенностей композиционного построения декора кузнецких сосудов с горшковидной посудой из фёдоровских памятников других территорий позволяет установить достаточно высокую степень близости. Наиболее отчетливо это проявляется в трехзональном членении орнаментального поля и доминировании в зоне венчика мотива цепочки заштрихованных треугольников. Другим показательным признаком является использование мотивов-разделителей, которые подчеркивают зональное членение. Использование каннелюр, поясков из ямочных вдавлений или цепочки оттисков уголка лопаточки характерно для всех керамических комплексов Западной Сибири. Еще одна особенность композиционного построения орнаментальной схемы заключается в подчиненной, вспомогательной роли орнаментации придонной части посуды. Это выражается в ее эпизодическом появлении на этом участке орнаментального поля и отсутствии специальных орнаментальных приемов для выделения ее в самостоятельную орнаментальную зону. В предыдущей главе было рассмотрено понятие композиционного канона применительно к обь-чулымской посуде, а также его соотношение с другими вариантами построения композиции. Анализ орнаментации посуды сопредельных территорий с этих позиций иллюстрирует объективность выбранного подхода. Статистические данные свидетельствуют об очевидном преобладании первого варианта почти во всех более или менее представительных сериях горшковидной посуды (табл.А). Исключение составляют могильники ЕК-П, Преображенка-3 и БЕ-ХІУ, где этот вариант не является доминантным.

Сопоставление орнаментации посуды федоровских памятников Сибири со стилистической точки зрения позволяет констатировать, что первый стиль – геометрический – широко распространен на всей территории андроновско-федоровского населения. Второй – линейный – также широко представлен в сибирских памятниках, однако более отчетливо он выражен в керамических сериях из кузнецких и среднеенисейских могильников, для которых характерна посуда с сочетанием широкого пояса каннелюр и рядов горизонтальной елочки, выполненной гребенчатым штампом. В посуде могильников западных районов этот стиль орнаментального заполнения наиболее отчетливо представлен на горшках из Вахрушевского могильника (Троицкая Т.Н., 1969).

Прежде чем дать анализ орнаментальных мотивов в декоре посуды на различных территориях, необходимо подчеркнуть один методический аспект. Он касается региональной характеристики, степень объективности которой обуславливает уровень региональных сопоставлений. При географическом, а тем более произвольном территориальном разграничении в группу памятников может входить один или два памятника, имеющих высокую степень близости с памятниками соседнего региона. Если к тому же материалы этих памятников составят значительную долю внутри всей группы, в которую они включены, то, естественно, особенности этих памятников (в данном случае декор посуды) будут возведены в ранг региональных. В таком случае суммарные характеристики двух регионов будут тождественны. По мере возможности мы старались учесть этот аспект и первоначально попытались установить близость между конкретными памятниками, особенно в приграничной зоне регионов. К сожалению, не было возможности использовать все материалы сопредельных территорий, в частности Алтая, в связи с быстрым ростом источниковой базы. А также была введена градация, отражающая частоту конкретного мотива в декоре посуды региона и позволяющая выявить их количественное соотношение в орнаменте на разных территориях (рис. 59). При этом были вынуждены сохранить традиционное региональное разделение памятников, понимая его как географически, а не исторически обусловленное.

Зона венчика практически у всех андроновских горшков достаточно однородна за счет доминирования мотива "цепочка треугольников". Однако этот мотив имеет конкретные варианты исполнения. Так, например, цепочка равнобедренных треугольников в этой зоне, которая, по единодушному мнению исследователей, составляет особенность алакульской орнаментации, довольно часто встречается на горшках из Кузнецкой и Минусинской котловин и значительно реже использовалась для орнаментального заполнения венчика горшков из Барабинской лесостепи и, возможно, Алтая (рис.59). Появление этого мотива на федоровских горшках из сибирских комплексов следует связывать с активными контактами федоровского и алакульского населения на территории Казахстана. Показательно, что в большинстве случаев равнобедренные треугольники зафиксированы в декоре горшков второго стиля – линейного (рис.60). В отличие от горшков с геометрическим стилем орнаментации эта посуда не являлась культовой и принадлежала к категории бытовой посуды и, следовательно, менее жестко контролировалась орнаментальной традицией. Вероятно контакты федоровского и алакульского населения находили свое отражение в орнаментальном комплексе прежде всего бытовой посуды, где алакульские элементы соседствовали наряду с федоровскими и в некоторых случаях получали специфически федоровское оформление, например, равнобедренные треугольники по венчику с бахромой (рис.43-2). Не исключено, что значительный удельный вес гладкого штампа среди приемов нанесения орнаментации на поселенческих комплексах также является следствием контактов федоровского и алакульского населения. Орнамент зоны венчика немногочисленных сосудов в виде горизонтальных линий из кузнецких памятников сближает их с верхнеобскими и с посудой баночной формы Томского Приобья.

В зоне плечиков наблюдается разнообразие орнаментальных мотивов (рис.56). Это позволяет более детально рассмотреть региональные особенности орнаментации в этой зоне. Отличительной чертой кузнецких горшков является широкое использование сомкнутых меандровых мотивов (рис.56 – 6,7). По этому признаку к ним ближе минусинская и алтайская посуда и заметно дальше отстоят барабинские горшки (рис.59). Сомк-

нутые меандровые линейные мотивы во второй зоне также характерны для керамических комплексов из Восточного Казахстана. Использование линейных меандровых мотивов этого типа только во второй зоне составляет особенность кузнецких и минусинских серий горшков. Одной из черт алакульской орнаментации является исполнение этих мотивов в зоне тулова. В алтайских и восточноказахстанских комплексах встречаются как федоровские, так и алакульские приемы использования этого типа меандровых мотивов, и по этому признаку они занимают промежуточное положение между минусинскими и кузнецкими комплексами, с одной стороны, и памятниками западных районов, с другой. Особенности использования сомкнутых линейных меандровых мотивов в комплексе с другими признаками, вероятно, отражают этнографические различия в среде федоровского населения. Различные варианты несомкнутых и частично несомкнутых меандровых мотивов (рис.59, тип 2 и 3) зафиксированы во второй зоне на посуде практически из всех районов Сибири. Выделить какие-либо особенности иконографии, связанные с региональной спецификой памятников, на данный момент не представляется возможным. Следует лишь отметить, что количественная оценка этих мотивов во второй зоне показывает повсеместное их преобладание над сомкнутым меандровым мотивом, за исключением посуды из памятников Кузнецкой котловины.

Иная картина складывается при рассмотрении композиций, образованных в этой зоне противопоставлением цепочки треугольников (рис.59). Противопоставление двух цепочек равнобедренных треугольников характерно для кузнецких и минусинских комплексов и практически полностью отсутствует в керамических комплексах Алтая и лесостепной Барабы, где они зафиксированы единожды. Построения из косоугольных треугольников (рис.59) имеют более высокую частоту встречаемости и бытуют в сериях горшкovidной посуды Кузнецкой и Минусинской котловин, а также в керамических комплексах могильников Алтая. В орнаментации посуды на территории Барабы они отсутствуют. В одной из работ М.Н.Комарова отмечала, что две цепочки косоугольных треугольников, обращенных вершинами друг к другу, не характерны для западных районов (Комарова М.Н., 1962, с.58). Вероятно, к этим территориям относится Барабинская

лесостепь. Таким образом, как и в случае с использованием линейных сомкнутых меандровых мотивов, оказываются близкими орнаментальные комплексы Южной Сибири, Алтая и Восточного Казахстана, где также зафиксирован этот мотив (рис.59). Одну цепочку равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вверх в орнаментации, использовали довольно редко. Исключение составляют только керамические серии Алтая, где этот мотив зафиксирован на различных памятниках (рис.59). На кузнецких горшках он встречается только один раз, и его бытование, видимо, отражает конкретную локальную орнаментальную традицию федоровского населения Алтая.

Особого внимания заслуживает мотив "широкий пояс каннелюр" (рис.59). М.Н.Комарова отнесла его к комплексу собственно федоровских мотивов (Комарова М.Н., 1962, с.54). Несмотря на то, что он широко встречается на всей территории распространения андроновской культуры, наиболее употребительным этот мотив был в среде федоровского населения Кузнецкой и Минусинской котловин. Примечательно, что для памятников Алтая половину от всего количества сосудов по этому признаку дал могильник Кытманово, а среди барабинских могильников по этому признаку выделяется могильник Вахрушево. Этот орнаментальный мотив керамических комплексов могильников Вахрушево и Кытманово сближает их с памятниками Кузнецкой и Минусинской котловин.

В третьей зоне хотелось бы прежде всего остановиться на мотиве "зигзаг" (рис.60). Он широко представлен в декоре горшков разных районов. Часто он встречается на тулове сосудов из кузнецких и алтайских памятников. М.Н.Комарова и Г.А.Максименков считали, что мотив "зигзаг" в декоре посуды из сибирских федоровских памятников восходит к алакульской орнаментальной схеме (Комарова М.Н., 1962; Максименков Г.А., 1978). При этом было сделано наблюдение, что зигзаг не встречается с меандровыми мотивами на сосудах из памятников Среднего Енисея (Максименков Г.А., 1978, с.69). Зигзаг, как и другие алакульские мотивы, был переработан в среде федоровского населения, что нашло свое отражение в технике исполнения мотива и количестве лент зигзага. Наиболее показательными в этом отношении являются комплексы

горшковидной посуды из могильников Кузнецкой котловины. Ленты зигзага выполняли мелким гребенчатым штампом, и каждая отдельная лента состояла, как правило, из трех рядов оттисков. Зигзаг из нескольких лент мог оформлять орнаментальный пояс (рис.38-I), заполнять орнаментальное поле сосуда, разделенное на две орнаментальные зоны (рис.8 - 6) и завершать композицию в зоне тулова при трехзональном членении (рис.16 -3). Но во всех случаях количество лент было либо две, либо три. В тех случаях, когда ленты составляли единый пояс, их могло быть больше. В достаточно представительной серии алакульских горшков, опубликованной В.С.Сорокиным, только на шести количество лент превышало две (Сорокин В.С., табл.Ш-12; табл.У - 7; табл.УП-12; табл.ХI-I; табл.ХII-7; табл.ХIV-14). В большинстве случаев в пределах орнаментальной зоны наносилась одна, реже две ленты зигзага. Таким образом, нанесение в пределах одной орнаментальной зоны трех и более лент зигзага возможно рассматривать как собственно федоровский орнаментальный прием. В этой связи особое значение приобретает наблюдение С.В.Зотовой о том, что зигзаг выполнял роль орнаментальной основы для построения сложных ковровых орнаментов в зоне тулова (Зотова С.В., 1965, с.177).

Сложные меандровые построения в зоне тулова наиболее часто встречаются на горшках из керамических комплексов Кузнецкой котловины (рис.59). Они, как правило, оформлялись мотивом из цепочки треугольников, образующих зигзаг (рис.59). Этот специфически федоровский орнаментальный прием присущ также сосудам соседних территорий и отражает общекультурную орнаментальную традицию. Вместе с тем в его исполнении можно проследить некоторые особенности, присущие отдельным памятникам и группам памятников. Так, для горшков из минусинских и кузнецких могильников характерны более сложные меандровые построения, что отличает их от алтайских и барабинских серий посуды, где особняком стоят могильники Вахрушево и Кытманово, тяготеющие к южносибирским комплексам. Именно их удельный вес в общей массе случаев снивелировал суммарные показатели орнаментации на тулове горшков (рис.59).

Альтернативным вариантом орнаментального заполнения зо-

ны тулова выступают пирамидки из треугольников. Этот мотив представлен во всех анализируемых сериях. Его высокий процентный показатель — еще одно свидетельство в пользу ярко выраженной федоровской специфики в орнаментации посуды из кузнецких и минусинских могильников. У нас пока нет данных для того, чтобы подкрепить или опровергнуть тезис С.В.Зотовой о связи особенностей построения этого мотива с этнографическими особенностями федоровского населения (Зотова С.В., 1965, с.181). Более плодотворным оказывается детальный анализ штриховки треугольников, составляющих этот мотив. В таблицах (рис.67, рис.68) представлена зависимость этого орнаментального приема с внутримогильными конструкциями комплексов Кузнецкой и Минусинской котловин. Данные свидетельствуют о тяготении посуды с кривой штриховкой треугольников к деревянным конструкциям, а горшков с горизонтальной штриховкой треугольников — к каменным сооружениям. Объяснить эту зависимость пока можно лишь с определенной долей вероятности. Не исключено, что она отражает процесс проникновения федоровского населения из Кузнецкой котловины в Минусинскую.

Баночная посуда из погребальных комплексов и поселений менее показательна, чем горшки. Простота формы, композиционного построения, ограниченное количество технических приемов нанесения орнамента и мотивов делают ее в значительной мере "стандартизованной". Однако в ней достаточно хорошо выражен общекультурный колорит. К особенностям ее, возможно, регионального характера будет относиться преобладание того или иного мотива (хотя это зависит от количественного состояния источникового фонда). Поэтому неясно, являются ли валики на баночной посуде поселений Ачинско-Мариинской лесостепи, где они широко представлены, специфической чертой орнаментации. В районах, лежащих к западу, валики известны на баночной посуде, но количество их невелико и гораздо меньше, чем в ачинско-мариинских комплексах. Соответственно, более конструктивные выводы можно сделать на основании анализа горшковидной посуды.

Таким образом, данные, полученные в ходе анализа орнаментации керамических серий из андроновских могильников на

территории Сибири, позволяют рассматривать декор кузнецких и минусинских горшков как наиболее яркое проявление Фёдоровской орнаментальной традиции. Это нашло свое воплощение в композиционном построении орнаментальной схемы, существовании двух орнаментальных стилей, репертуаре орнаментальных мотивов и вариантах их сочетания, специфических приемах нанесения этих мотивов и их иконографии. Возможно, количественные показатели орнаментальных мотивов, которые явились основой выявления региональной специфики, отражают современное состояние источниковой базы андроновских древностей Сибири. Но тем не менее можно констатировать, что в Минусинской и Кузнецкой котловинах шире представлен линейный стиль, чаще в орнаментации венчика использовали цепочку равнобедренных треугольников, широкий пояс каннелюр, во второй зоне — сомкнутый меандровый узор. К орнаментальной специфике Кузнецкой котловины следует отнести сложный меандр и сочетание его с зигзагом. По ряду перечисленных орнаментальных признаков к памятникам котловин близки могильники Вахрушево и Кытманово.

По характеру погребальных сооружений и обряду погребения андроновских памятников меньше различий между регионами, чем по орнаментации посуды. Исключение составляет только Среднеенисейский регион, который значительно отличается от других территорий: каменные ограды, пристройки, ящики и цисты, преобладание труположения, отсутствие грунтовых захоронений. Барабинскую лесостепь, Верхнее Приобье и Обь-Чулымье объединяют земляные курганы, грунтовые могильники, групповые захоронения, обряд кремации и ингумации. Для Верхнего Приобья и Обь-Чулымья характерны деревянные внутримогильные конструкции. По ряду признаков — ограды, пристройки, деревянные столбы — андроновские погребальные памятники Кузнецкой котловины близки минусинским. Таким образом, Обь-Чулымское междуречье, географически занимая промежуточное положение между Средним Енисеем и Верхним Приобьем, в блоке признаков погребального обряда имеет типологическое сходство с сопредельными восточными и западными регионами распространения андроновских памятников.

Типолого-морфологические особенности андроновской куль-

туры в Кузнецкой котловине и на Среднем Енисее находят подтверждение в антропологическом материале. В.П.Алексеев, изучая антропологические материалы андроновских могильников Минусинской котловины, выдвинул тезис о своеобразии андроновского антропологического типа и его бытовании в наиболее чистом виде у населения этого региона (Алексеев В.П., 1967). Мнение о гомогенности андроновского населения минусинских степей разделяет И.И.Гохман (Гохман И.И., 1973, с.96-106). Наблюдения В.А.Дремова, основанные на анализе антропологического материала погребальных памятников бассейна Оби и прилегающих территорий, позволили констатировать ярко выраженный европеоидный облик населения, которое оставило могильники Титово, Васьково, Гилево, Кытманово и Вахрушево (Дремов В.А., 1987, с.10-12). Приведенные заключения показательны не только в связи с единством антропологического облика андроновского населения котловин, но и в отношении близости к ним населения, оставившего могильники Вахрушево и Кытманово, на что уже указывалось в ходе анализа орнаментации и погребального обряда. Можно предполагать, что в ряде памятников Западной Сибири отступление от традиционных приемов, особенно орнаментации, связано с тесными контактами андроновского и местного населения. В таком случае своеобразии материалов могильников ЕК-II, Преображенка-3 и БЕ-XIV, в частности нарушение принципов композиционного построения декора на посуде, должно отражать антропологическую разнородность населения, оставившего эти памятники. В краниологической серии из андроновских погребений могильника Преображенка-3 это нашло отчетливое подтверждение (Молодин В.И., Чикишева Т.А., 1988, с.157-171).

Определение места андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья среди однокультурных памятников Западной Сибири связано с проблемой локальных вариантов. В специальной литературе высказана точка зрения о существовании верхнеобского локального варианта андроновской культуры (Косарев М.Ф., 1981, с.116-118; Кирюшин Ю.Ф., 1986, с.26-27). Суммируя данные анализа материальной культуры и погребального обряда андроновского населения в восточных районах Западной Сибири, считаем, что в настоящее время

нет достаточных оснований для такого заключения. Его можно принять с формальной точки зрения как противопоставление археологическим материалам контактной зоны лесостепи и тайги. С позиции историко-культурных реконструкций, основанных на типологических сопоставлениях, более отвечающее объективной реальности представляется выделение среднеенисейского локального варианта. Именно в этом регионе погребальные памятники андроновской культуры содержат комплекс самостоятельных признаков. Культурная специфика памятников Кузнецкой котловины близка Среднеенисейскому региону, но содержит ряд черт, объединяющих их с андроновской культурой Верхней Оби и Барабинской лесостепи, что вполне естественно, учитывая физико-географическую характеристику котловины и ее географическое расположение в контактной зоне Кузнецко-Салаирской горной области с равнинными лесостепными районами Западной Сибири. Барабинской лесостепи и Верхнему Приобью свойственны андроновские памятники, в которых прослеживается смешение культурных черт, связанное с инокультурным влиянием. В Кузнецкой и Минусинской котловинах памятники содержат наиболее выраженный, "чистый" андроновский комплекс, что, вероятно, является закономерностью исторического развития в условиях межгорных котловин.

ГЛАВА У ХРОНОЛОГИЯ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Определение во времени археологических памятников по-прежнему является одной из остроактуальных задач науки, несмотря на активное развитие современных естественных методов датирования. Это находит отражение, в частности, и в дискуссионном характере хронологии андроновских древностей. Однако позитивным следует признать, что, несмотря на различные концептуальные позиции, современные исследователи придерживаются единой точки зрения о хронологическом месте федоровских памятников (тип, этап, культура), которые они относят ко второй половине II тыс. до н.э. Полемика идет об абсолютных датах андроновско-федоровской культуры. Разно-

гласия обусловлены рядом объективных и субъективных причин. Во-первых, андроновская общность занимает огромную территорию и даже географическая локализация федоровских памятников представляет собой обширный ареал, который, по мнению Е.Е.Кузьминой, охватывает Средний Енисей, Верхнюю Обь, Восточный Казахстан. Они же чересполосно существуют с алакульскими в Приуралье, Центральном и Северном Казахстане (Кузьмина Е.Е., 1985). Во-вторых, до сих пор неясен центр формирования андроновско-федоровской культуры, что очень важно, так как границы культуры во времени не статичны, а динамичны. Исходя из этих двух причин, очевидна сомнительность экстраполяции датировок отдельных памятников на ареал культуры. В-третьих, складывается впечатление об асинхронности западной и восточной линий датирования, основанных соответственно на крито-микенских древностях и китайских документированных источниках. Западная линия, по нашим наблюдениям, дает более древние даты. Если это положение верно, то становятся понятными ранние даты федоровской культуры, базирующиеся на материалах памятников алакульской и срубной культур. В-четвертых, в основе многих предложенных исследователями хронологических схем лежат материалы погребальных комплексов, тогда как хорошо известно, что в силу специфики погребальный обряд консервативен и менее подвержен инновациям и трансформации, чем поселенческий комплекс. Исключения составляют работы Г.Б.Здановича, проведенного обширные раскопки ряда поселений с достаточно выраженной стратиграфией (Зданович Г.Б., 1988). Вполне естественно, что не учитывать изложенные обстоятельства в решении проблемы хронологии андроновской культуры, в том числе и на территории Западной Сибири, неправомерно.

Относительная хронология. Интенсификация изучения эпохи бронзы Западной Сибири привела к тому, что в последнее десятилетие был выявлен ряд стратифицированных памятников, в которых определенное место занимал андроновский комплекс. И что очень важно, так это не их узкогеографическая локализация, а широкое распространение от Барабинской лесостепи до Среднего Енисея. Некоторые из стратиграфических наблюдений опубликованы. В.И.Молодин, анализируя данные па-

мятника Преображенка-3, отмечает, что ирменские курганы 8 и 14 сооружены на месте андроновского детского грунтового могильника, погребальные ямы которого перерезали остатки кротовского жилища. Курганы поздней бронзы 12, 23 и 28 также перекрывали андроновские могилы. Но более показателен случай в этом могильнике, когда погребение, по обряду типичное для поздней бронзы, перекрывало могильное пятно андроновской могилы. Наконец, на поселении Каргат-6 автор неоднократно фиксировал по стратиграфии выброс из котлована ирменского жилища, перекрывающий андроновский слой (Молодин В.И., 1985, с.115-116). Таким образом, стратиграфическая ситуация на двух археологических памятниках лесостепной Барабы позволяет заключить, что в этом конкретном географическом регионе андроновско-федоровская культура появилась позже кротовской, но раньше ирменской. Однако кратковременное сосуществование кротовцев и андроновцев, вероятно, следует допускать. Этот вывод позволяют сделать факты использования кротовских орнаментальных мотивов в декоре федоровской посуды и, наоборот, найденных в могильнике Сопка-2 (Молодин В.И., 1987, с.108-110), а также залегание позднекротовской и андроновской керамики на полу жилища поселения Черноозерье IV, расположенного к северу от Барабы в Среднем Прииртышье (Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1988, с.57).

В лесостепном Алтае также известно несколько стратифицированных памятников. При исследовании поселения на озере Иткуль Б.Х.Кадиковым была выявлена андроновская землянка, которая перерезала культурный слой самусьского времени (Матющенко В.И., 1973, с.42). К сожалению, указавший на этот факт В.И.Матющенко не дает обоснования стратиграфической ситуации. Сомнение вызывает определение типа жилища. Из большого количества исследованных андроновских поселений к настоящему времени только на двух - Ляпустином Мысу и Кудельке - зафиксированы остатки наземных жилых сооружений (Кирюшин Ю.Ф., 1986, с.26; Зах В.А., 1984). Остальные памятники - только с культуросодержащим слоем. Все это свидетельствует о подвижном образе жизни андроновского (федоровского) населения (Молодин В.И., 1985, с.114; Бобров В.В.,

1988а, с.58). Открытие жилищ на поселениях, расположенных в предгорной зоне Салаира и Алтая, вероятно, свидетельствует о некотором своеобразии характера хозяйственной деятельности населения этих географических районов в отличие от обитателей обширных открытых пространств лесостепи Западной Сибири. Жилище поселения Ляпустин Мыс перерезало слой, содержащий материалы елунинской культуры, а на поселении Большой Лог андроновский слой был перекрыт позднебронзовым, в котором найдены фрагменты посуды, напоминающей замараевскую и типологически близкой бегазы-данцыбаевской (Кирюшин Ю.Ф., 1986, с.27). Таким образом, алтайские стратифицированные памятники отражают относительную хронологию андроновской культуры, идентичную Барабинской лесостепи.

В Кузнецкой котловине при раскопках поселения Куделька-2 В.А.Зах зафиксировал случай, когда андроновский слой был перерезан остатками жилища ирменской культуры (Зах В.А., 1984, л.51). Наиболее сложным в стратиграфическом отношении оказался исследованный им могильник Заречное-1. Этот археологический памятник содержал культурный слой самусьского времени, а возможно, и более раннего, так как в насыпях курганов найдены отщепы, пластины, нуклеусы, каменные орудия, самусьская керамика. Под раскопанными курганами было обнаружено значительное количество ям, которые автор также относит к самусьской культуре. На памятнике исследованы единичные погребения эпохи неолита и ранней бронзы (Зах В.А., 1985, с.23-28). Андроновская эпоха представлена как курганными захоронениями, так и грунтовыми детскими погребениями. Значительная же часть курганов была сооружена в эпоху поздней бронзы. И только один из раскопанных курганов датируется ранним железным веком и средневековьем. Важен факт использования местонахождения самусьского поселения спустя длительное время после прекращения его функционирования под кладбище населением андроновской и ирменской культур. Более определенные данные памятник содержит о стратиграфическом соотношении погребений развитой и поздней бронзы. В частности, могила I кургана I, представленная прямоугольной ямой глубиной до полуметра с захоронением двух детей (судя по обряду погребения и инвентарю, близкая

еловскому типу), частично перекрывала андроновскую могилу 2. В целом же под курганной насыпью было обнаружено 15 погребений, три из них принадлежали андроновской культуре, остальные ирменской. В небольшом по размеру кургане 9 (диаметр 8 м) находилось 12 погребений: шесть детских (андоновской культуры), одно парное захоронение (по мнению автора раскопок, эпохи неолита), одна могила с захоронением четырех человек эпохи доандоновской бронзы, восемь погребений эпохи поздней бронзы. Судя по планиграфии, курган все же был сооружен для восьми захоронений, произведенных на уровне материка и ориентированных на ЮЗ. Вещей, к сожалению, нет. Эти погребения сопровождало захоронение животного в каменном ящике на уровне древней поверхности. Зафиксировано, что погребение 12 перекрывало андроновскую могилу II. Таким образом, можно констатировать расположение кургана поздне-бронзового времени на местонахождении андроновских детских могил, захоронений неолита и доандоновской эпохи. Идентичная ситуация наблюдалась в кургане 10 (Зах В.А., 1984).

В центральной части Кузнецкой котловины при раскопках двух андроновских курганов у с. Васьково (Васьково-5) В.В. Бобровым обнаружены впускные детские погребения ирменской культуры: в первом кургане два, во втором — три. Все они расположены по периферии курганов, кроме одного погребения, находившегося у края андроновской могилы (курган 2). Им же в процессе раскопок ирменского могильника Журавлево-4, для которого есть основания считать его более ранним относительно известных аналогичных памятников этой культуры в Кузнецкой котловине, в насыпях курганов 5, 6, II обнаружены отдельные разрозненные фрагменты андроновской посуды, характерной для поселенческих комплексов. Происхождение ее в насыпи связано со строительным материалом — дерном или землей, которые шли на возведение надгробных сооружений и кургана в целом и которые брали с месторасположения некогда существовавшей кратковременной андроновской стоянки.

В Ачинско-Мариинской лесостепи также известно несколько стратифицированных памятников. В 1956—1958 гг. А.И. Мартынов исследовал Большепичугинский могильник, в котором курганы тагарского времени перекрывали андроновские, причем

в курганах 2 (курган I по отчету о раскопках 1957 года) и 6 тагарские могилы частично разрушили андроновские. В насыпи кургана 2, кроме фрагментов андроновской посуды, попавшей туда в результате сооружения тагарской могилы, были найдены фрагменты керамики доандроновской бронзы. Не исключено, что они попали с почвой, содержащей культурный слой, при возведении андроновского кургана, точно так же, как ирменская поселенческая посуда во фрагментах оказалась в насыпях тагарских курганов 5, 6 и 8. В частности, курган 6 содержал андроновскую могилу, разрушенную тагарской (Мартынов А.И., 1966, с. 175). Хотя А.И. Мартынов связывает фрагменты ирменской посуды с погребениями этой культуры в составе могильника, это вызывает сомнение, так как находки демонстрируют разнообразие по размерам и орнаменту и количественно относятся к 15-17 сосудам. Для ирменских погребений Кузнецкой котловины установлен факт нахождения посуды с захоронениями женщин, чаще всего в могилу ставили один сосуд. Даже если предположить, что в Большепичугинском могильнике были погребены только женщины, то захоронений было как минимум 12-13. Вряд ли они все могли быть уничтожены тагарскими погребальными сооружениями. Стратиграфическая ситуация данного памятника устанавливает более позднее время существования тагарской культуры в Ачинско-Мариинской лесостепи относительно андроновской и ирменской. Косвенно можно полагать и более ранний возраст первой относительно последней, ирменской культуры. Другим памятником со стратиграфической ситуацией в Ачинско-Мариинской лесостепи является поселение на берегу Тамбарского водохранилища. Культурный слой поселения содержал разновременные материалы - ранней бронзы, окуневской культуры, ирменской, лугавской, молчановской, андроновской и тагарской культур. Повсеместное распространение имел только инвентарь лугавской культуры, к которой относились и остатки пяти жилищ. Использование ирменских орнаментальных мотивов в декоре лугавской посуды явно свидетельствует о синхронности этих культур, по крайней мере на данной территории. Подобная посуда найдена на полу и в ямах жилищ. Андроновский комплекс планиграфически выделялся на северной периферии

поселения. Здесь же найдено небольшое количество молчановской керамики. В этой части поселения лугавское жилище 4 перерезало слой с раннебронзовыми и андроновскими материалами. О соотношении лугавских и молчановских комплексов судить трудно из-за малочисленности последнего. Можно лишь отметить, что в Устинкинском могильнике, раскопанном Д.Г.Савиновым, зафиксирован один факт, позволяющий предполагать синхронность этих культур на каком-то отрезке времени (Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1983, с.68,70). Данные поселения на берегу Тамбарского водохранилища позволяют констатировать, что андроновское поселение на этом месте существовало раньше, чем здесь появились лугавцы, ирменцы и молчановцы. На других памятниках Ачинско-Мариинской лесостепи прослеживается относительная хронология по линии андроновской и тагарской культур. Так, на памятнике Кадат IX, исследованном В.В.Бобровым, отчетливо видно, что андроновские могилы 1,2 и 3 перерезают слой кратковременной стоянки эпохи ранней бронзы; могилы 1,2,5 перекрыты тагарскими ритуальными ямами; кроме того, могила 4 оказалась частично перерезанной тагарской могилой. Памятник иллюстрирует существование своеобразного тагарского ритуального комплекса на месте андроновского грунтового могильника по истечении длительного времени. По отдельным находкам — бронзовому ножу с головкой лося на рукояти, кельту, проколкам и керамике — время тагарского памятника не старше V в. до н.э. Аналогичная ситуация зафиксирована Э.Б.Вадецкой и С.Б.Гультовым на тагарском могильнике Ашпыл, который перекрывал андроновские погребения (Гультов С.Б., 1982, с.103-104). Тагарские курганы Ашпыла датированы VI-III вв. до н.э. (Вадецкая Э.Б., Гультов С.Б., 1986, с.94). Оба памятника — Кадат IX и Ашпыл — не относятся к раннетагарским.

Для андроновской культуры Среднего Енисея в литературе отмечено три случая стратиграфического характера. В могильнике у улуса Орак, расположенного на севере Хакасии, Г.П.Сосновский, исследуя сложный по конструкции курган "А", отметил, что в ограде андроновской могилы 43 находилась детская могила карасукской культуры, которая частично разрушала первую, и что при сооружении карасукской могилы был

использован камень из андроновской могилы (Комарова М.Н., 1961, с.46). Причем речь идет о пункте у Красной Горы, где в составе андроновского могильника оказалось всего пять карасукских захоронений: два взрослых и три детских. Судя по форме посуды и ее орнаментации, эти погребения относятся не к карасукской культуре, как определяет М.Н.Комарова, а к лугавской или, возможно, к смешанному лугавско-карасукскому типу памятников (Комарова М.Н., 1975, с.85-89). Что касается упоминания Е.Е.Кузьминой находки в карасукской могиле Федоровского горшка в могильнике Усть-Ерба (Кузьмина Е.Е., 1985, с.32), то обращение к первоисточнику не подтверждает этого факта (Киселев С.В., 1935, с.206-210; 1951, с.72-73; 132-138). Таким образом, в настоящее время нет ни одного случая перекрывания андроновского памятника собственно карасукским. Более того, в центральных районах минусинских степей наблюдаются планиграфические группы андроновских и карасукских курганов в составе одного могильника, точно так же, как на Алтае (Быково), в Томском Приобье (ЕК-П) и в Кузнецкой котловине (Танай-1) андроновские с еловскими и корчажкинскими. Видимо, в Хакаско-Минусинской котловине, за исключением юга, где андроновские памятники неизвестны (Максименков Г.А., 1975, с.55; рис.2; Вадецкая Э.Б., 1986, с.41-42), на раннем этапе, синхронном названным культурам Верхнего Приобья, карасукское население сосуществовало с андроновцами. О нижней относительной хронологической границе свидетельствует только один факт: на перекрытие могилы 7 кургана 430 в могильнике Сухое Озеро была использована окуневская стела, лежавшая изображением вниз (Максименков Г.А., 1978, с.27).

Обзор стратифицированных памятников степных и лесостепных районов Западной Сибири дает основание определить место андроновских памятников в относительной хронологии. Андроновская культура в восточных районах ее ареала существовала позже кротовской, самусьской, елунинской и окуневской культур. Проведенное исследователями сравнительно-типологическое сопоставление кротовской культуры с окуневской (Молодин В.И., 1987, с.136-138), самусьской с окуневской (Матющенко В.И., 1973, с.114-115; 1983, с.38; Максименков Г.А.,

1968, с.172; Вадецкая Э.Б., 1966), елунинской с кротовской (Кирюшин Ю.Ф., 1985, с.72-77) выявило их синхронно-стадиальное единство, позволяющее рассматривать их как историко-культурный слой, соответствующий сейминской эпохе. Скотоводы-андроновцы с их сильной этнокультурной консолидацией, уничтожив довольно развитые общества кротовцев, самусьцев, елунинцев и окуневцев, заняли практически всю их территорию и сохранили свойственный им традиционный хозяйственный уклад, облик материальной и духовной культуры, а также антропологический тип. Вероятно, к числу показателей относительной хронологии можно отнести малочисленные дериваты орнаментальной традиции культур сейминской эпохи в декоре андроновских сосудов (Максименков Г.А., 1978, с.105; Молодин В.И., 1987, с.108-110; Бобров В.В., Михайлов Ю.И., 1988), а также андронидные культуры в южнотаежной зоне Западной Сибири, в которых достаточно отчетливо выражен автохтонный компонент, восходящий к самусьско-сейминскому времени. Относительно пределов существования андроновской (Федоровской) культуры стратифицированные памятники дают основание считать, что на значительной территории ее сменила ирменская, хотя в литературе приведены свидетельства одновременности этих культур (Членова Н.Л., 1983, с.25). В частности, в могильнике Змеевка на Алтае ирменское захоронение женщины было среди андроновских погребений. Сходная ситуация зафиксирована в андроновском могильнике Кытманово. В первом случае возможны два предположения: или ирменский курган был возведен на андроновском кладбище, или захоронение впускное. Второй случай объяснить сложнее. Но обращает на себя внимание тот факт, что в могиле Г7 находились два сосуда, один из которых типично корчажкинский, а другой типологически близок ирменскому. Не исключено, что захоронение в этой могиле корчажкинского типа. Погребения же андронидных культур соседствуют с андроновскими на ряде могильников Верхней Оби, но об этом немного ниже. Сейчас важно отметить, что памятники со стратиграфически фиксируемым перекрытием ирменскими объектами андроновских захоронений и культуросодержащих слоев обнаружены на всей территории распространения культуры позднебронзового времени,

то есть этот факт явно не локального характера. К сожалению, мало стратиграфических данных для Среднего Енисея. Мы отметили только один случай перекрывания лугавской детской могилы андроновского погребения у Красной Горки на севере Хакасии. Такое же соотношение культур наблюдается по материалам Тамбарского поселения в Ачинско-Мариинской лесостепи. Вместе с тем есть доказательства синхронности ирменской и лугавской культур, что заставляет полагать существование последней позже андроновской. Исследователи неоднократно отмечают в погребальных конструкциях и материальной культуре лугавцев черты, которые получили дальнейшее развитие в тагарской культуре минусинских степей. Это еще раз свидетельствует о предшествовании лугавской культуры тагарской, точно так же, как ирменская предшествовала культурам скифского времени на территории ее распространения. Следовательно, практически в одно время от Иртыша до Енисея андроновскую культуру сменили ирменская и лугавская.

Более сложен вопрос об относительном хронологическом соотношении андроновской культуры и еловской и корчажкинской, а также еловской, корчажкинской и ирменской в Верхнем Приобье, андроновской и карасукской, соответственно, карасукской и лугавской на Среднем Енисее. В настоящее время на территории бассейна Верхней Оби известен только один случай, когда могила (вероятно, корчажкинской культуры) перекрывала андроновскую — могильник Заречное-1. Но этот факт имеет объяснение. Вполне возможно допустить сосуществование андроновцев-Федоровцев в периферии их ареала с инокультурным населением. Собственно еловцы обитали в предтаежной и таежной зонах, а корчажкинцы на Фирсовском этапе — в предгорной. Продвинувшись далеко на восток и освоив межгорные котловины — Кузнецкую и Хакасско-Минусинскую, андроновцы вдали от центра формирования сохранили антропологическую гомогенность и традиционность материальной и духовной культуры. Но подобный "изоляционизм" вряд ли был долговременным. В конечном итоге ослабление андроновских обществ приводило к проникновению на их территорию населения указанных андронидных культур. Небезынтересно, что материалы памятников, оставленных новым населением в среде андроновского обитания, имеют

больше черт андроновской традиции, чем в изначальных районах на раннем этапе их существования. С позиции этой исторической реконструкции сложнее объяснить соотношение андроновской и карасукской культур. Однако нельзя не обратить внимания на то, что посуда из карасукских погребений в составе андроновских кладбищ отличается большей орнаментальной нарядностью и геометризмом в декоре. На эту характерную особенность указывал еще С.В.Киселев, исследуя могильник у с.Усть-Ерба (Киселев С.В., 1935, с.207-210). Посуда по форме, орнаментации из аналогичных могильников имеет удивительное сходство с посудой из еловских погребений, с посудой, украшенной в геометрическом стиле, из поселений корчажкинской культуры, с керамикой из памятников бегазы-дандыбаевского типа. На это обстоятельство исследователи неоднократно обращали внимание (Матющенко В.И., Сотникова С.В., 1984, с.35-53; Ермолаева А.С., 1987, с.154-163; Маргулан А.Х., 1979, с.129-130 и др. работы). Но чаще причины сходства видели в культурных контактах и связях (Членова Н.Л., 1972, с.58-60). Один из авторов данной работы высказал мысль о существовании карасукско-бегазы-дандыбаевской общности, в которую входили корчажкинская и лесостепная еловская культуры (Бобров В.В., 1988б, с.71). То есть можно предполагать синхронность карасукской культуры андроновской на каком-то этапе ее существования. Эта идея нашла отражение в работе Н.Л.Членовой еще в 1972 году (Членова Н.Л., 1972, с.35,60). Но определенный период времени развитие карасукской культуры продолжалось, когда на смену андроновской пришла лугавская культура.

Абсолютная хронология. Основанием для абсолютного датирования является ряд факторов: хронологические границы культур самусьско-сейминского типа и предскифского времени, которые в отличие от андроновских памятников содержат значительное количество датирующих вещей в закрытых комплексах; хронология андронидных культур, сформировавшихся при участии и развивавшихся под влиянием андроновских обществ; материалы поселенческих андроновских комплексов; данные радиоуглеродного анализа.

Хронологии сейминской бронзы посвящено достаточно бо-

льшее количество исследований. Диапазон дат широк — от ХУП в. до н.э. до УШ в. до н.э. Нет необходимости давать анализ и перечислять хронологические параллели разным категориям сейминских изделий. В ряде работ эта процедура выполнена достаточно корректно, поэтому ограничимся указаниями на них. Верхнюю хронологическую границу сейминско-турбинских памятников восьмым веком до нашей эры определила и разделяет только Н.Л.Членова (Членова Н.Л., 1972, с.138). Большинство же исследователей, используя традиционные методы датирования, считают рубежом существования памятников ХIУ или ХШ в. до н.э. (Городцов В.А., 1916, с.194-223; Гимбутас М., 1965; Бадер О.Н., 1964, с.163, 1970, с.57; Матющенко В.И., 1978, с.34; Тихонов Б.Г., 1960, с.26,39; Косарев М.Ф., 1974, с.92-94, 1981, с.105-106). В историографии этой проблемы качественной системой доказательств, основанной на современных методах науки, выделяются работы В.С.Бочкарева, Е.Н.Черных и С.В.Кузьминых. Первый исследователь, коррелируя детально дифференцированные признаки металлических изделий, особенно орнамент, убедительно показал ранний возраст Турбина относительно Сейма и синхронность последнего Ростовке и Самусь IУ, не исключая возможности, что сибирские памятники могут быть и несколько моложе (Бочкарев В.С., 1986, с.108). Е.Н.Черных и С.В.Кузьминых привлекли практически все известные однотипные и типологически близкие аналогии сейминским материалам с территории Евразии и доводят время существования сейминского феномена до ХШ в. до н.э. (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1987, с.102). Надо все же иметь в виду, что датировке подвергнуты материалы памятников, не укладывающихся в понятие "археологическая культура" и расположенных на территориях, значительно удаленных друг от друга. Из этого следует, во-первых, возможность несовпадения во времени памятников сейминского типа; во-вторых, однажды возникнув, вещи или тип вещей могли иметь длительное существование. В качестве примера приведем, хотя и небесспорную, датировку могильника Ростовка, верхнюю хронологическую границу которой В.И.Матющенко определяет ХП-ХI вв. до н.э. (Матющенко В.И., 1988, с.122), и материалы Осинкинского могильника, исследованного Д.Г.Савиновым и

относящегося к эпохе поздней бронзы (Савинов Д.Г., 1975, с.94-100).

В тесной связи с проблемой датировки сейминских бронз находится хронология кротовской, самусьской и елунинской культур. Критический анализ материалов памятников кротовской культуры позволил В.И.Молодину датировать культуру не моложе XIV в. до н.э. (Молодин В.И., 1985, с.88). В этих же хронологических пределах определяют рубеж существования кротовской культуры на Верхней Оби Ю.Ф.Кирюшин и И.Г.Глушков (Кирюшин Ю.Ф., 1986, с.20; Глушков И.Г., 1986, с.3-16). В.И.Матюченко, приведя комплекс доказательств, считает, что время существования самусьской культуры было до XIII в. до н.э. (Матюченко В.И., 1973, с.49-59). Не отличается от датировки этих культур и хронология елунинской культуры, предложенная Ю.Ф.Кирюшиным. Но он больше склонен верхнюю хронологическую границу относить к рубежу XV-XIV вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., 1986, с.20). Что касается хронологии окуневской культуры, то уже отмечалась работа В.И.Молодина, в которой проделана корреляция кротовской и окуневской культур, позволившая синхронизировать во времени эти два этнокультурных образования (Молодин В.И., 1987, с.136-138). Эту точку зрения В.И.Молодина на возраст окуневских памятников полностью принимает Э.Б.Вадецкая, но для тех районов Минусинской котловины, где позже расселились андроновцы. По ее мнению, в южной части котловины окуневцы продолжали обитать вплоть до карасукской эпохи (Вадецкая Э.Б., 1986, с.36). Таким образом, современный уровень источников и знания эпохи бронзы позволяют считать XIII в. до н.э. временем начала андроновской (Федоровской) культуры в восточных районах Западной Сибири, население которой сменило население сейминского историко-культурного пласта. Не исключено, что в ряде районов этот процесс мог начаться раньше или позже. В частности, можно полагать, что он в силу некоторых причин протекал несколько древнее на территории предгорного, а в большей степени - Западного Алтая. Пока нет основания ни признать и ни отрицать дату, предложенную Ю.Ф.Кирюшиным для андроновской культуры Алтая (Кирюшин Ю.Ф., 1986, с.27). В целом же дата XIII в. до н.э. для этой культуры на востоке сибирского ареала принята большин-

ством исследователей. Кроме указанных выше авторов, необходимо упомянуть М.Ф.Косарева и Е.Е.Кузьмину (Косарев М.Ф., 1981, с.131-132; Кузьмина Е.Е., 1985, с.33, 1988, с.46-47).

Верхняя хронологическая граница андроновской культуры обусловлена стратиграфическими данными перекрывания андроновских памятников ирменскими и лугавскими. Нет необходимости давать обстоятельный анализ хронологии ирменской культуры, так как это уже сделано исследователями (Членова Н.Л., 1970, с.133-149; Матющенко В.И., 1974, с.70-78; Троицкая Т.Н., 1974, с.42-46; Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1978, с.60, 1981, с.134-135; Грязнов М.П., 1956, с.31-41; Косарев М.Ф., 1981, с.180; Молодин В.И., 1985, с.142-143; Шамшин А.Б., 1988, с.10). К тому же новые источники не содержат предметов, позволивших бы пересмотреть ее датировку. Что касается точки зрения А.В.Матвеева, то искусственный характер его концепции о внутренней периодизации ирменской культуры достаточно очевиден (Матвеев А.В., 1986, с.56-69). Разумеется, единства взглядов на нижнюю абсолютную дату ирменской культуры среди исследователей нет. Это объясняется двумя причинами: во-первых, недостаточной дифференцированностью материалов ирменской культуры и еловского времени, особенно из погребений, изучением их как единого комплекса (действительно, иногда очень сложно различить посуду этих разнокультурных образований; соответственно дата ирменской культуры в таких ситуациях удревняется до X в. до н.э.); во-вторых, монолинейным подходом к историко-культурному развитию древних обществ на конкретной территории, нашедшим отражение в периодизационных схемах Ю.Ф.Кирюшина и А.Б.Шамшина, которые определили место корчажкинской культуры в бассейне Верхней Оби между андроновской и ирменской (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1987, с.137-158), а также В.И.Матющенко, высказавшего идею о существовании в послеандроновское время одной еловско-ирменской культуры с двумя этапами (Матющенко В.И., 1974). И, как следствие, датировка андроновской культуры - до XII в. до н.э., а ирменской - с УШ в. до н.э. Ясно, что на периферии андроновского ареала исторические процессы были очень сложными и неоднозначными. Процесс формирования андронидных культур вряд ли был кратковременным, и

вряд ли с их возникновением завершилось воздействие на них андроновской культуры. Но об этом немного позже. Возвращаясь к хронологии ирменской культуры, хотелось бы подчеркнуть, что в настоящее время наиболее приоритетной является ее датировка в пределах IX–VII или VIII–VII вв. до н.э. Эти же хронологические рамки могут быть приняты для дугавского поселения на берегу Тамбарского водохранилища. Таким образом, верхняя хронологическая граница андроновской (Федоровской) культуры в восточных районах Сибири будет не раньше IX в. до н.э.

Следующим блоком доказательств абсолютной хронологии являются комплекс бронзовых предметов из андроновских памятников, расположенных в основном на периферии ареала, и материалы андронидных культур. Что касается первых, то В.И. Матющенко дал их хронологическое обоснование. В результате определилась дата – последняя четверть II – начало I тыс. до н.э. Так датируется вислообушной топор с гребнем, кинжалы киммерийского типа из ЕК–II, Ильинки и Первомайского, а также черешковые без выделенного перекрестия, двухлопастной наконечник стрелы типа BI – по Е.Е.Кузьминой (Матющенко В.И., 1973, с.14–17). К ним следует добавить втульчатый наконечник с четырехгранным острием из могилы 43 ЕК–II, датирующие аналогии которому известны в памятниках степных районов восточноевропейской части СССР. С точки зрения хронологии небезынтересна находка в могильнике Нижняя Суетка раковины каури (Уманский А.П., 1967, с.99). В сводке, приведенной Н.Л.Членовой, о раковинах из памятников различных территорий указано, что в натуральном виде каури имели хождение в иньском Китае (до XII в. до н.э. – примечание наше) в качестве монет (Членова Н.Л., 1972, с.53–54). Не противоречит датировкам бронзовых вещей и серп-косарь из поселения на берегу Тамбарского водохранилища. Находки подобных изделий в составе кладов в Киргизии и Восточном Казахстане позволили Е.Е.Кузьминой датировать их концом II – началом I тыс. до н.э., а более конкретно – XII–VIII вв. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 1966, с.96; 1967, с.216). Любопытно, что хронология бронзовых вещей из андроновских памятников не указывает на возраст культуры старше XII в. до н.э.

Сопоставляя вышеприведенные даты андроновской культуры с хронологией андронидных культур, нельзя не видеть их совпадения. Можно говорить о несовершенстве метода, но другим пока наука не располагает. Обратим внимание на том, что нет никаких оснований ставить в зависимость время существования андроновской культуры от возникновения андронидных образований. К тому же сказываются ограниченные возможности датирования последних. Металлические изделия из погребальных комплексов еловской культуры очень невыразительны. Андроновских форм среди них нет, за исключением одного или двух колец с раструбом. Еще менее информативны в хронологическом аспекте поселенческие комплексы корчажкинской и сузгунской культур. Основанием для датировки корчажкинской культуры наряду с другими аргументами Ю.Ф.Кирюшину и А.Б.Шамшину послужили нож из поселения Костенкова Избушка и желобчатое долото из поселения Большой Лог. Время существования ее они определили в пределах XII – первой половины XIII вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1987, с.149). Заметим, что желобчатое долото было найдено и на ирменском городище на р.Люскус. Из Еловского поселения, кроме собственно еловской посуды, происходит значительное количество ирменской керамики. Возникает вопрос о культурной принадлежности датирующего предметного комплекса из этого поселения. Такие предметы, как наконечники копий с прорезным пером, роговые псалии с тремя отверстиями в разных плоскостях, датированы рубежом II – I тыс. до н.э. и существовали до скифского времени. Например, псалии, найденные в Еловском поселении и поселении Большой Лог на Среднем Иртыше, известны в памятниках Венгрии, Поволжья. Происходят они из памятников лугавской культуры и раннескифского времени Забайкалья (Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1983, с.56–61). Предметы карасукских форм в Еловском поселении могут равнозначно относиться к лугавским. Эти материалы не могли не оказать влияния на датировку еловской культуры, нижнюю абсолютную дату которой исследователи синхронизируют с началом ирменской культуры. Она, вероятно, верна, так как подтверждается ирменскими материалами, в частности еловским орнаментальным декором на посуде. В целом же датировка андронидных культур опосредо-

вана в основном карасукскими и бегазы-данцыбаевскими материалами.

Особое место в хронологии андроновской культуры занимает поселенческий комплекс. Хотя в восточных районах Западной Сибири он представлен только фрагментами посуды, исключать его из датировки культуры неправомерно. На наш взгляд, хронологическим показателем в керамике поселений может являться такой специфический орнаментальный мотив, как валики. Они встречены на банках, почти сплошь украшенных горизонтальной елочкой. Причем орнамент наносился и на поверхность валиков, как будто они отсутствуют. Валики оказываются "подавленными" традиционной орнаментальной композицией и визуально слабо воспринимаемыми. На посуде XII–IX вв. до н.э. Казахстанского региона и Средней Азии валик несет самостоятельную орнаментальную нагрузку. Расчленение его скорее подчеркивает присутствие. Если рассматривать валик как общую тенденцию развития орнаментики, то его можно считать явлением "эпохальным", и в данном контексте следует согласиться с точкой зрения Е.Н.Черных о существовании общности культур валиковой керамики (Черных Е.Н., 1983, с.81–99). В качестве дополнительного аргумента о хронологическом месте памятников с валиковой керамикой можно привести совпадение ареалов культур с геометрической и валиковой орнаментацией. Исключение составляет андроновская (Федоровская) культура Западно-сибирского региона. На андроновской посуде из памятников этой территории валик включен в орнаментальное поле, его морфология несколько иная. Все это заставляет рассматривать их не как традиционный орнамент, а как сюжет, переработанный в конкретной культурно-исторической среде. Соответственно, можно определить и время контактов.

Наконец, последний блок хронологических данных – результаты радиоуглеродного анализа. Следует отметить, что дат по C^{14} для андроновских памятников немного и они дают очень противоречивую информацию. Особенно это касается Хакасско-Минусинской котловины. На территории к западу от нее известна одна дата для андроновского погребения Ашпыл – XI в. до н.э. (Гультов С.Б., 1982, с.104); погребение в составе Еловского могильника датировано XI в. до н.э. (Матющенко В.И.,

1973, с.42); XIII и XI вв. до н.э. датированы погребения кургана 26 могильника Туктубаево на Урале (Кузьмина Е.Н., 1973, с.163). В последние годы в лаборатории археологической технологии ЛОИА получены 12 дат по C^{14} по образцам хорошо сохранившегося дерева из могильника Титово и две — из могильника Васьково-5. Даты первого памятника очень компактно ложатся на хронологическую шкалу и определяют его возраст XI-X вв. до н.э. Усредненная величина данных Васьковского могильника позволяет его датировать рубежом XIII-XII вв. до н.э.

Таким образом, весь комплекс данных по абсолютной хронологии андроновской культуры восточных районов Западной Сибири позволяет считать время ее существования в пределах XIII/XII — X/IX вв. до н.э.

Литература

1. Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // Сов. археология. — 1967. — №1 — С.22-26.
2. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. — М., 1970.
3. Бобров В.В., Попов Е.В. Раскопки в Шарыповском районе Красноярского края // Археологические открытия 1980 года. — М., 1981. — С.166.
4. Бобров В.В. Работы в Красноярском крае и Кемеровской области // Археологические открытия 1981 года. — М., 1983. — С.186-187.
5. Бобров В.В. Исследования Кузбасского отряда в 1983 году // Археологические открытия 1983 года. — М., 1985. — С.191.
6. Бобров В.В. Раскопки памятников эпохи бронзы в Кемеровской области // Археологические открытия 1984 года. — М., 1986. — С.167.
7. Бобров В.В. Раскопки поселений в Ачинско-Мариинской лесостепи // Археологические открытия 1985 года. — М., 1987. — С.225-226.
8. Бобров В.В. Раскопки на озере Танай // Археологические открытия 1986 года. — М., 1988.
9. Бобров В.В. Серп-косарь из поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Известия СО АН СССР. — Серия Исто-

- рия, филология и философия. — Новосибирск, 1988а. — Вып. 3. — С.57–59.
10. Бобров В.В. Культурная принадлежность и хронология памятников предандроновского времени и поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья //Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. — ТД. — Барнаул, 1988б. — С.68–71
11. Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Андроновский керамический комплекс поселения на берегу Тамбарского водохранилища (в печати).
12. Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула //Памятники истории и культуры Барнаула.—Барнаул, 1983.—С.8–30.
13. Бочкарев В.С. К вопросу о хронологическом соотношении сейменского и турбинского могильников //Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1986.—С.78–III.
14. Вадецкая Э.Б. О сходстве самусьских и окуневских изображений //Сов.археология.—1969.—№1.—С.270–274.
15. Вадецкая Э.Б., Гультов С.Б. Исследования в Красноярском крае в 1982–1984 гг.//Краткие сообщения Ин-та археологии.— 1986, № 118.— С.92–99.
16. Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда //Вопросы археологии Урала.—Свердловск, 1975.— Вып.13.— С.43–72.
17. Глушков И.Г. Керамика самусьско-сейменской эпохи лесостепного Обь-Иртышья //Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. — Новосибирск, 1986.
18. Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в средней России. — М., 1916.
19. Гохман И.И. Роль андроновского компонента в формировании южносибирской расы //Сов.этнография.— 1973.—№2.—С.96–106.
20. Грязнов М.П. Древняя история племен Верхней Оби //Матлы и исследования по археологии СССР.— №48.—М.—Л., 1956.
21. Гультов С.Б. Раскопки могильника на оз.Ашпыл //Археологические открытия 1980 г.—М., 1981.— С.175–176.
22. Гультов С.Б. Новый могильник андроновского времени в

- Красноярском крае //Проблемы археологии и этнографии Сибири. - ТД - Иркутск, 1982.- С.103-104.
23. Гультов С.Б. Раскопки поселения Ашпыл //Археологические открытия 1985 года .- М., 1987.- С.237-238.
 24. Гультов С.Б. Некоторые результаты исследования памятников эпохи бронзы Ачинско-Мариинской лесостепи // Смены культур и миграции в Западной Сибири. - Томск, 1987. - С.85-87.
 25. Гультов С.Б. Мариинская лесостепь и Назаровская котловина в эпоху бронзы //Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. - ТД - Барнаул, 1988. - С.81-83.
 26. Делик Д.В., Митяев П.Е. Методика анализа керамического декора //Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). - М.,1981.-С.122-150.
 27. Древняя Сибирь (макет I-го тома "Истории Сибири") - Улан-Удэ, 1964.
 28. Дремов В.А. Миграционные процессы эпохи неолита и бронзы в Верхнем Приобье по данным антропологии и природная среда //Смены культур и миграции в Западной Сибири. - ТД - Томск, 1987. - С.10-12.
 29. Елькин М.Г. Отчет о результатах работ археологической экспедиции Прокопьевского краеведческого музея по раскопкам андроновского могильника на левом берегу реки Ур в Беловском районе Кемеровской области в июле-августе 1963 года //Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2781.
 30. Елькин М.Г. Памятники андроновской культуры на юге Кузбасса //Известия лаборатории археологических исследований. - Кемерово, 1967. - Вып.1. - С.89-95.
 31. Елькин М.Г. Поселения позднего железного века у г.Гурьевска //Известия лаборатории археологических исследований. - Кемерово, 1974. - Вып.5. - С.119-121.
 32. Ермолаева А.С. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья //Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1987. - С.154-163.
 33. Зах В.А. Отчет о работах Тогучинского отряда Новосибир-

- ской археологической экспедиции в 1983 году //Архив ИА АН СССР.-Р-1, № 9949.
34. Зах В.А. Отчет о работе Амадонской археологической экспедиции в Тюменской области и на р.Ине в Новосибирской области в 1984 году //Архив ИА АН СССР.-Р-1, № 10339.
 35. Зах В.А. Погребения эпохи неолита - ранней бронзы могильника Заречное-1 //Западная Сибирь в древности и средневековье. - Тюмень, 1985. - С.23-29.
 36. Зах В.А. Исследования Тюменского университета // Археологические открытия 1984 года. - М.,1986.-С.177-178.
 37. Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. - Свердловск, 1988.
 38. Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // Материалы и исследования по археологии СССР. -1965. - № 130. - С.177-181.
 39. Кадырбаев М.К. Могильник Сангуыр II //Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. - Алма-Ата,1961. - Т.12. - С.30-57.
 40. Киселев С.В. Андроновские памятники близ с.Усть-Ерба в Хакасии //Сов.этнография.- 1935.- № 3-4. -С.206-210.
 41. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951.
 42. Кирюшин Ю.Ф. О культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы лесостепного Алтая //Урало-алтаистика. - Новосибирск, 1985. - С.72-77.
 43. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья //Автореф. дисс. ... докт.ист.наук.- Новосибирск, 1986.
 44. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья //Археологические исследования на Алтае. - Барнаул, 1987. - С.137-158.
 45. Ковтун И.В., Михайлов Ю.И. Культурная специфика андроновских памятников Кузнецкой котловины //Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. -ТД.-Барнаул, 1988. - С.78-81.
 46. Комарова М.Н. Томский могильник - памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири //Мат-лы и исследования по археологии СССР.-М.-Л.,1952. - №24.

47. Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Л., 1961. — Вып.3. — С.32-72.
48. Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры //Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Л., 1962.—Вып.5.—С.50-75.
49. Комарова М.Н. Карасукские могильники близ улуса Орак// Первобытная археология Сибири. — Новосибирск, 1975. — С.85-94.
50. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. — М., 1974.
51. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. — М., 1981.
52. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — М., 1984.
53. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии //Свод археологических источников. — М., 1966. — Вып. В 4-9.
54. Кузьмина Е.Е. Клад из с.Предгорное и вопрос о связях населения евразийских степей в конце эпохи бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. — Киев, 1967,—С.—214-216.
55. Кузьмина Е.Е. Могильник Токтубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале //Проблемы археологии Урала и Сибири. — М., 1973. — С.153-164.
56. Кузьмина Е.Е. Андроновская культурная общность //Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. —ТД.— Ереван, 1982.
57. Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности //Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. — М., 1985. — Вып.9.
58. Кузьмина Е.Е. Гончарное производство у племен андроновской культурной общности (об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоиранцев) //Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. — М., 1986. — С.152-182.
59. Кузьмина Е.Е. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // Вестник древней истории. — 1988.—№2. — С.35-59.

60. Кулемзин А.М. Отчет об археологической разведке в Кемеровской области в 1974 году //Архив музея археологии и этнографии Южной Сибири КемГУ, д. № 575.
61. Кулемзин А.М. Отчет о раскопках поселения Шестаково XI в Чебулинском районе, раскопках поселения Песчаное Озеро-I в Кемеровской области в 1980 году //Архив музея археологии и этнографии Южной Сибири КемГУ, д. №580.
62. Кулемзин А.М. Охранные раскопки в Кемеровской области// Археологические открытия 1979 года. - М., 1980.-С.214.
63. Лотман Ю.М. Лекции по структурной поэтике //Уч.запис. Тартуского гос.ун-та. - Тарту, 1964. - Вып.160. - С.49-60.
64. Мартынов А.И. О культурах II-I тыс. до н.э. в междуречье Оби и Чульма //Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1961. -С.293-300.
65. Мартынов А.И. Обь-Чулымская лесостепь в эпоху бронзы и раннего железного века //Автореф. дисс. ... канд.ист. наук. - Новосибирск, 1963. - 24 с.
66. Мартынов А.И. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Из истории Кузбасса. -Кемерово, 1964.
67. Мартынов А.И. К вопросу о происхождении тагарской культуры //Известия лаборатории археологических исследований. - Кемерово, 1967. - Вып.1. - С.15-38.
68. Мартынов А.И., Елькин М.Г., Эрдниев У.Э. Развитие первобытно-общинного строя в эпоху бронзы //История Кузбасса. - Кемерово, 1967. - Ч.1-П.
69. Мартынов А.И., Бобков В.А. Об археологических работах в зоне КАТЕКа //Археологические открытия 1979 года. - М., 1980. - С.219.
70. Максименков Г.А. Окуневская культура и ее соседи на Оби // История Сибири. - Л., 1968. - С.165-172.
71. Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины //Первобытная археология Сибири. - Новосибирск,1975. - С. 48-58.
72. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее.-Л., 1978.
73. Максимова А.Г., Ермолаева А.С. Памятники эпохи бронзы//

- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. — Алма-Ата, 1987. — С.24-63.
74. Матвеев А.В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры //Сов.археология. — 1986. — №2. — С.56-59.
75. Матющенко Е.И., Сотникова С.В. О природе культурно-исторических связей населения Томского Приобья в эпоху поздней бронзы //Вопросы древней истории Южной Сибири. — Абакан, 1984. — С.35-53.
76. Матющенко В.И. Окуневские комплексы на поселении Самусь IУ //Этнокультурные процессы Западной Сибири. — Томск, 1983. — С.33-39.
77. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Самусьская культура //Из истории Сибири. — Томск, 1973. — Вып.10.
78. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Андроновская культура //Из истории Сибири. — Томск, 1973. — Вып.11.
79. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Еловско-ирменская культура //Из истории Сибири. — Томск, 1974. — Вып.12.
80. Михайлов Ю.И. Особенности композиционного построения андроновской орнаментации //Проблемы археологии степной Евразии. — ТД — Кемерово, 1987. — С.134-137.
81. Михайлов Ю.И. К вопросу об особенностях федоровских комплексов в межгорных котловинах Южной Сибири //Историкогеография и источники исторического опыта освоения Сибири. — ТД. —Новосибирск, 1988. — Вып.1. — С.43-44.
82. Молодин В.И. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка -3) //Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья.—Челябинск,1984.—С.27-37.
83. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск,1985.
84. Молодин В.И. К вопросу о культурно-хронологическом соотношении кротовской и окуневской культур // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. — ТД. — Каменный и бронзовый века. Скифская проблема. — Омск,1987. — С.136-138.

85. Молодин В.И. К вопросу о встречаемости андроновских элементов материальной культуры в кротовских комплексах и кротовских элементов в андроновских комплексах // Проблемы археологии степной Евразии. - ТД. - Кемерово, 1987. - Ч. I - С. 108-110.
86. Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 - памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. - Новосибирск, 1988. - С. 125-206.
87. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. ТИАЭ АН КазССР. - 1958. - Т. 5. - С. 216-294.
88. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. - М., 1985.
89. Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. - Новосибирск, 1975. - С. 94-100.
90. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978. - С. 47-62.
91. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на р. Ине // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. - Новосибирск, 1981. - С. 122-135.
92. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Устинский могильник // Археология Южной Сибири. - Кемерово, 1983.
93. Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // Материалы и исследования // Материалы и исследования по археологии СССР. - М., 1951. - № 21.
94. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. - М., 1967.
95. Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // Мат-лы и исследования по археологии СССР. - М.-Л., 1962. - № 120.
96. Сорокин В.С. Андроновская культура // Свод археологических источников. - М., 1966. - Вып. 3-2.
97. Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.Н. Курганы могильника Урефты I // Сов. археология. - 1983, - № 1. - С. 155-166.

98. Стефанов В.И., Стефанова Н.К. О соотношении кротовских и андроновских комплексов на Среднем Иртыше //Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. - ТД. - Барнаул, 1988.
99. Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае// Материалы по этнографии.-Л., 1927.- Т.3.-Вып.2.-С.57-112.
100. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края //Материалы по этнографии.-Л., 1929.-Т.4.-Вып.2.-С.41-62.
101. Троицкая Т.Н. Памятники андроновской культуры //Науч. труды Новосибирского пед. ин-та.-Новосибирск, 1969.- Вып.31.- С.3-20.
102. Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье //Бронзовый и железный век Сибири .- Новосибирск, 1974.- С.32-46.
103. Уманский А.П. Памятники андроновской культуры на Алтае // Изв.лаборатории археологических исследований. - Кемерово, 1967.- Вып.1.-С.96-100.
104. Хлобыстина М.Д. Некоторые особенности андроновской культуры минусинских степей //Сов.археология.- 1973. - № 4. - С.50-62.
105. Хлобыстина М.Д. Андроновские детские могильники как палеосоциологический источник //Археология Южной Сибири.- Кемерово, 1985. - С.18-27.
106. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Мат-лы и исследования по археологии СССР. - М.-Л., 1960. - №88.
107. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии //Эпоха бронзы лесной полосы. - М., 1987.- С.84-105.
108. Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983. - С.81-99.
109. Членова Н.Л. Датировка ирменской культуры // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири.-Томск, 1970.-С.133-149.

- II0. Членова Н.Л. Отчет о работе Урюпского отряда Красноярской археологической экспедиции 1957 года //Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2197.
- III. Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. - М., 1972.
- II2. Членова Н.Л. Основы хронологии андроновских памятников Федоровского типа //Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983. - С.22-34.
- II3. Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII-VI вв. до н.э.) // Автореф. дисс. ... канд.истор.наук. - Кемерово, 1988.
- II4. *Gimbutas M. The prehistory of Eastern Europe. I., Cambridge, 1956.*

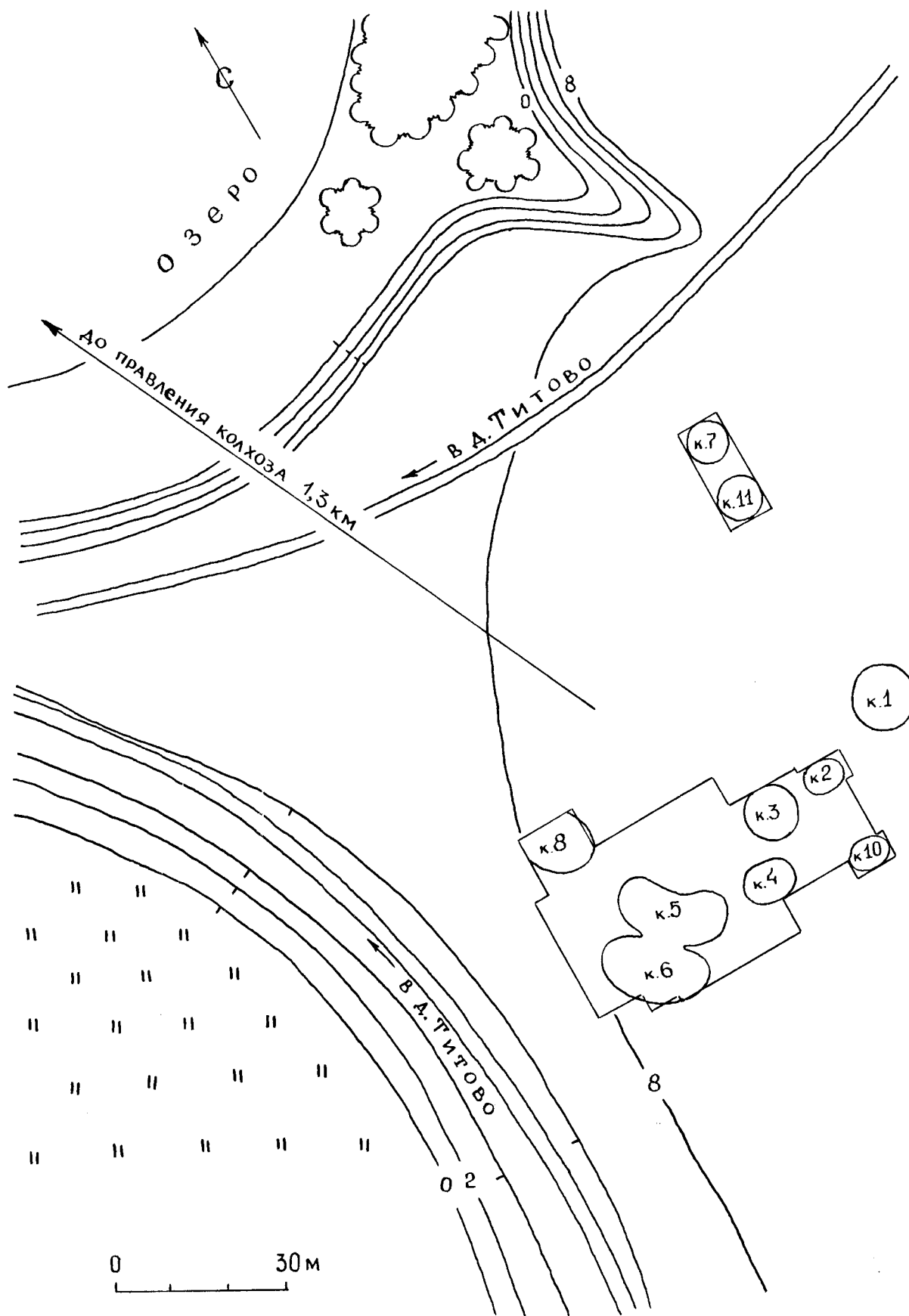

Рис. I. План могильника у с.Титово

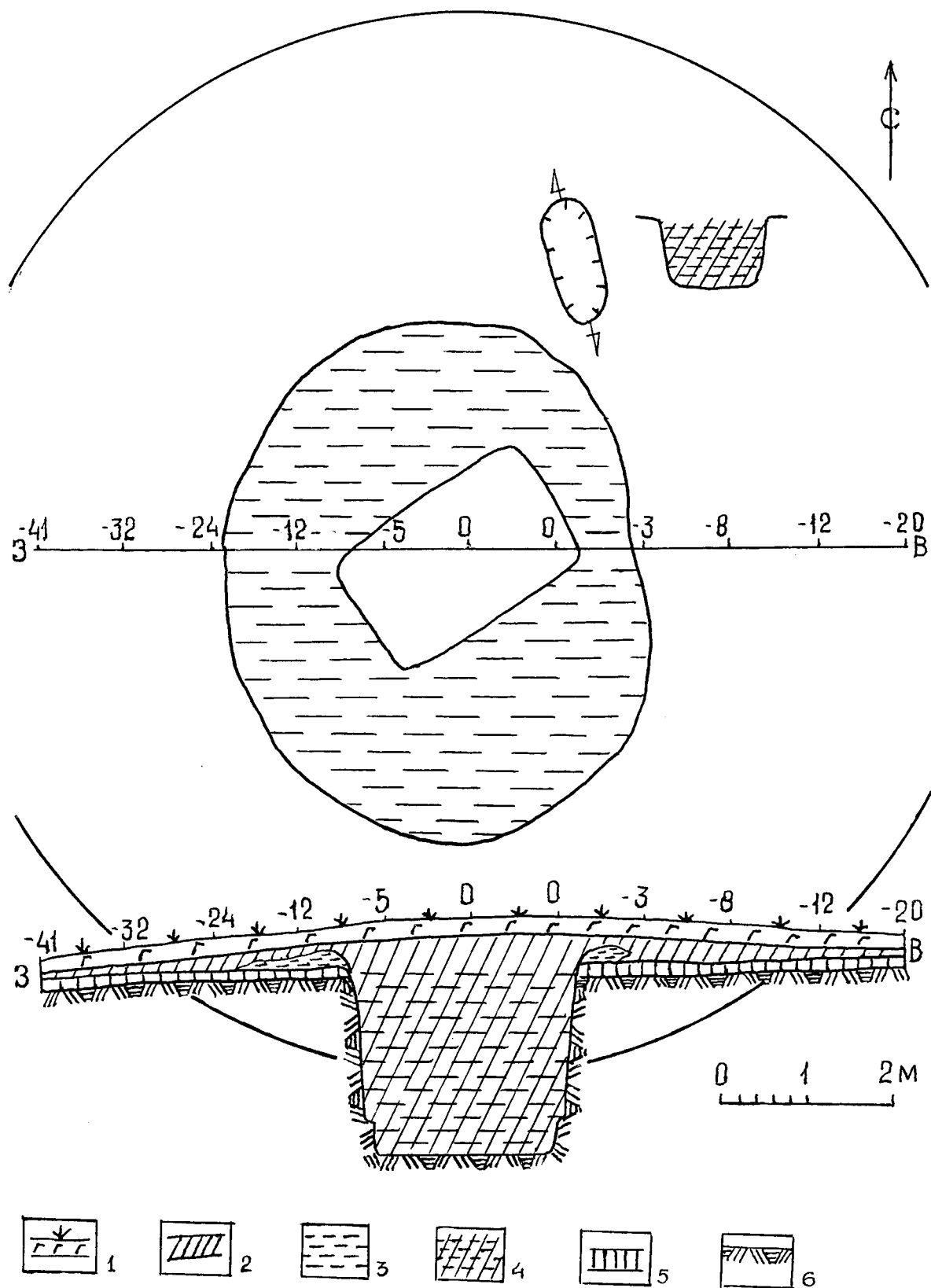

Рис.2. План и профиль кургана I: 1 - гумус; 2 - темно - серая супесь; 3 - материковая светло-желтая супесь; 4- смешанный грунт; 5 - погребенная почва; 6 - материк

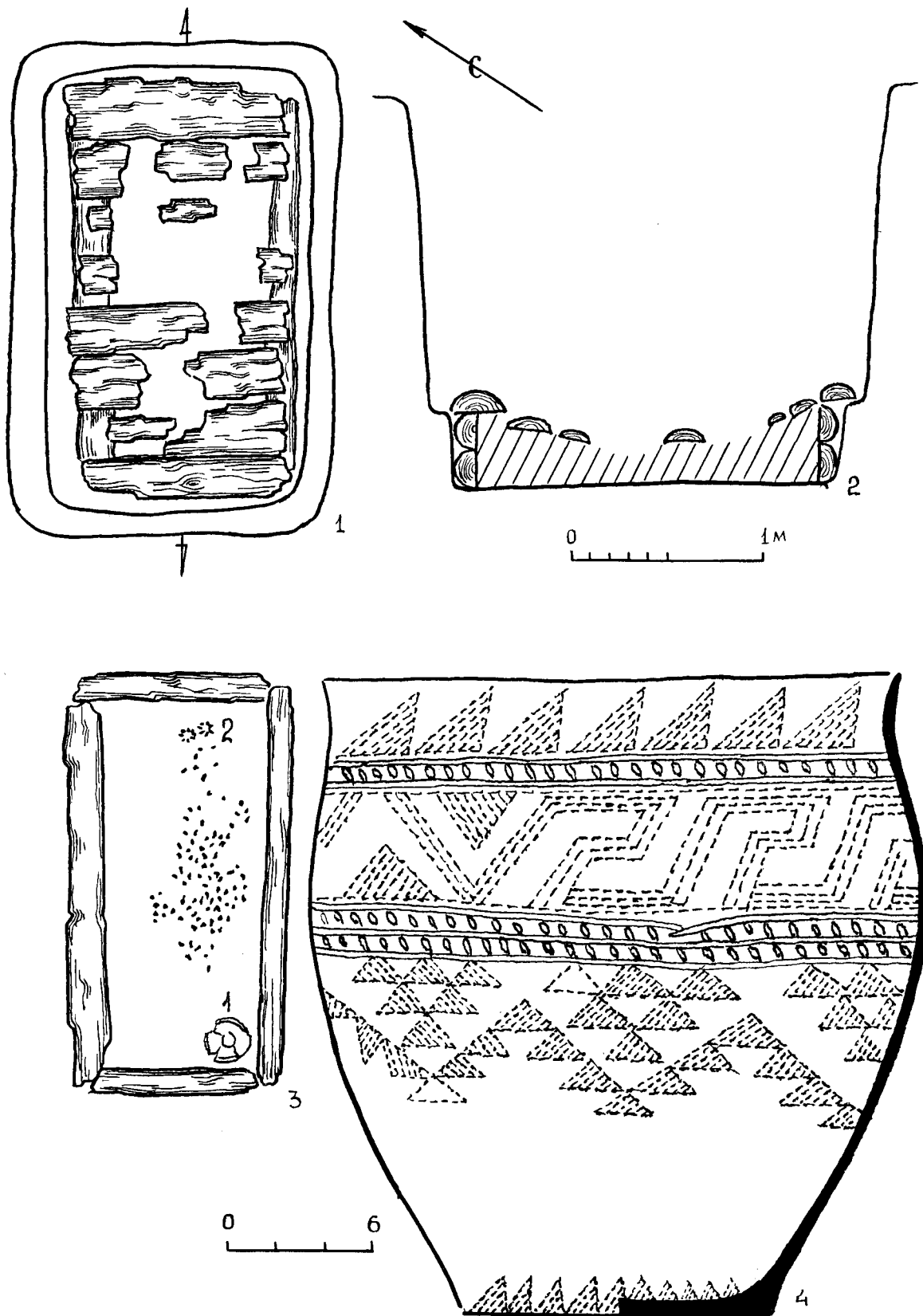

Рис.3. Курган I: 1— план внутримогильного сооружения; 2 — разрез могилы; 3 — план дна могилы; 4 — сосуд

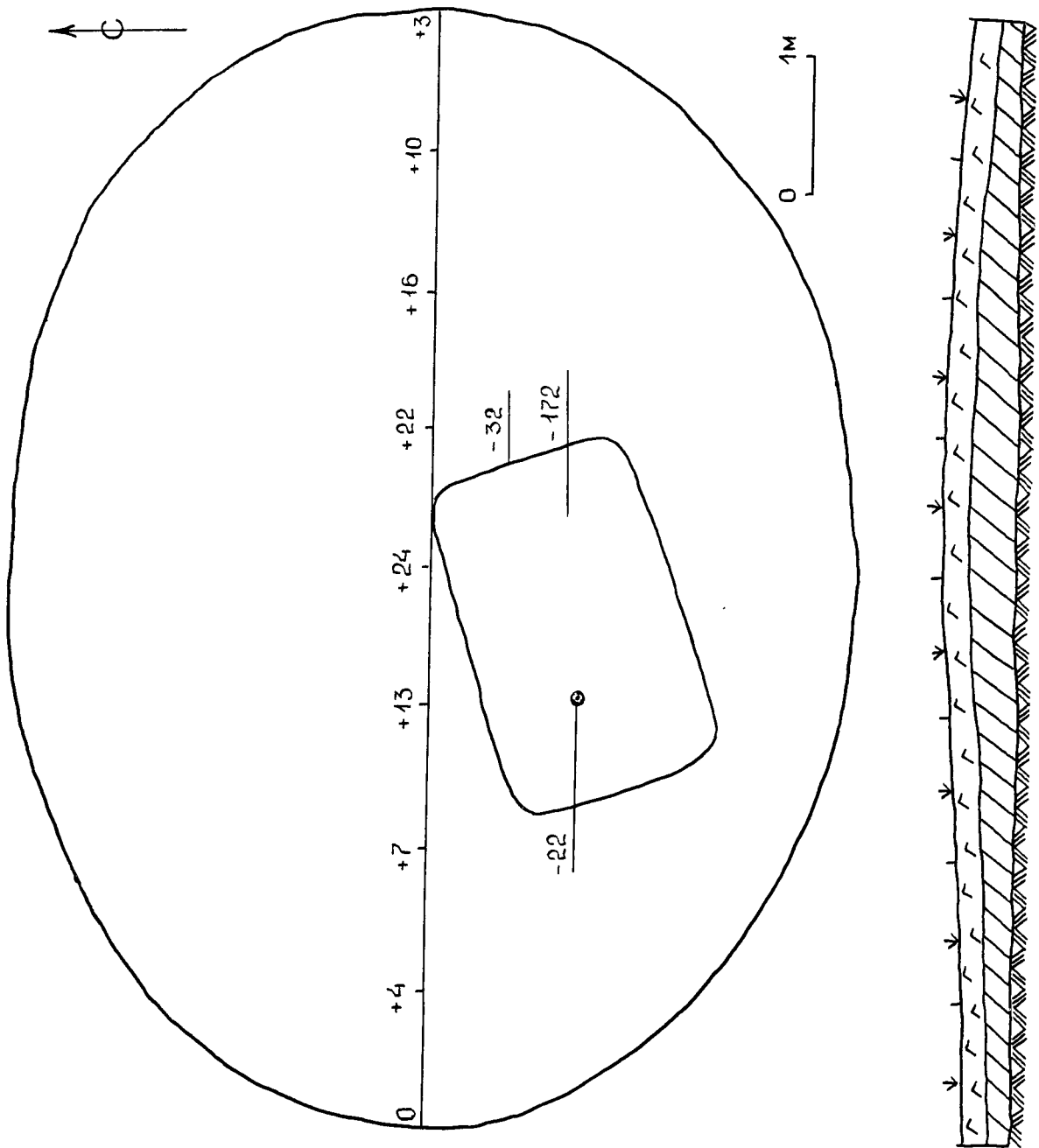

Рис.4. План и профиль кургана 2

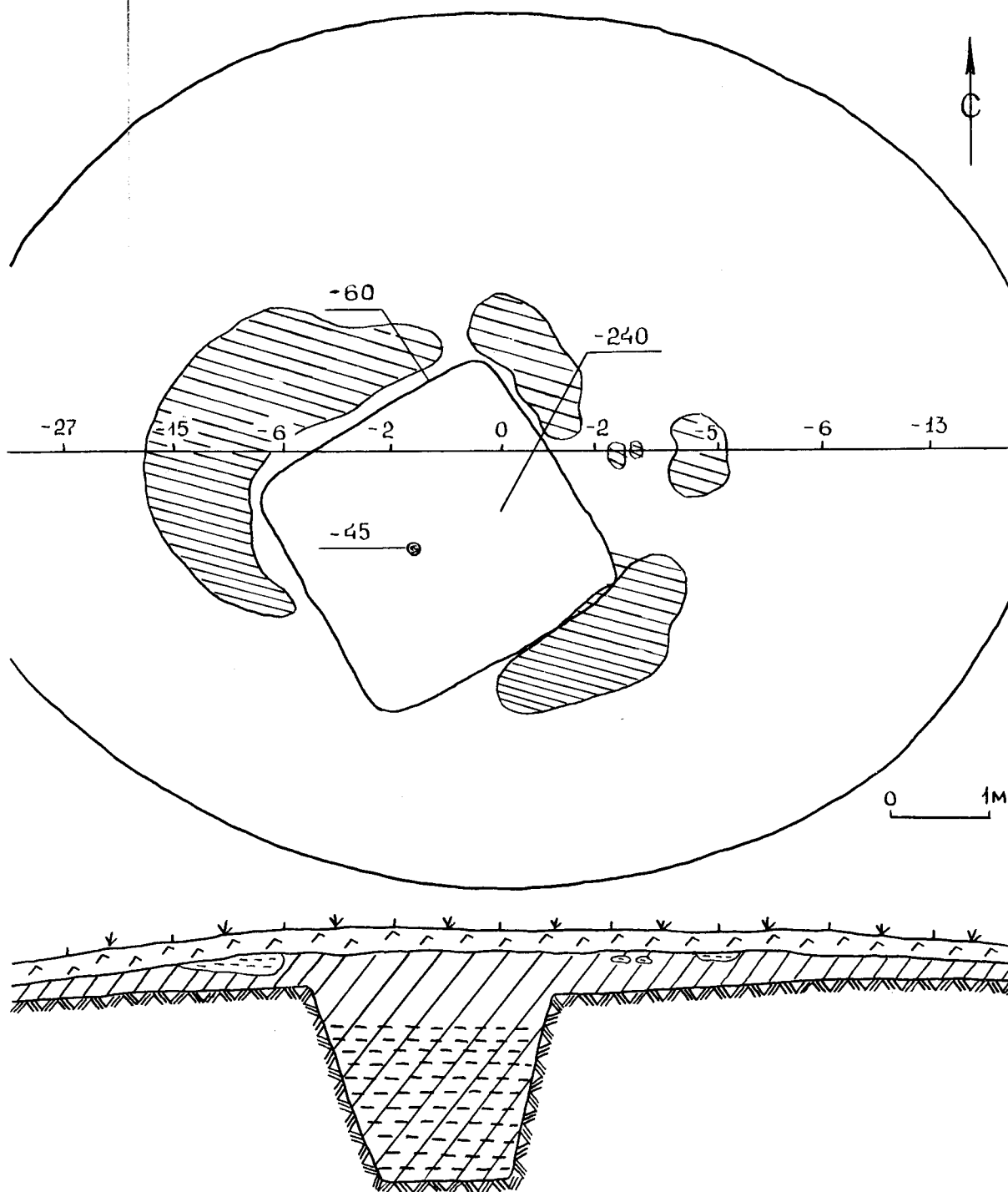

Рис.5. План и профиль кургана 4

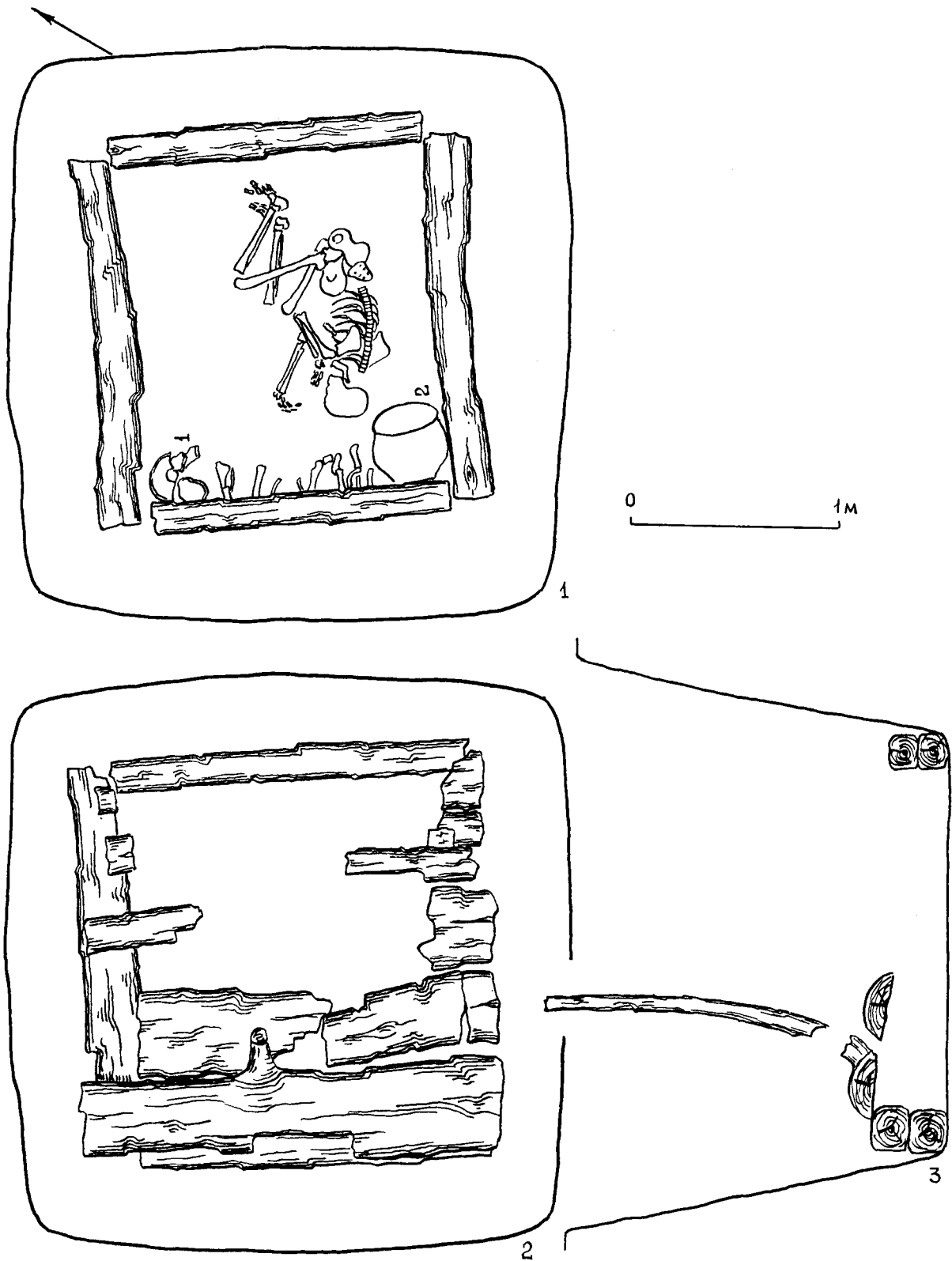

Рис.6. Курган 4: 1- план внутримогильного сооружения;
2 - план погребения; 3 - разрез могилы

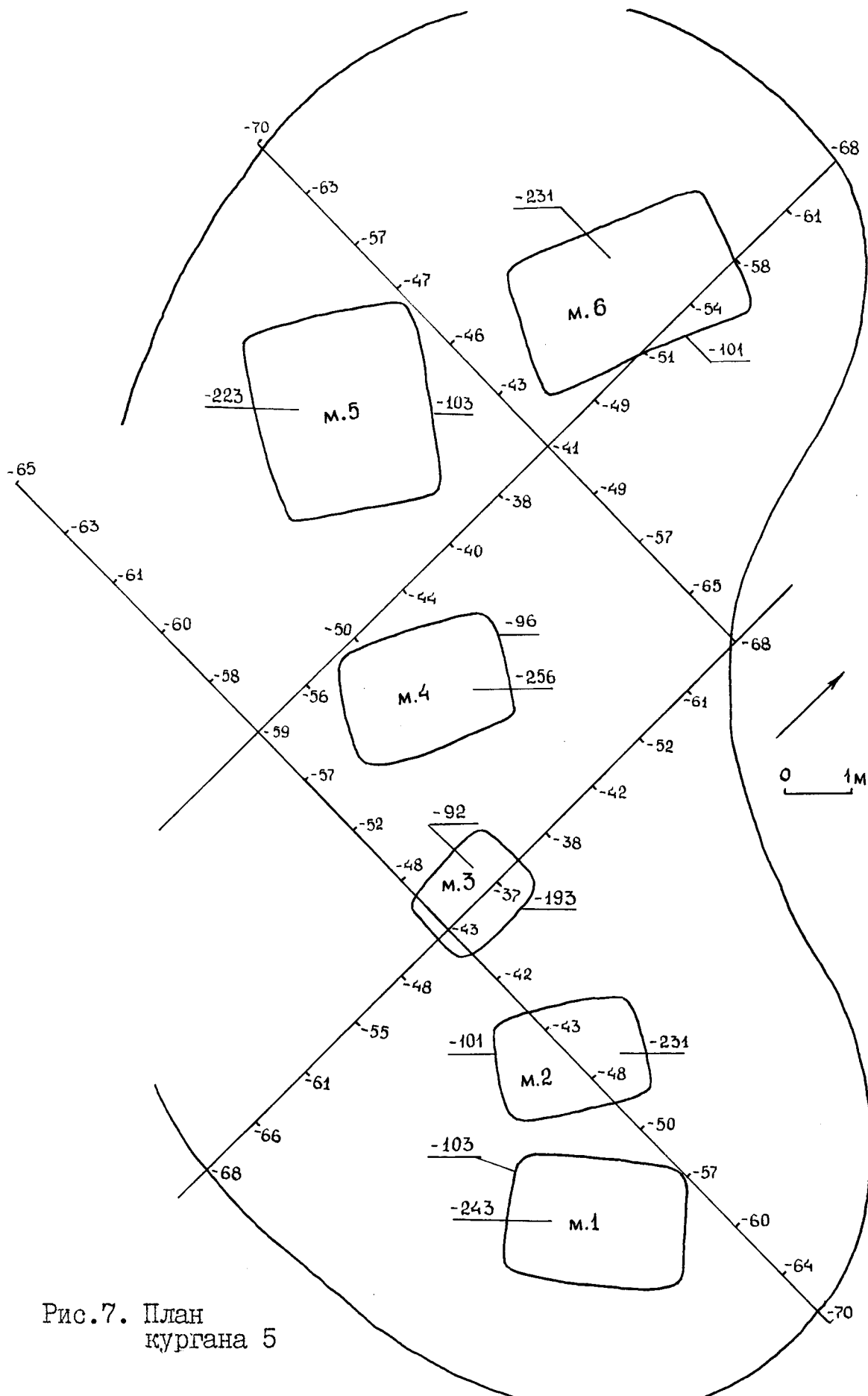

Рис.7. План кургана 5

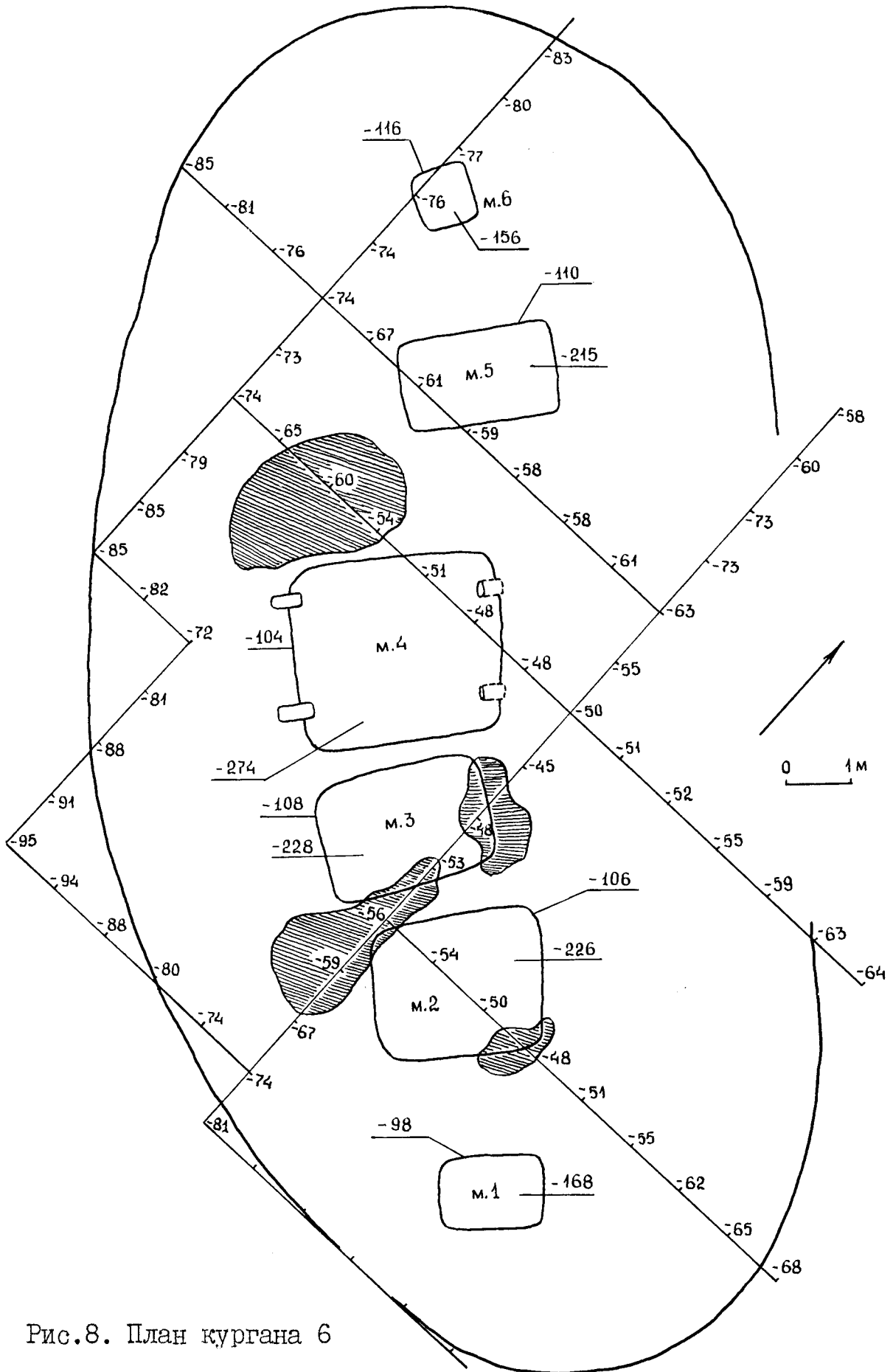

Рис.8. План кургана 6

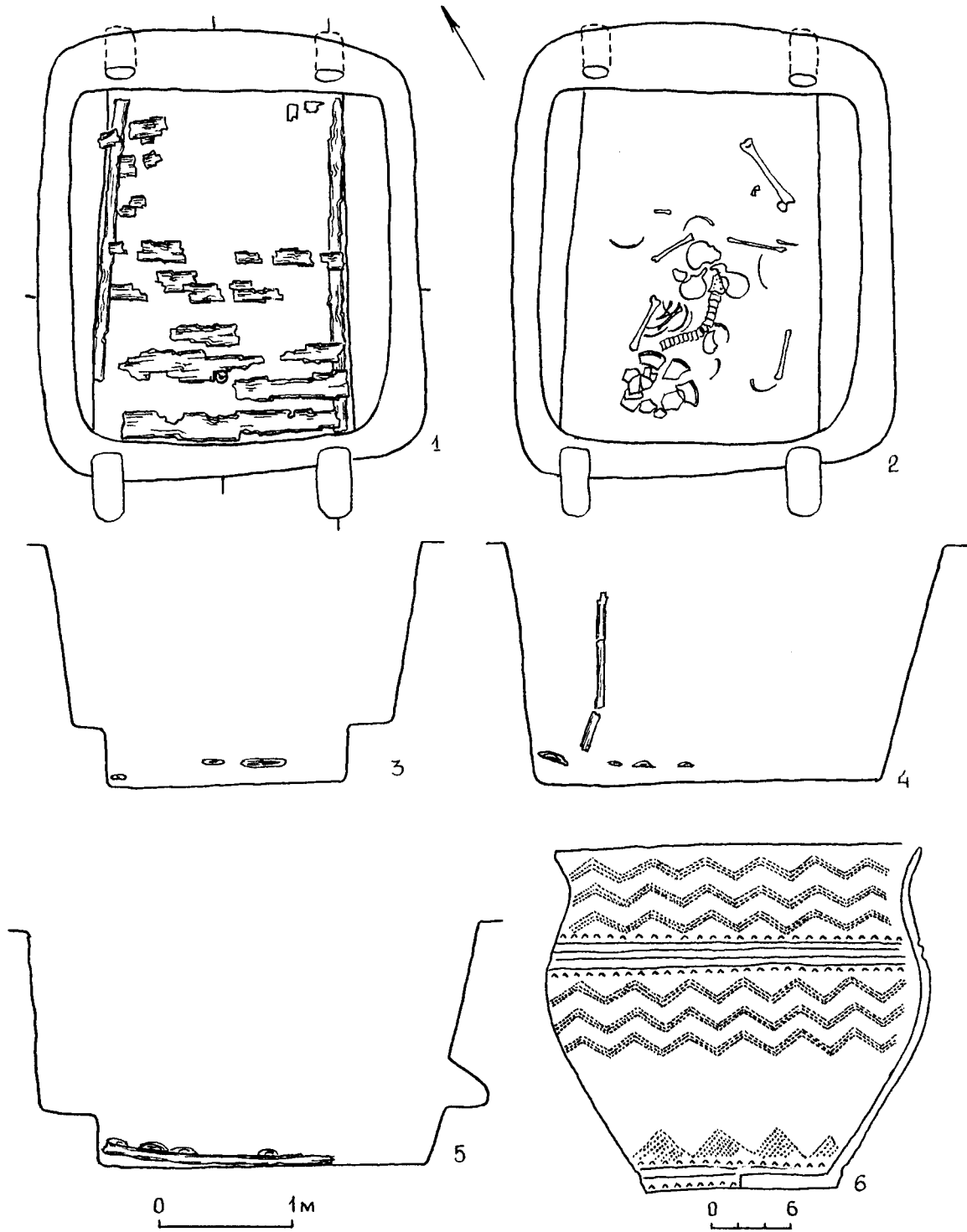

Рис.9. Курган 6: 1-5 - планы и разрезы могилы 4;
6 - сосуд

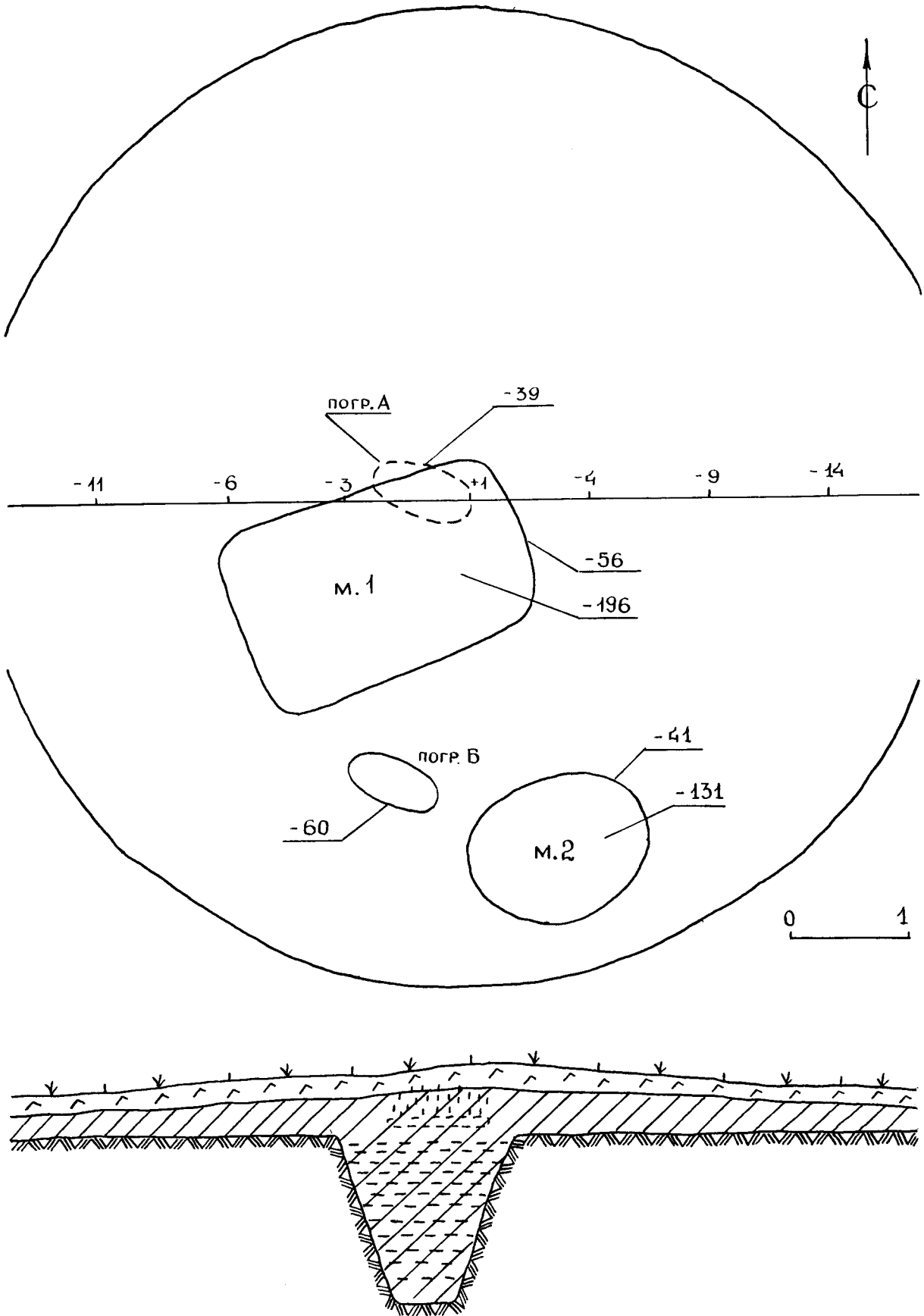

Рис. 10. План и профиль кургана 7

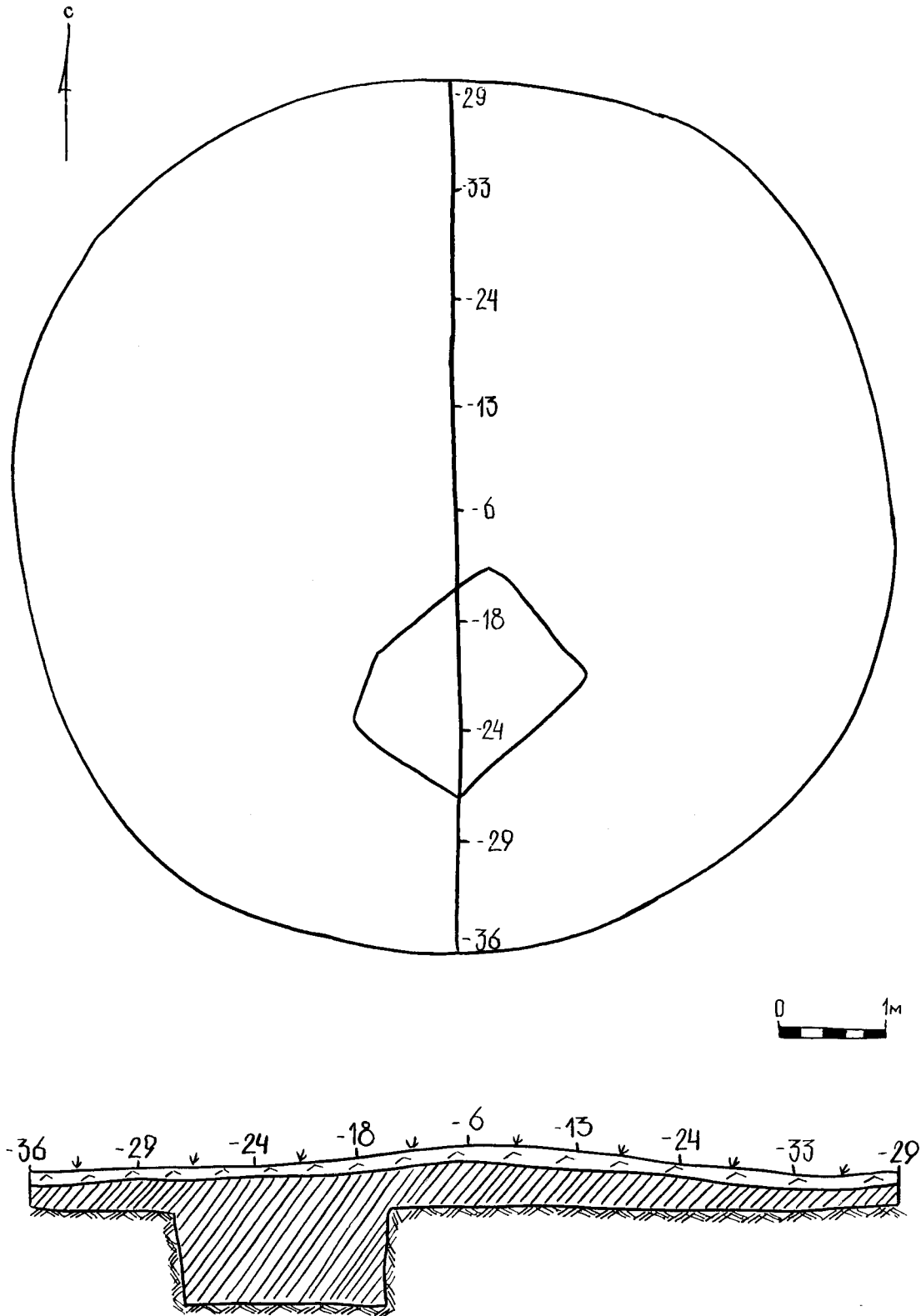

Рис. II. План и профиль кургана II

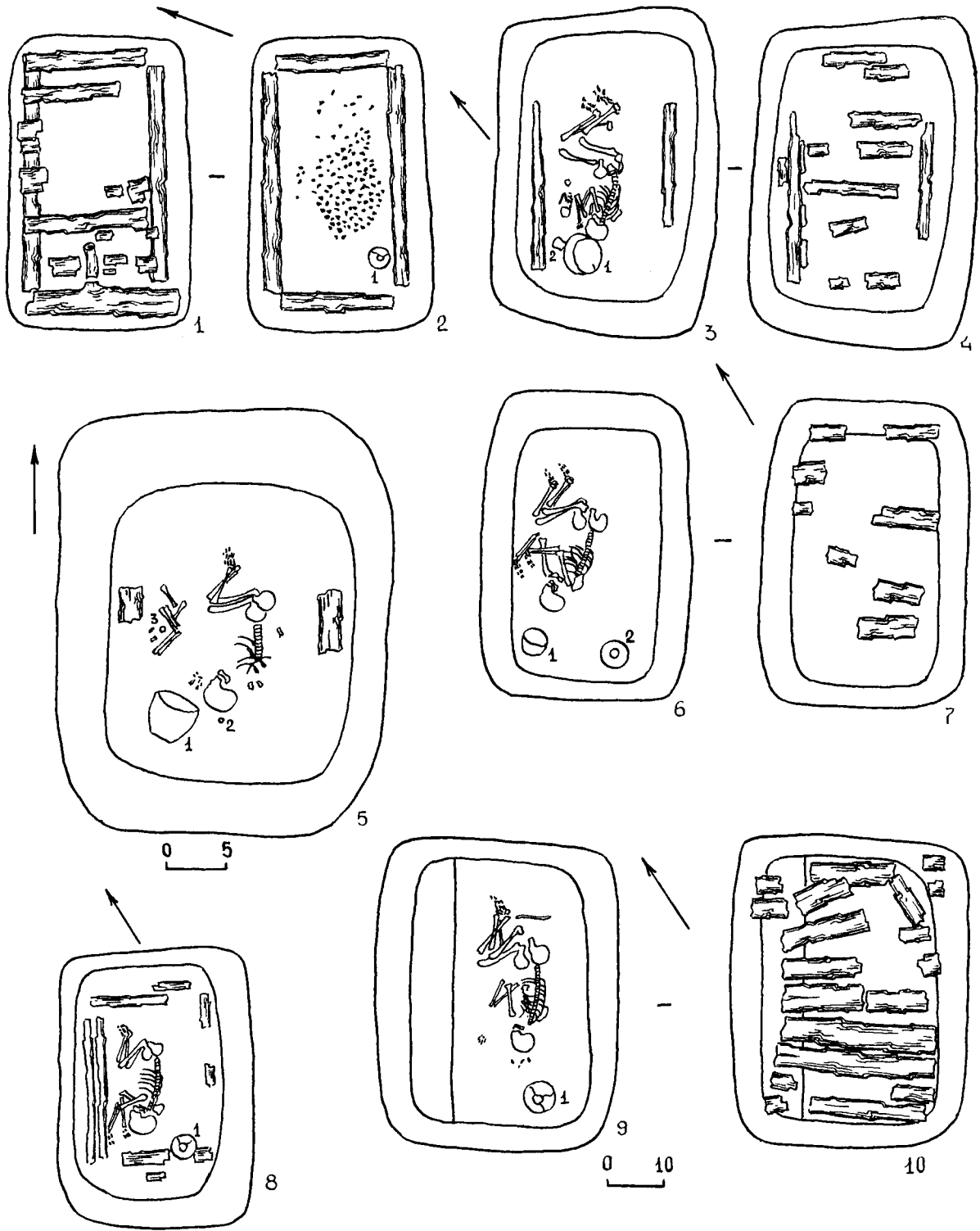

Рис.12. Планы могил: 1,2 - курган 2; 3,4 - мог.1.,
 кург.5; 5 - мог.3, кург.5; 6,7 - мог.3,
 кург.6; 8 - мог.2, кург.5; 9,10 - мог.2,
 кург.6

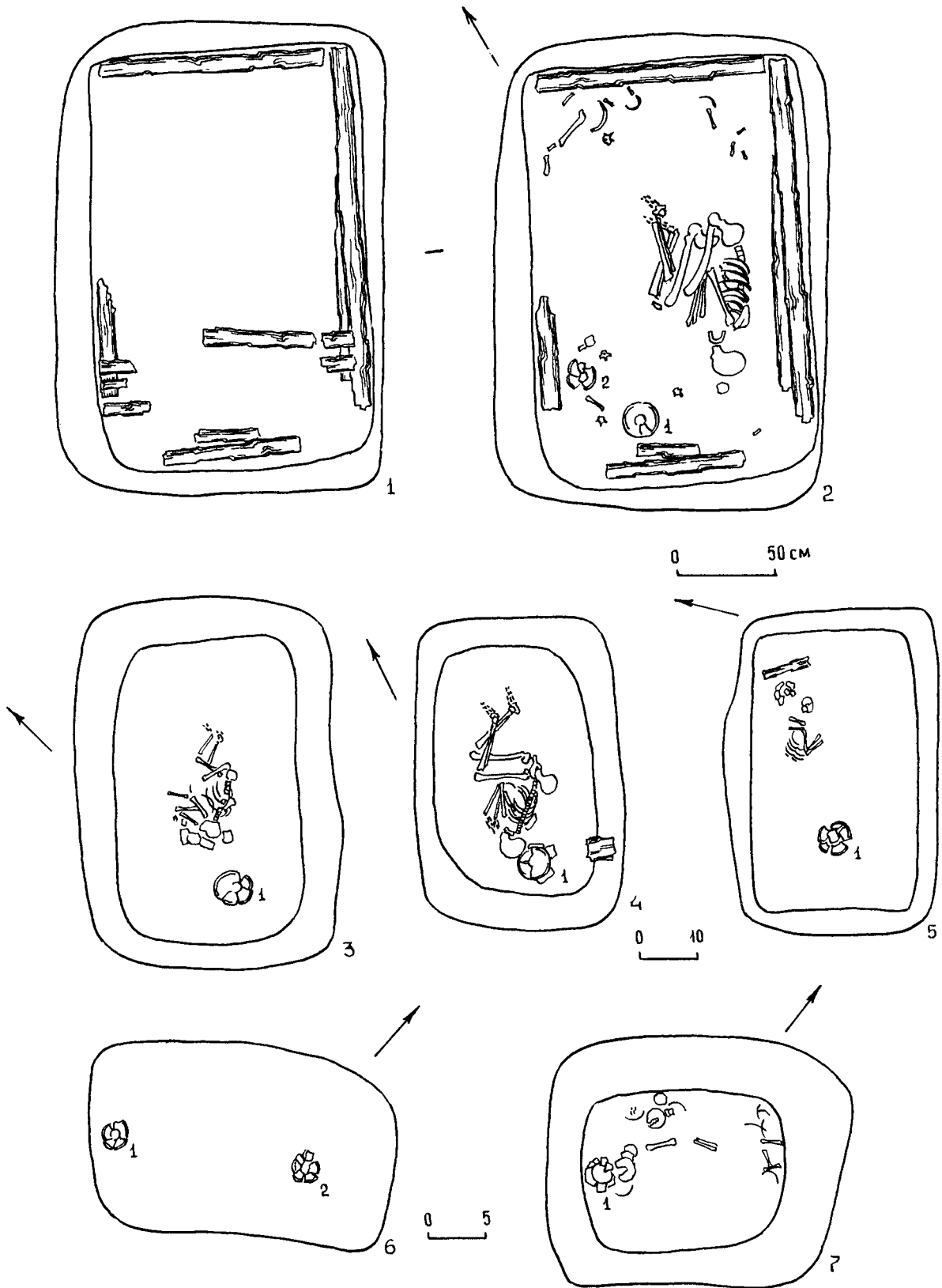

Рис. 13. Планы могил: 1, 2 - мог. I, МКП; 3 - мог. I, кург. 6; 4 - мог. 4, кург. 5; 5 - мог. 2, МКП; 6 - мог. 4, МКП; 7 - мог. 3, МКП

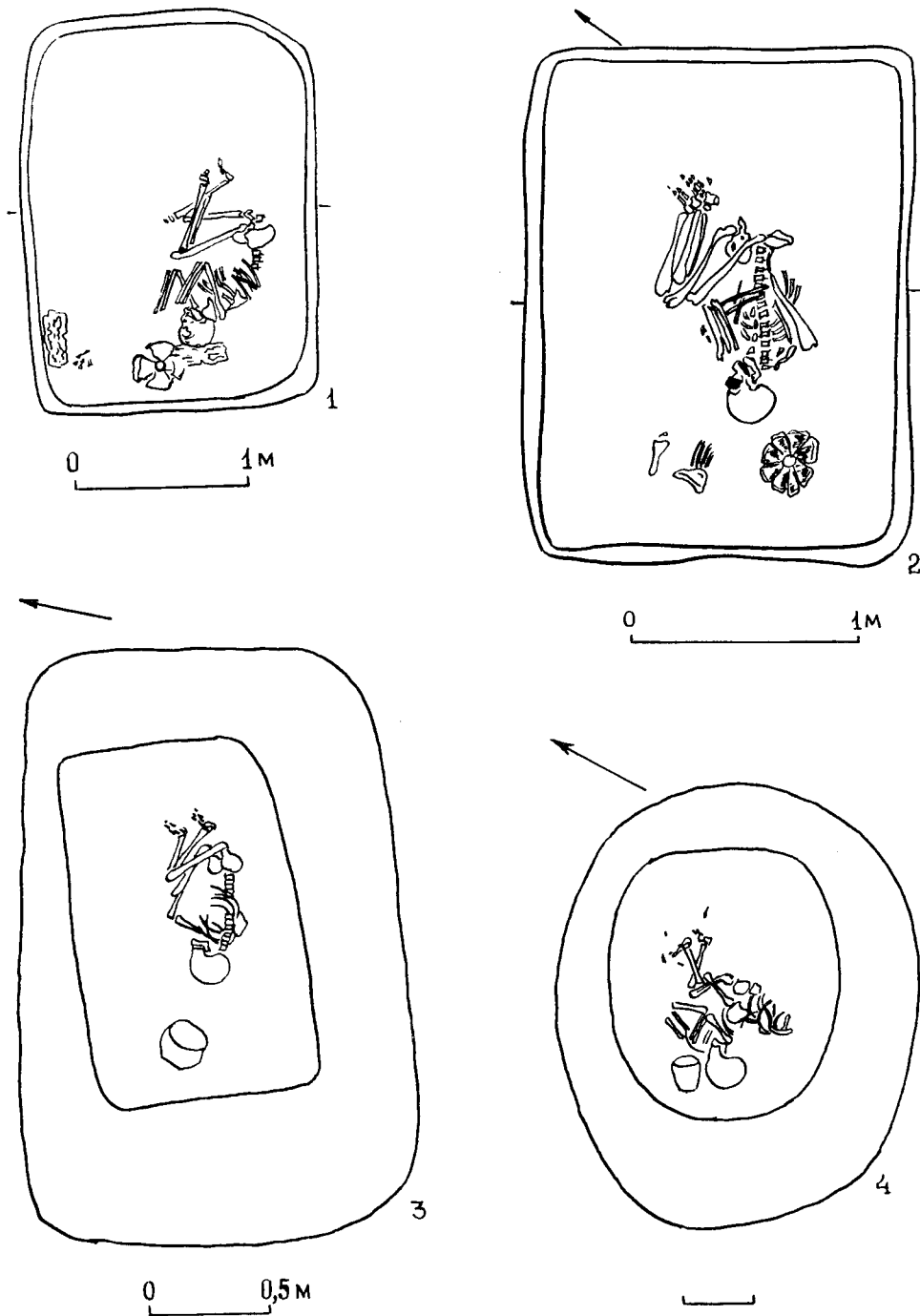

Рис. I4. Планы могил: 1 - мог. 5, кург. 6; 2 - мог. 2, кург. 8; 3 - мог. 1, кург. 7; 4 - мог. 2, кург. 7

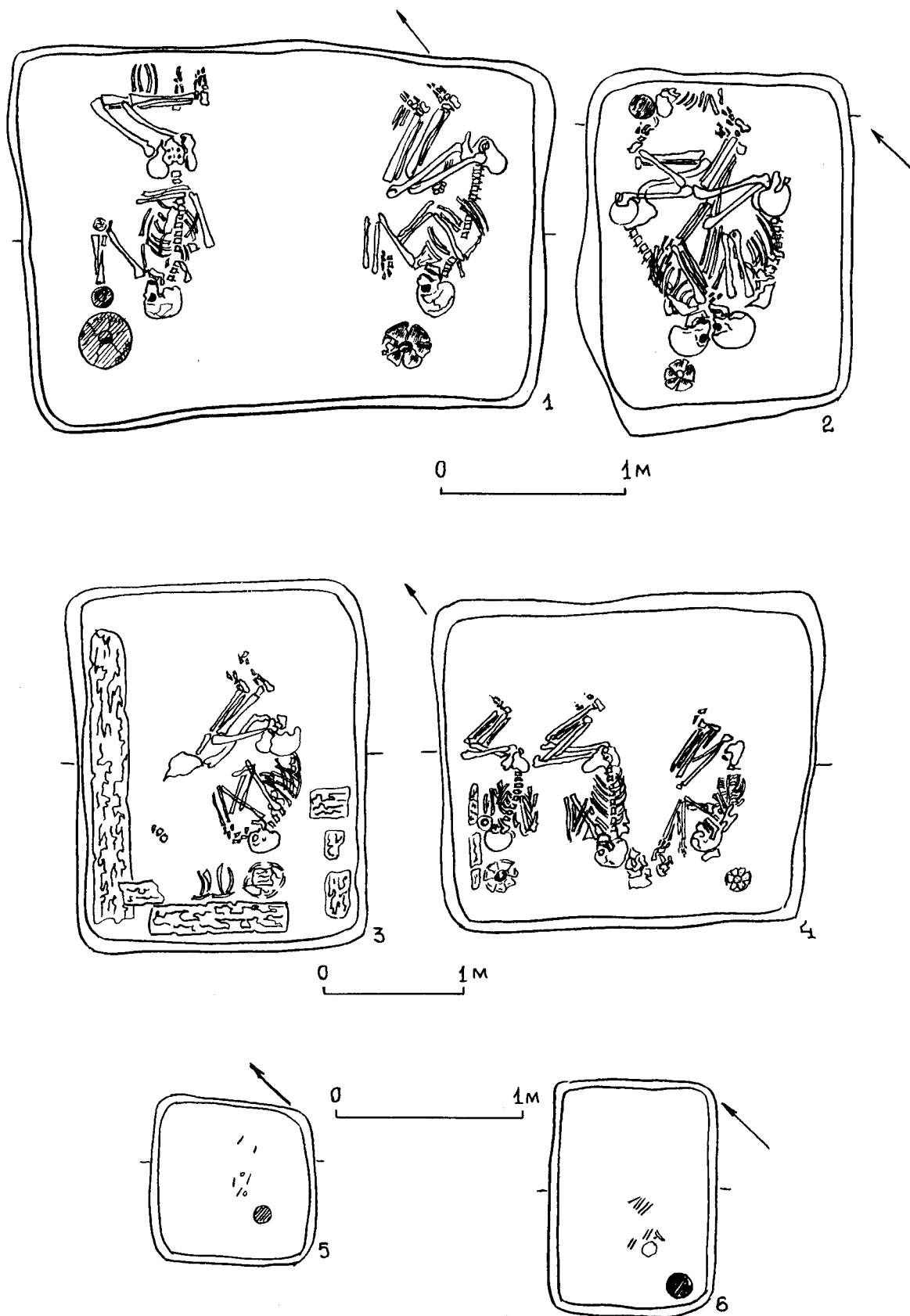

Рис. I5. Планы могил: 1 - мог. I, кург. 8; 2 - кург. II;
 3 - мог. 6, кург. 5; 4 - мог. 5, кург. 5; 5 - мог. 6,
 кург. 6; 6 - мог. 5, МКП

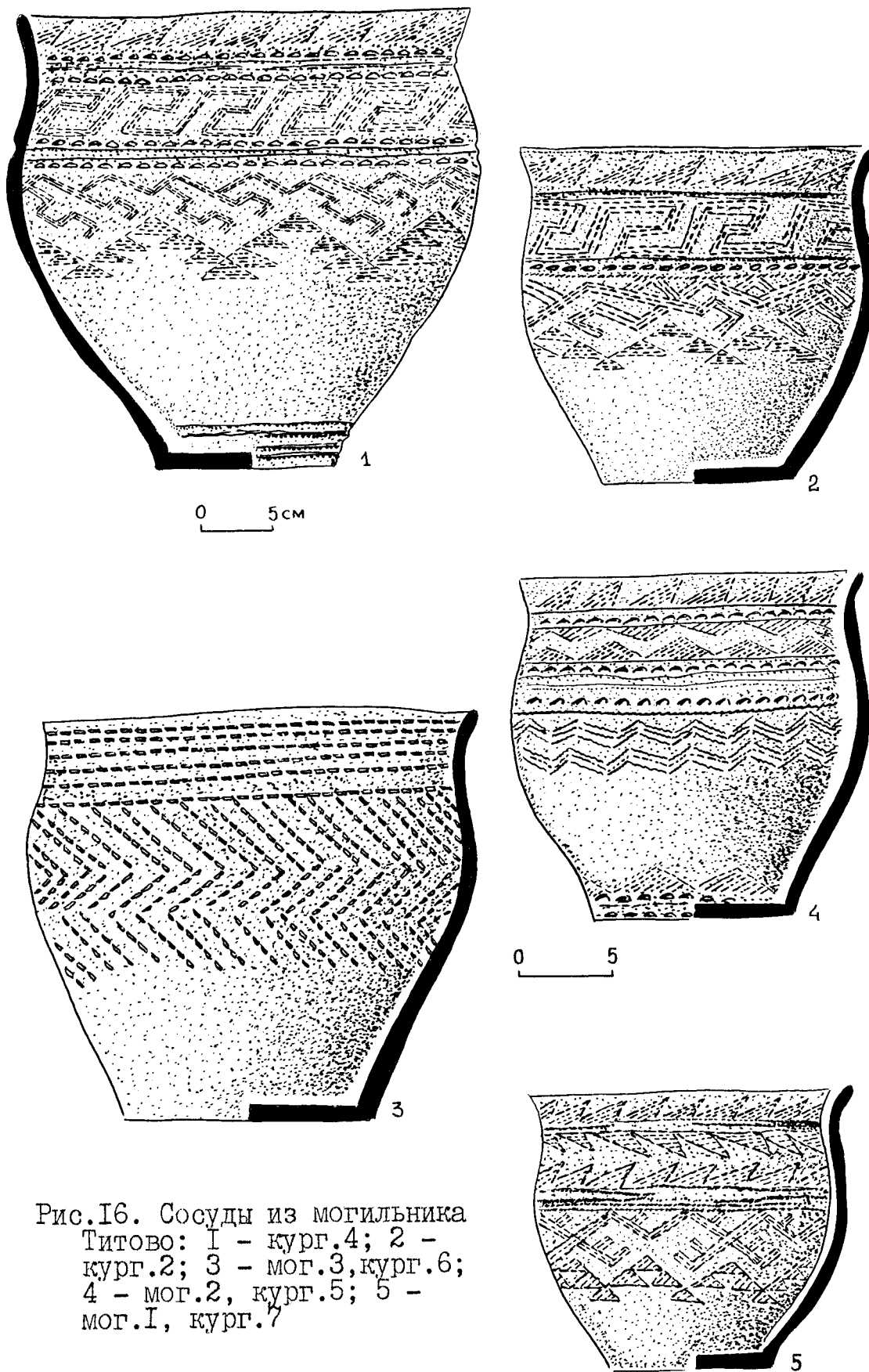

Рис.16. Сосуды из могильника
 Титово: 1 - кург.4; 2 -
 кург.2; 3 - мог.3, кург.6;
 4 - мог.2, кург.5; 5 -
 мог.1, кург.7

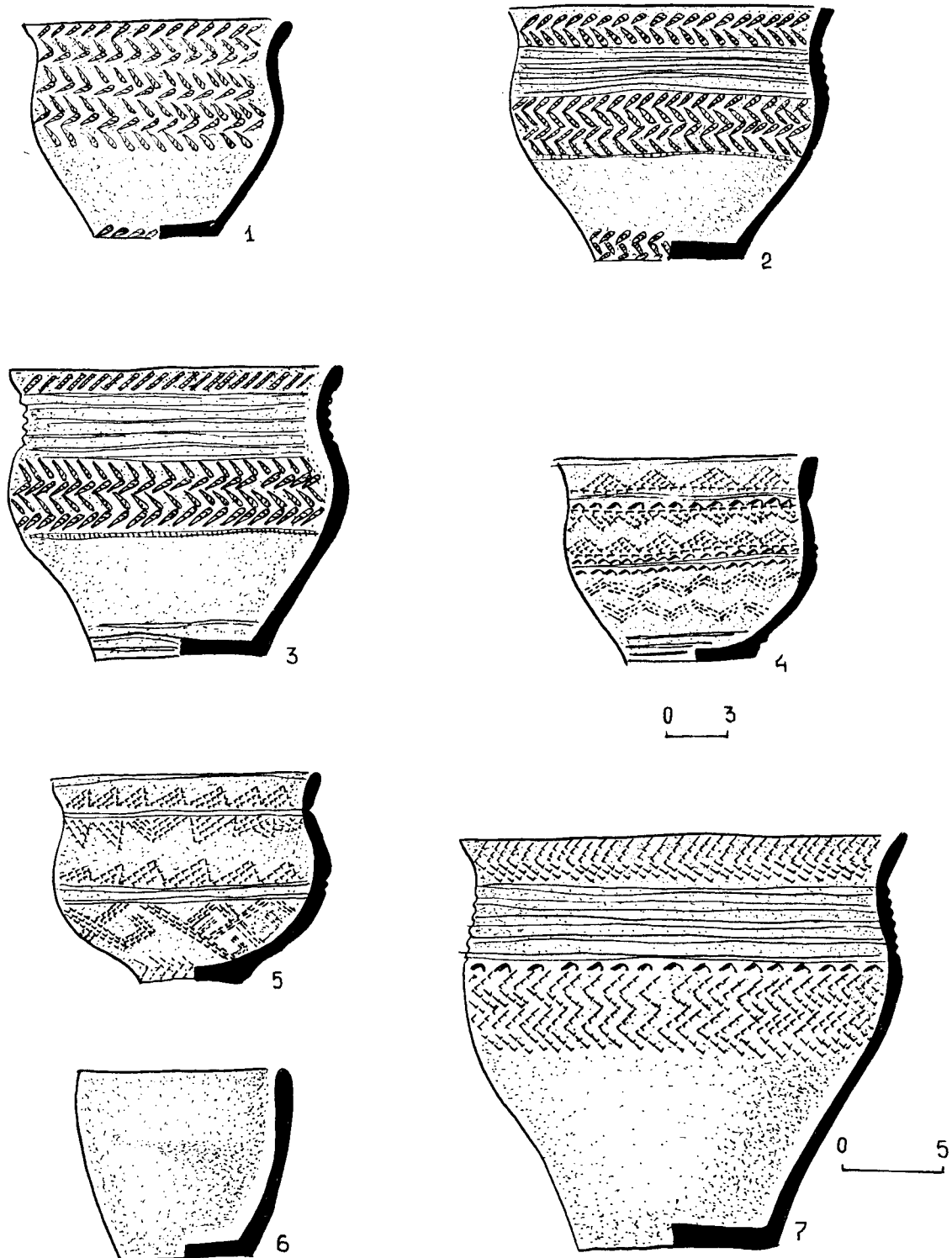

Рис. I7. Сосуды из могильника Титово: 1 - мог.2, МКП; 2 - мог.1, кург.6; 3 - мог.3, кург.5; 4 - мог.3, МКП; 5 - мог.4, МКП; 6 - мог.1, кург.5; 7 - мог.3, кург.6

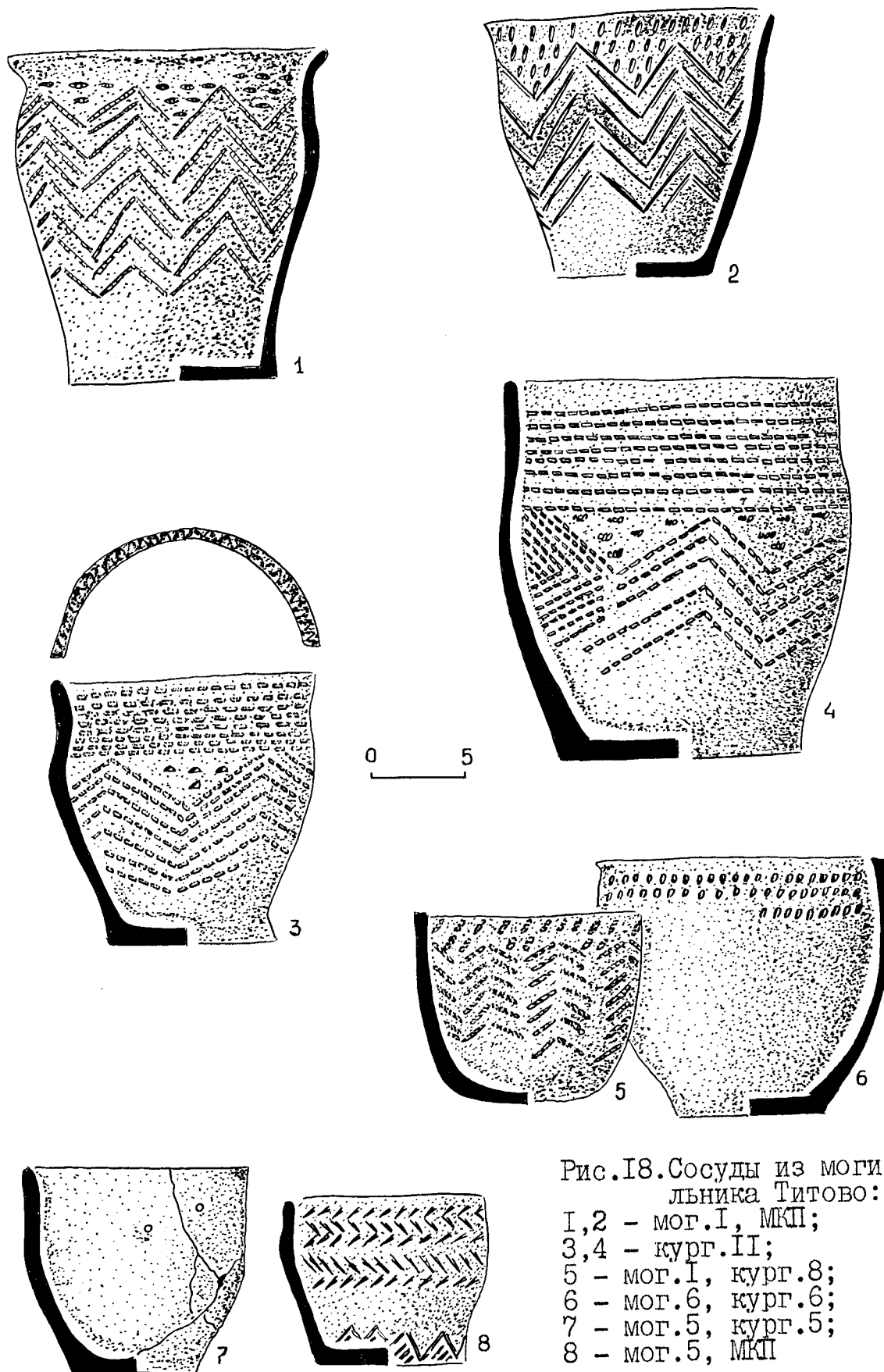

Рис. 18. Сосуды из могильника Титово:
 1, 2 - мог. I, МКП;
 3, 4 - кург. II;
 5 - мог. I, кург. 8;
 6 - мог. 6, кург. 6;
 7 - мог. 5, кург. 5;
 8 - мог. 5, МКП

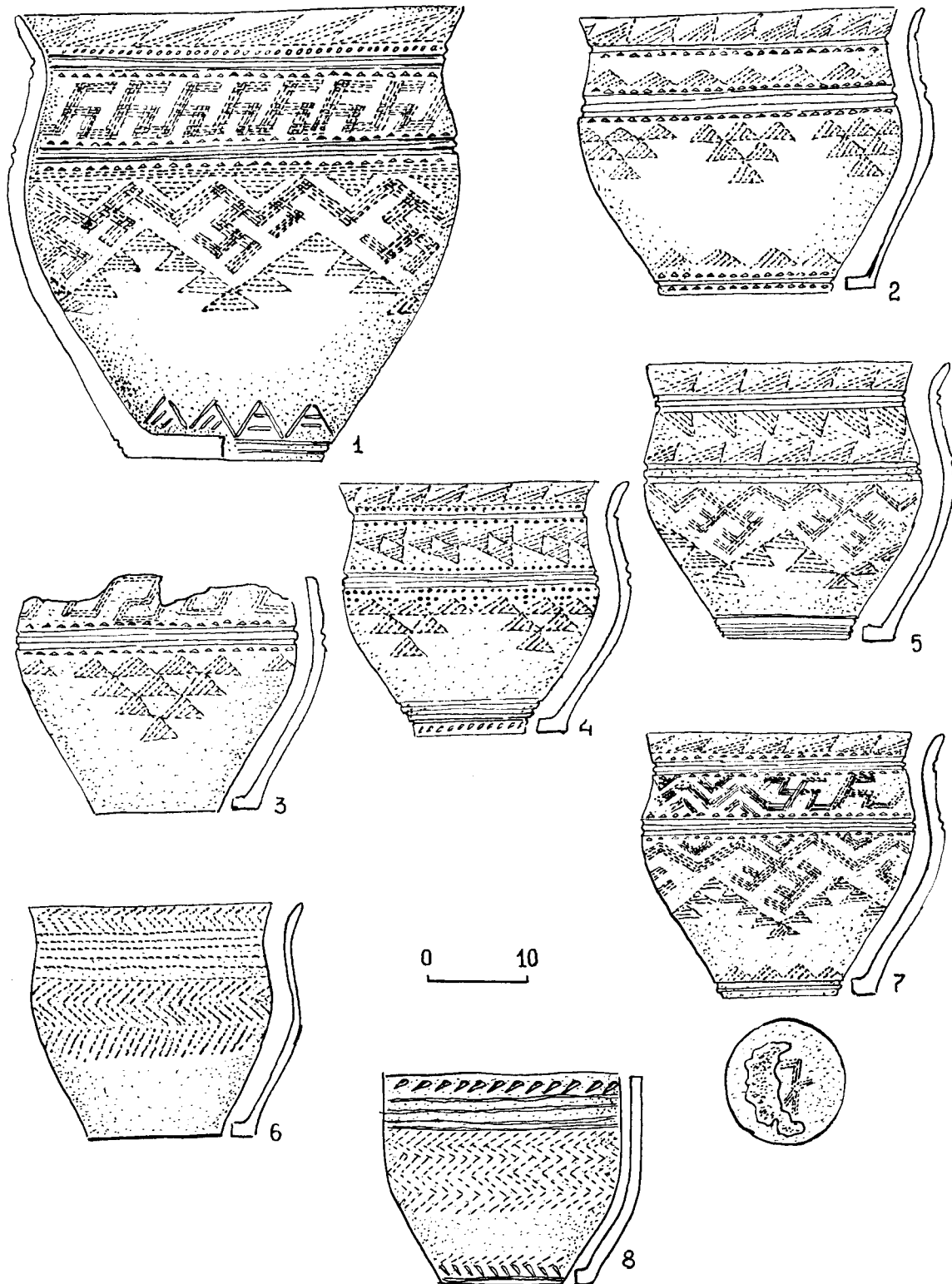

Рис. I9. Сосуды из могильника Титово: I - мог. I, кург. 5;
 2 - мог. 2, кург. 8; 3, 6 - мог. I, кург. 8; 4, 5 -
 мог. 5, кург. 5; 7 - кург. 4; 8 - мог. 2, кург. 7

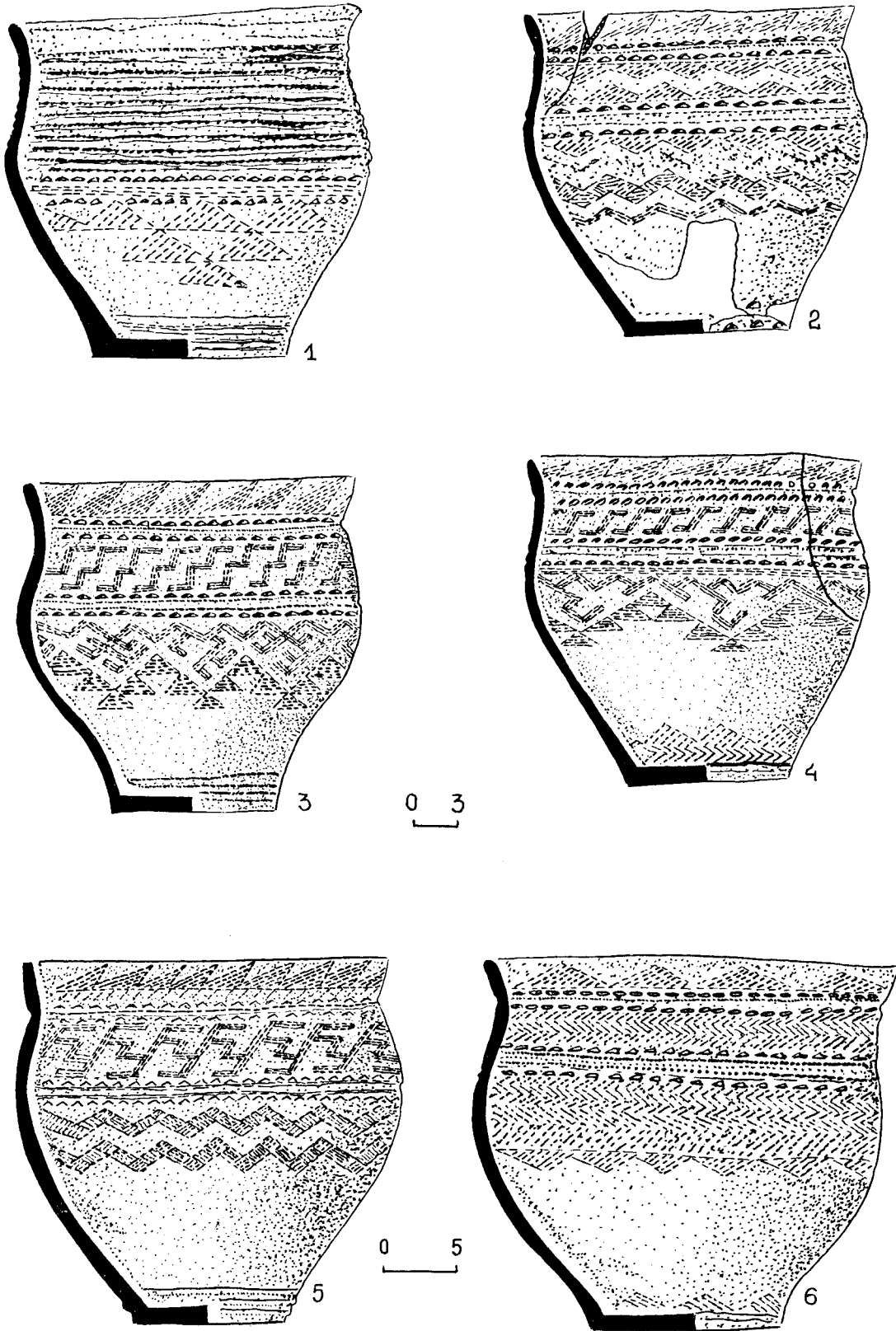

Рис.20. Сосуды. Титово: 1 - мог.5, кург.5;
 2 - мог.2, кург.6; 3 - мог.5, кург.6;
 4 - мог.6, кург.5; Васьково-5: 5,6 -
 мог.2, кург.1

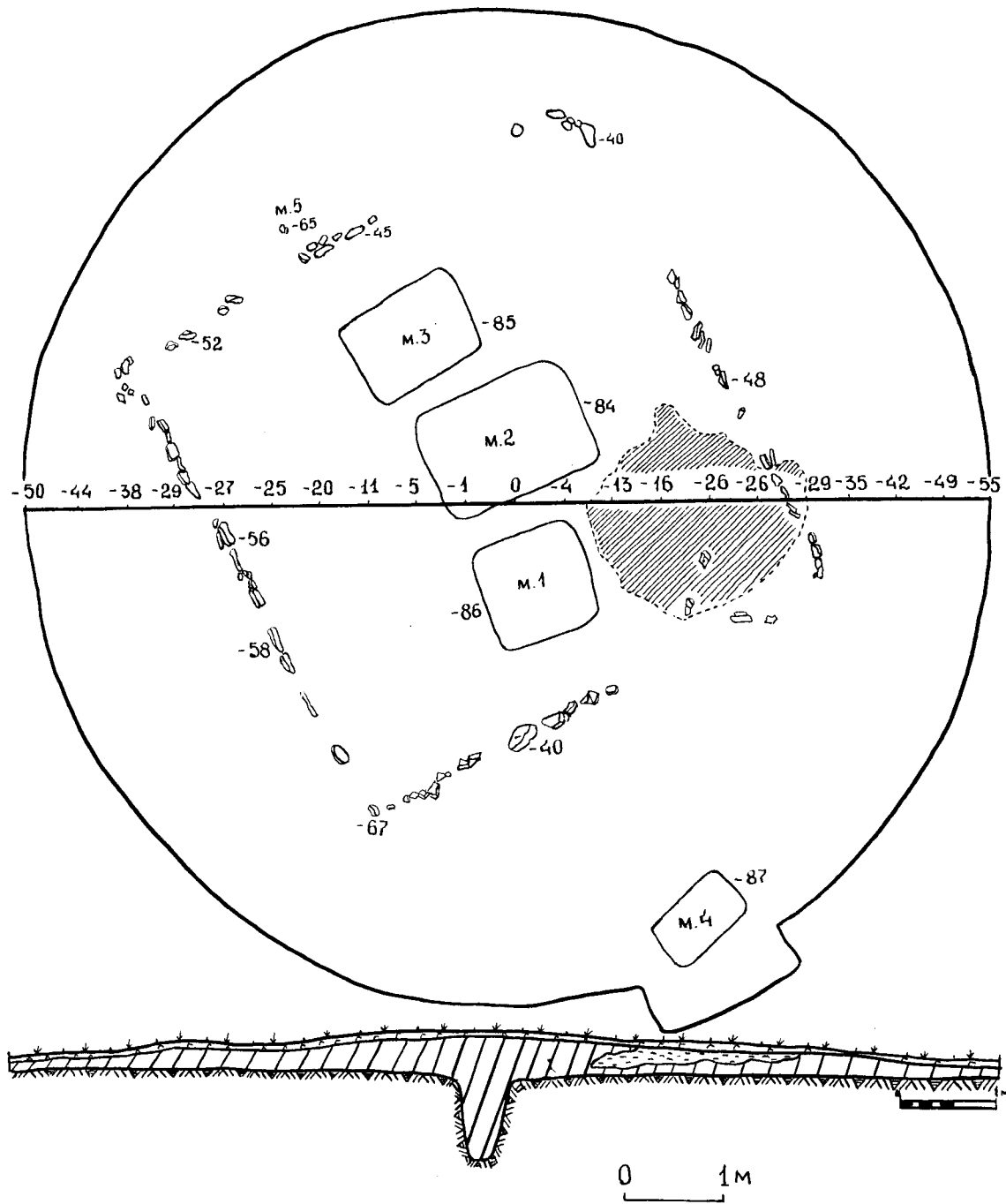

Рис.2I. Танай-I. План и профиль кургана 7

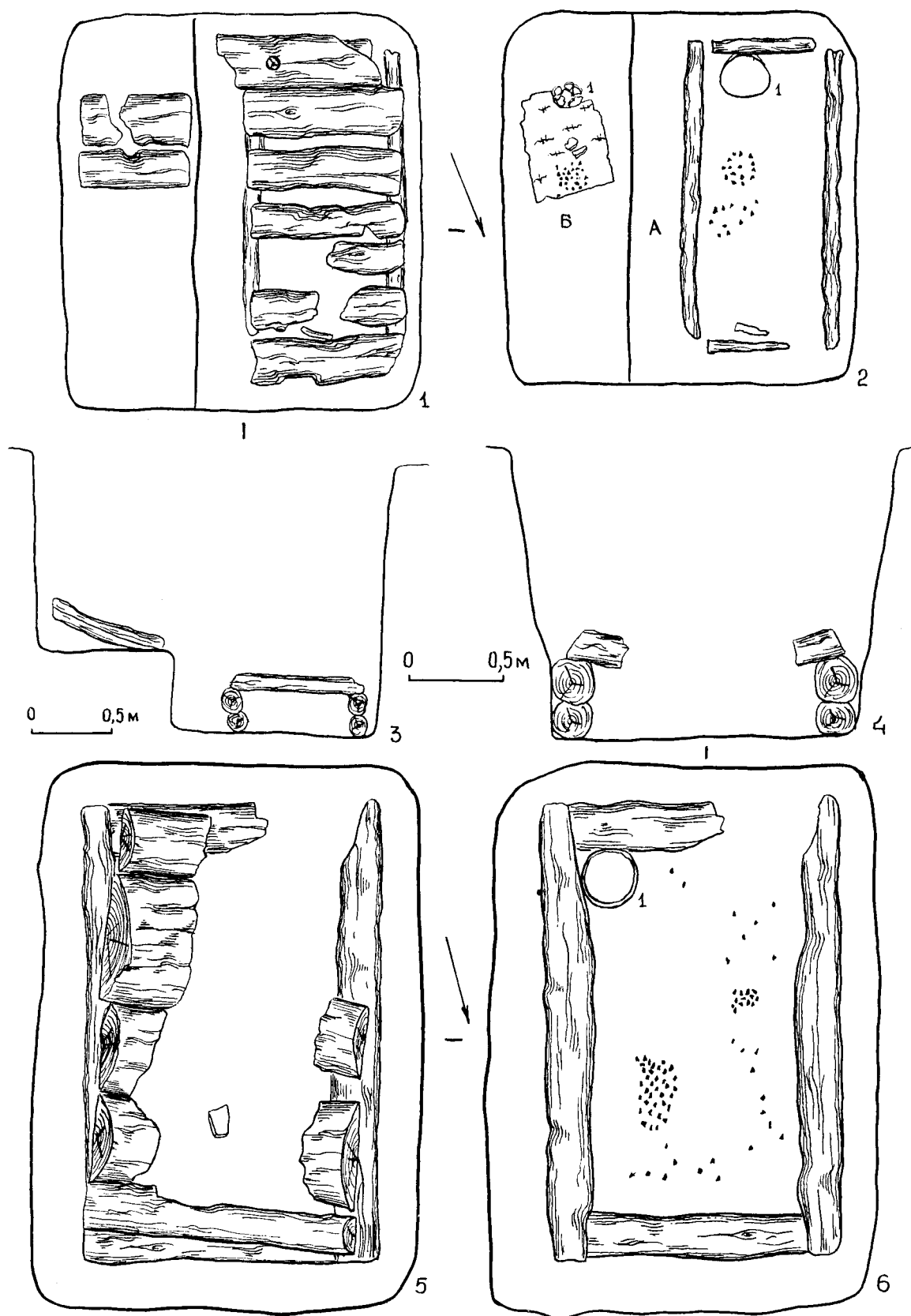

Рис.22. Планы могил. Курган 7: 1-3 - мог.1;
4-6 - мог.2

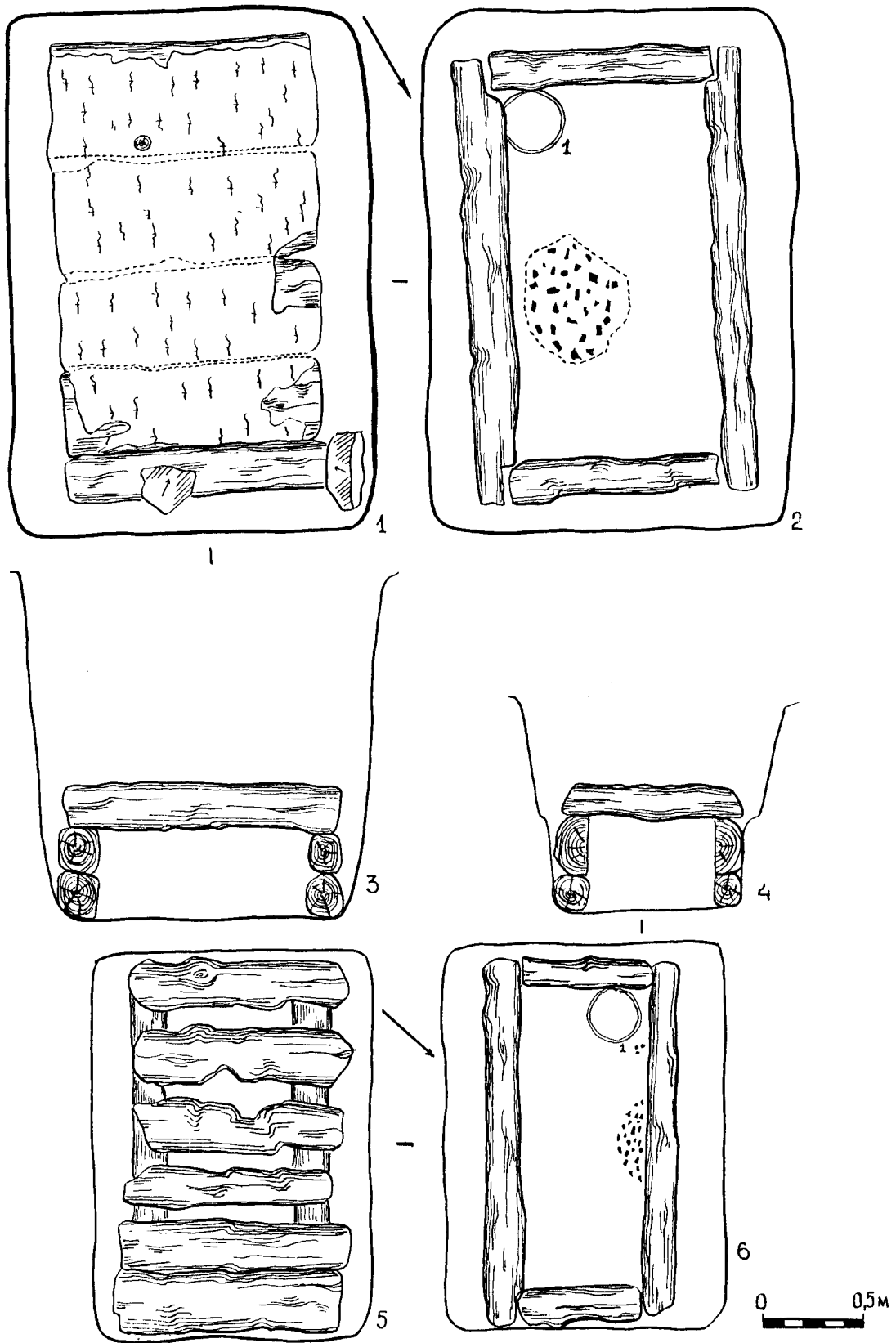

Рис.23. Планы могил. Курган 7: 1-3 - мог.3;
4-6 - мог.4

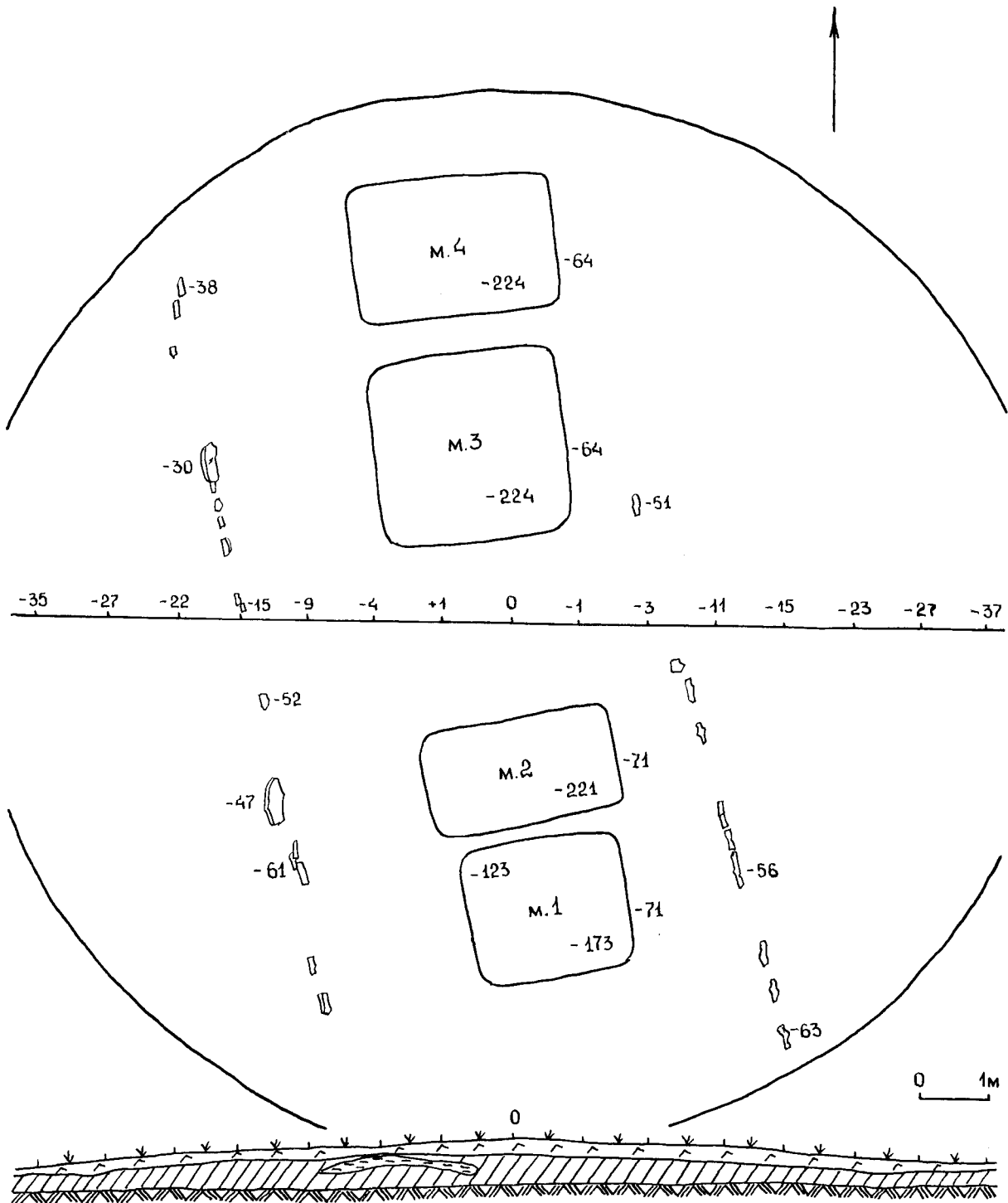

Рис.24. Танай-І. План и профиль кургана ІО

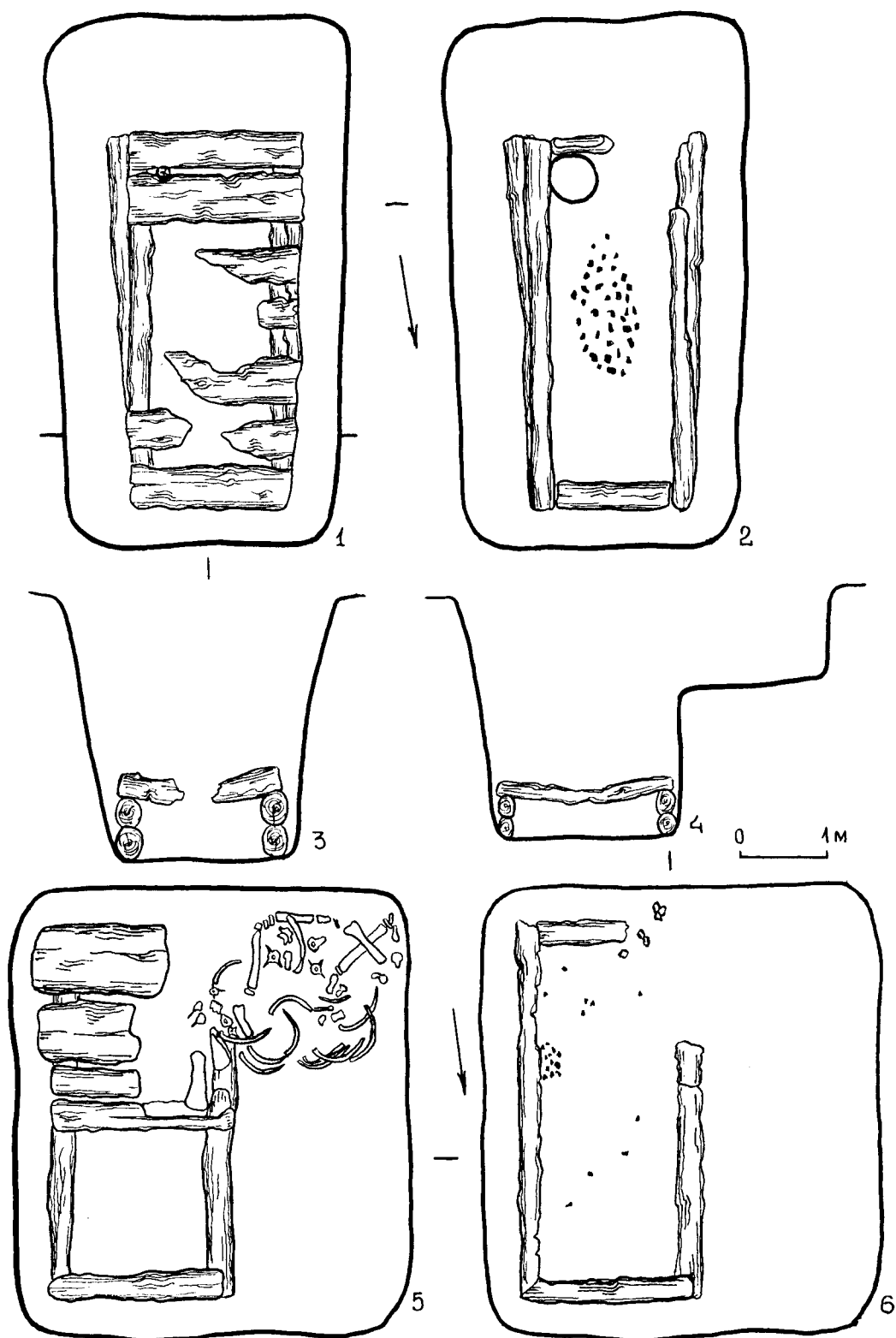

Рис.25. Планы могил. Курган IO: 1-3 - мог.2;
4-6 - мог.1

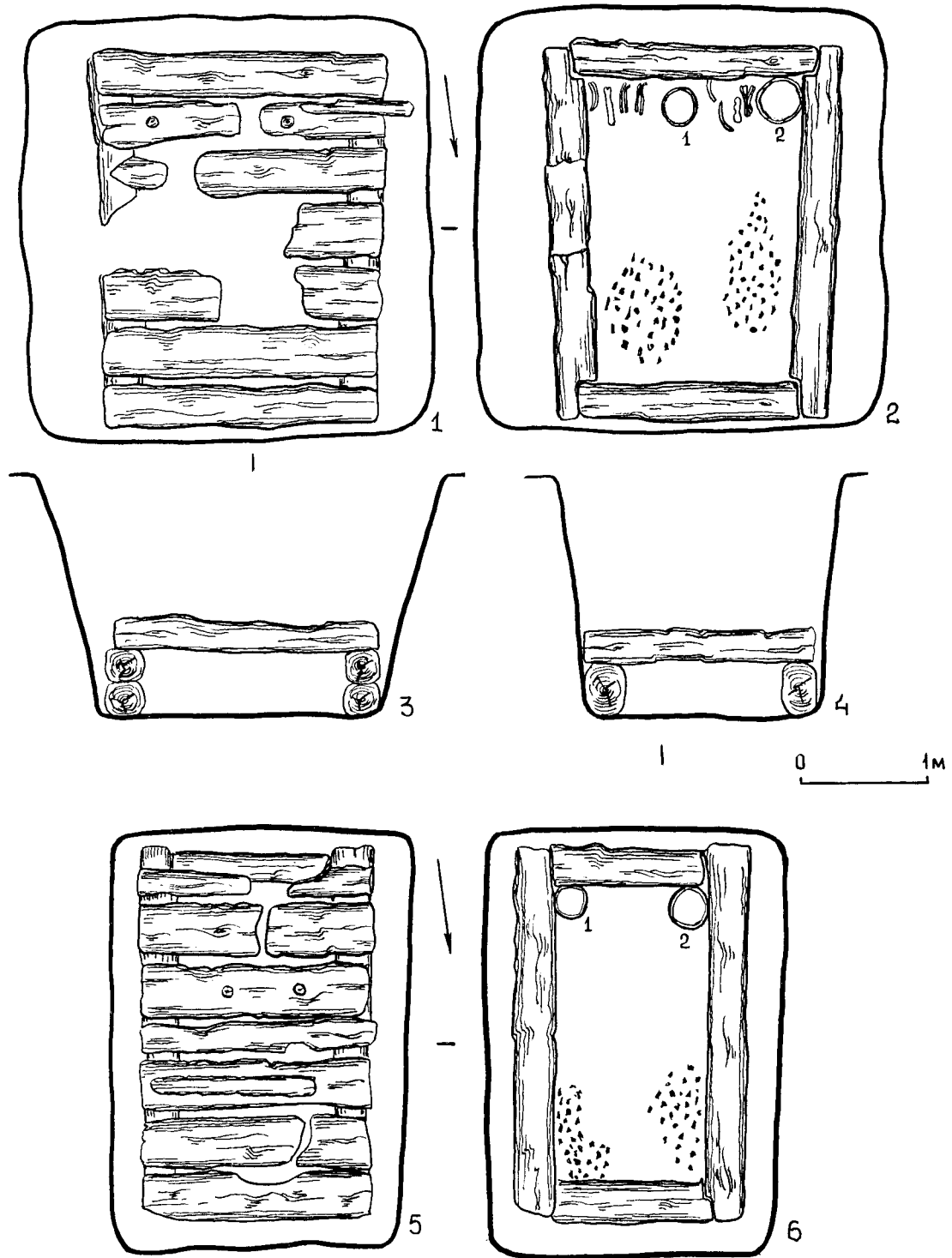

Рис.26. Планы могил. Курган IO: 1-3 - мог.3;
4-6 - мог.4

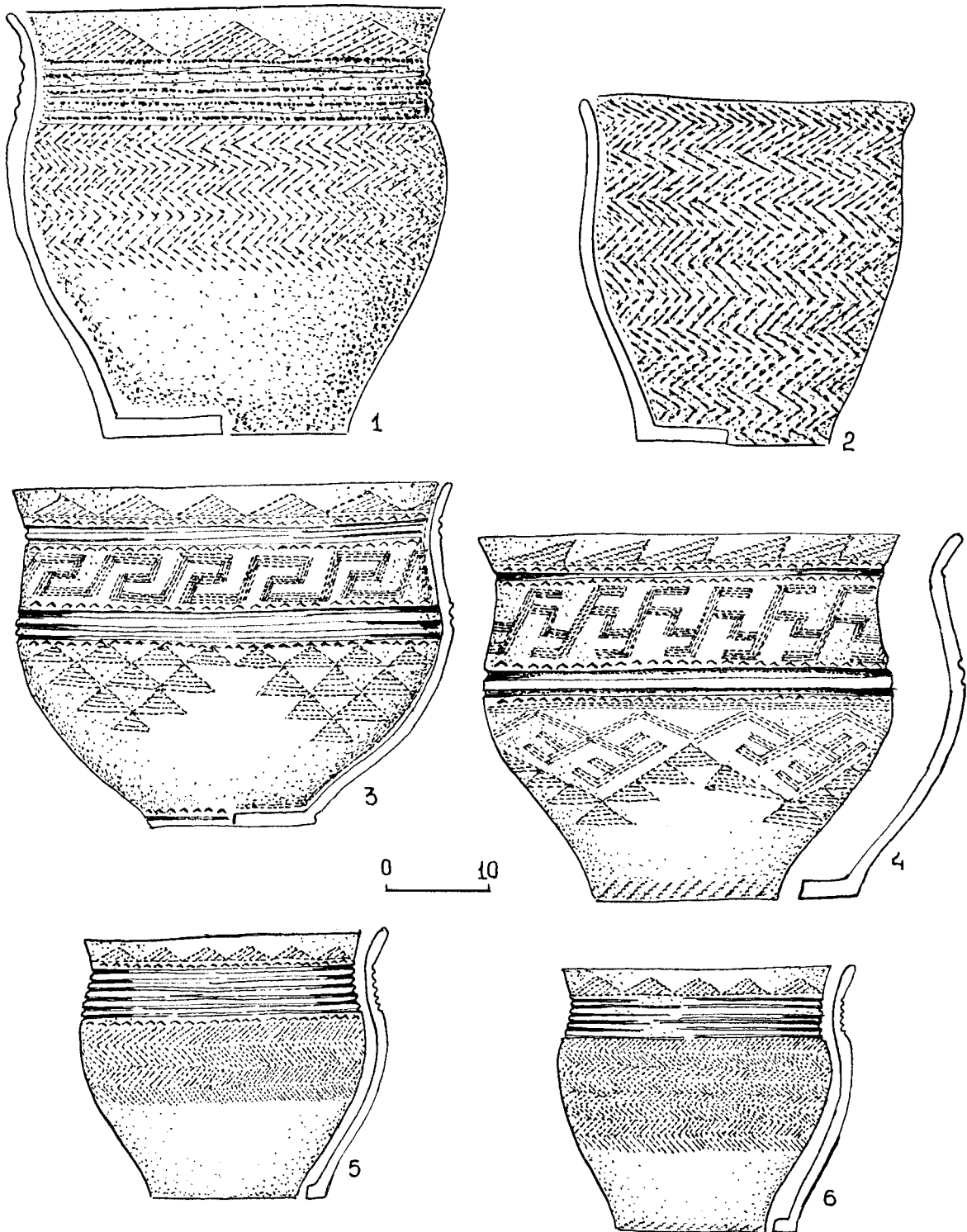

Рис.27. Танай-І. Сосуды: 1 - мог.3, кург.10;
 2 - мог.1, кург.7; 3 - мог.2, кург.7;
 4 - мог.3, кург.10; 5 - мог.1, кург.7;
 6 - мог.2, кург.10

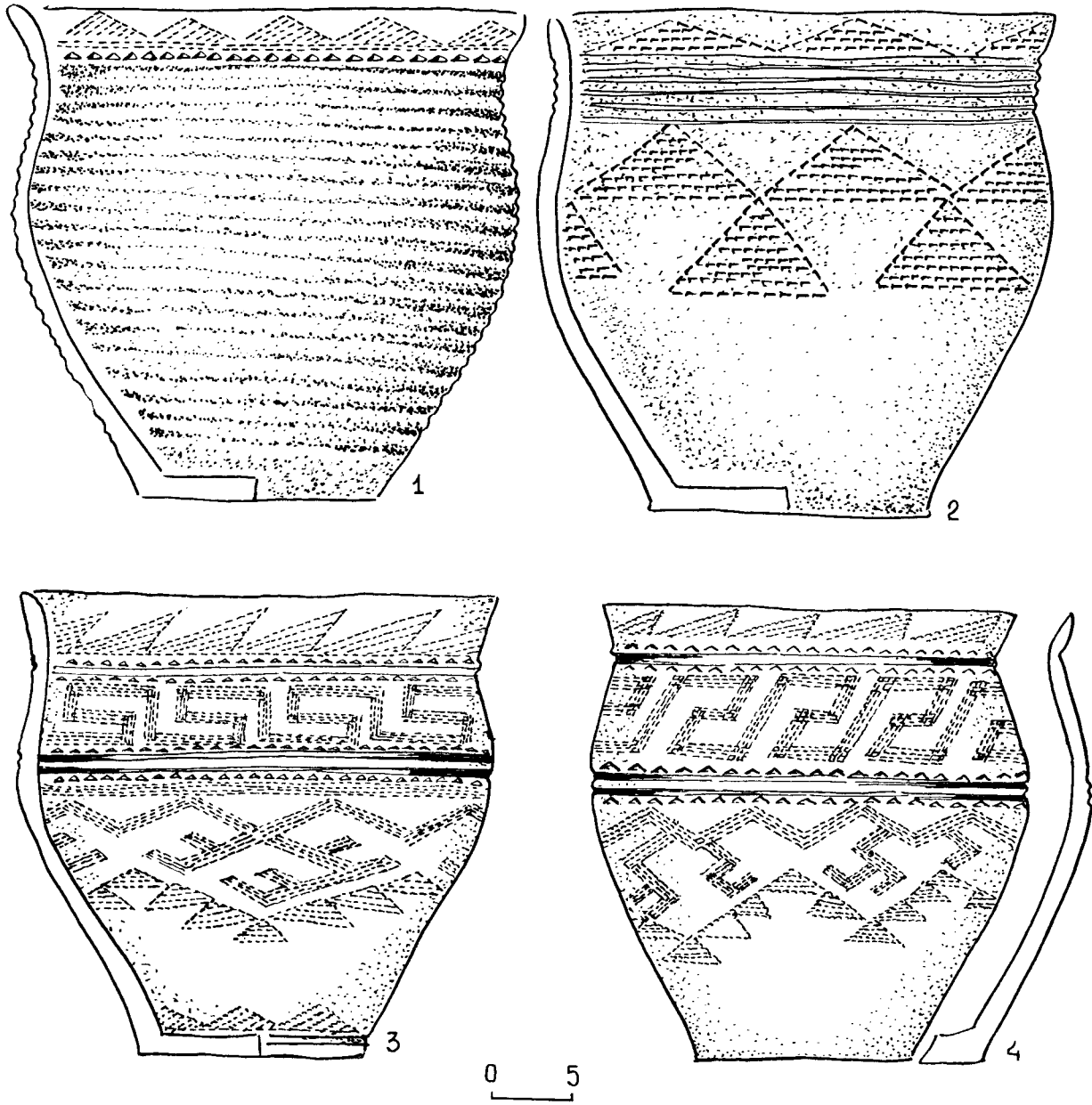

Рис.28. Танай-І. Сосуды: 1 - мог.3, кург.7;
2 - мог.4, кург.7; 3,4 - мог.4, кург.10

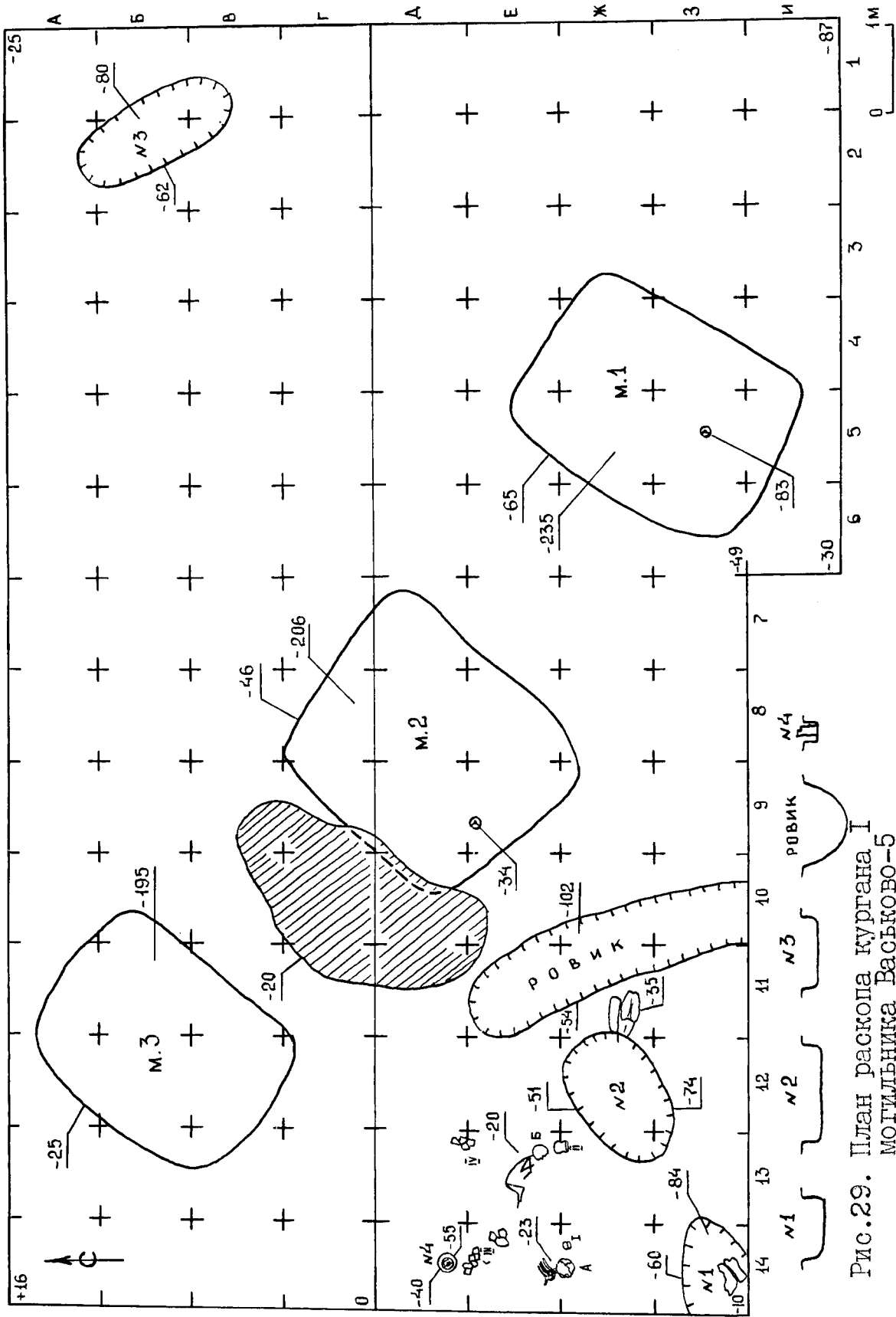

Рис.29. План раскопа кургана I
МОГИЛЬНИКА ВАСЬКОВО-5

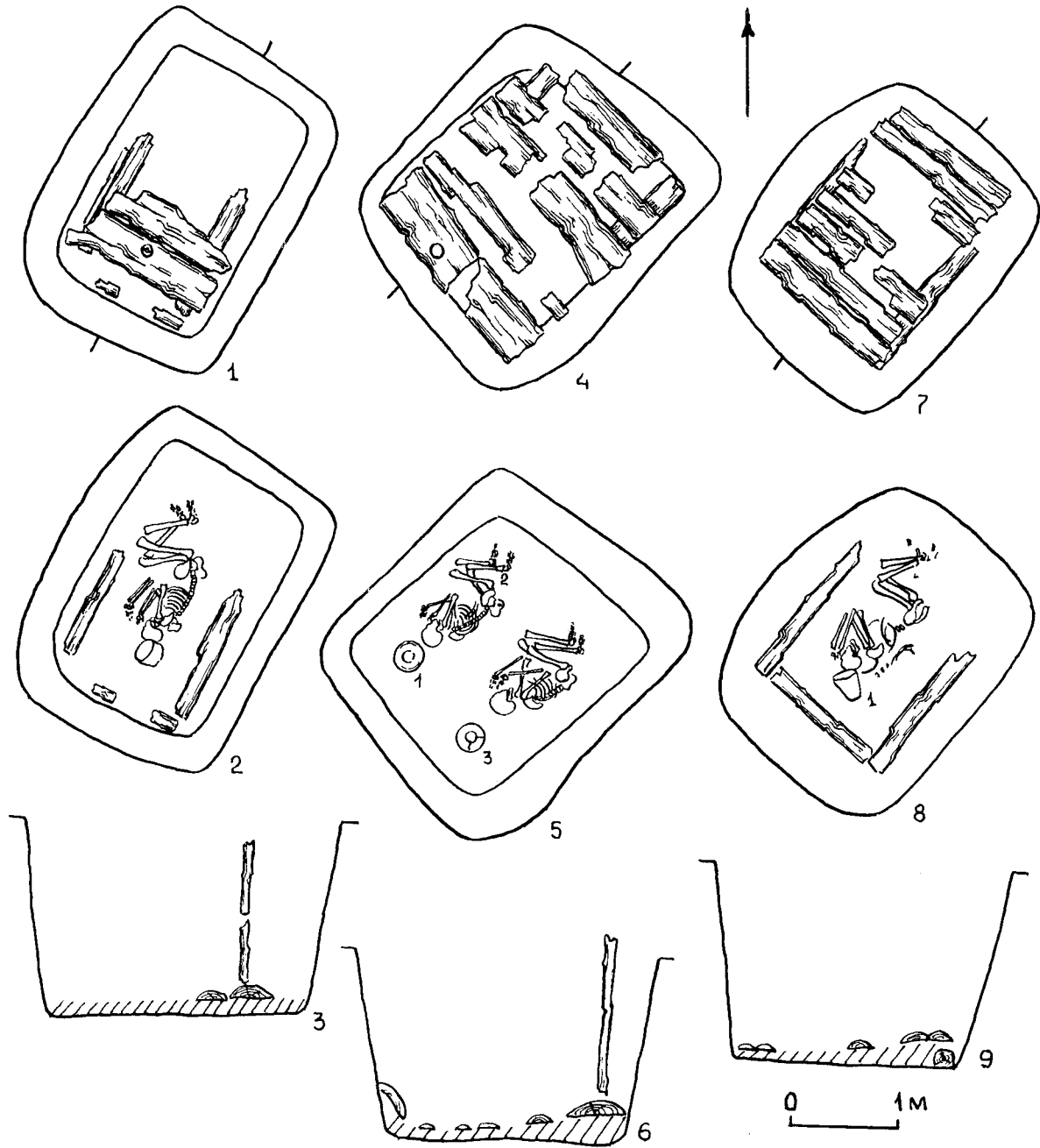

Рис.30. Васьково-5. Планы могил. Курган I:
 1-3 - МОГ.1; 4-6 - МОГ.2;
 7-9 - МОГ.3

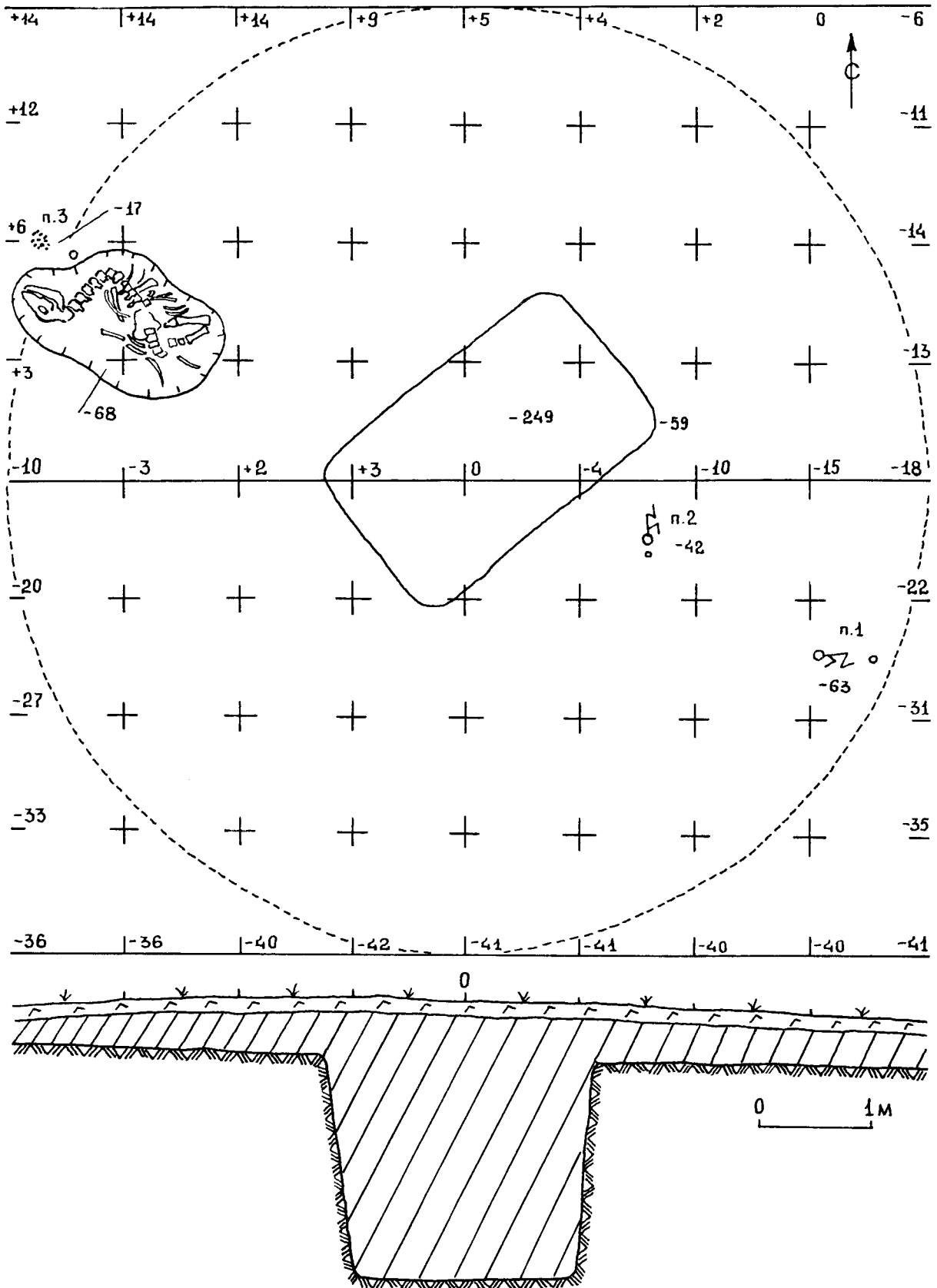

Рис.31. Васьково-5. План раскопа кургана 2

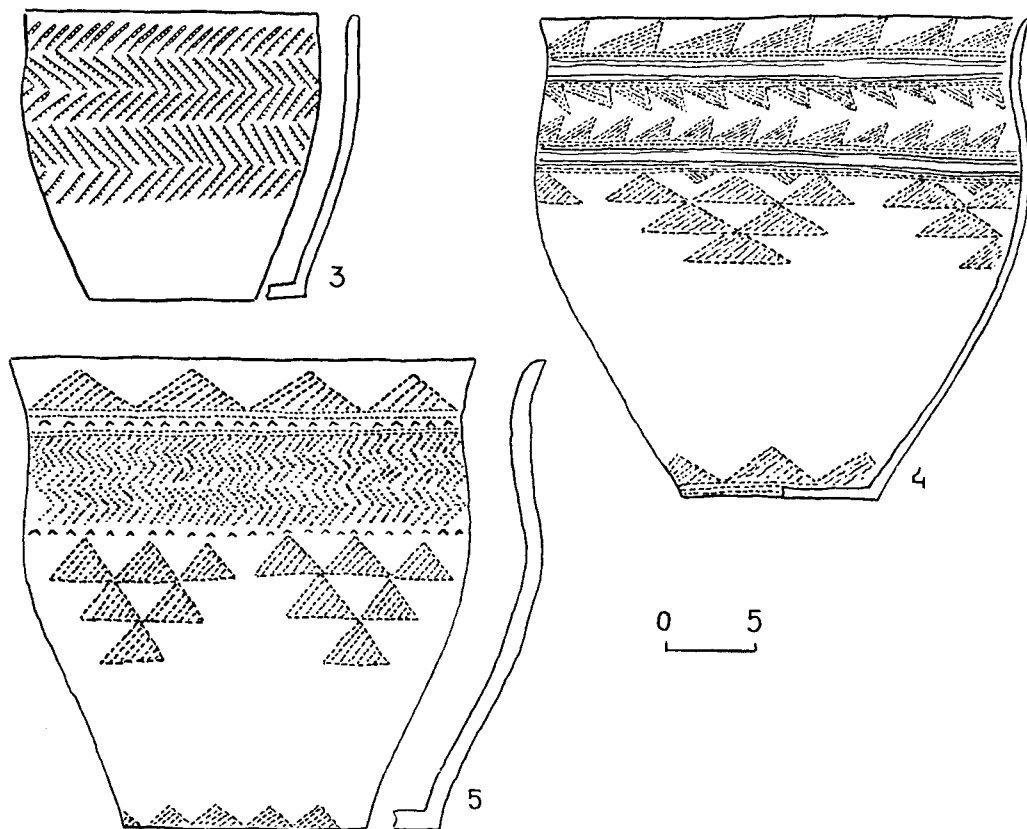
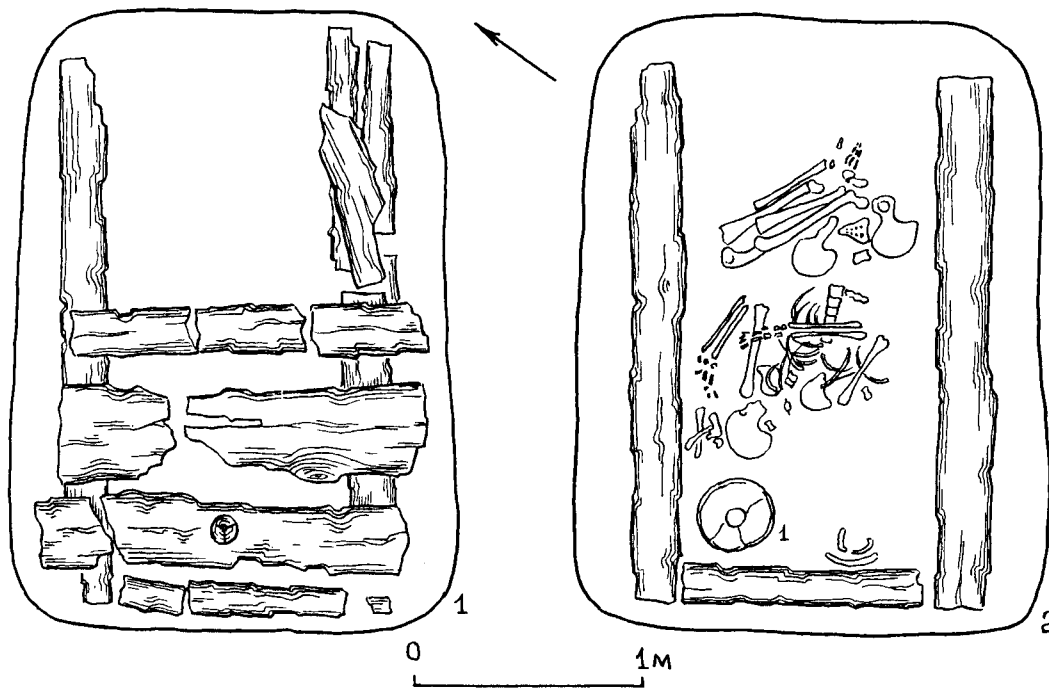

Рис.32. Васьково-5: 1,2 - планы мог. кург.2;
 сосуды: 3 - мог.3, кург.1; 4 - кург.2;
 5 - мог.1, кург.1

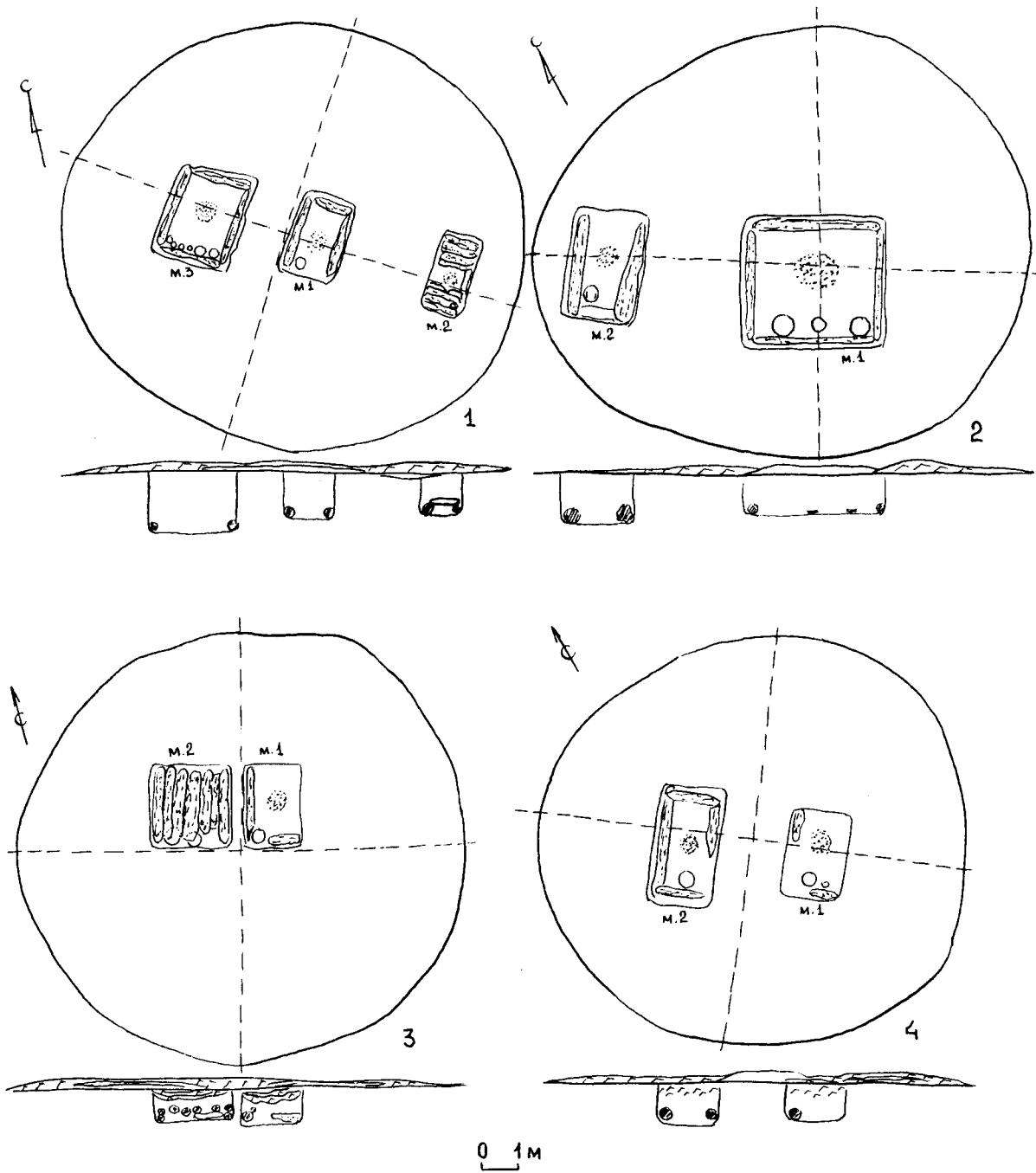

Рис.33. Урский могильник. Планы курганов:
 1 - кург.1; 2 - кург.2; 3 - кург.3;
 4 - кург.4

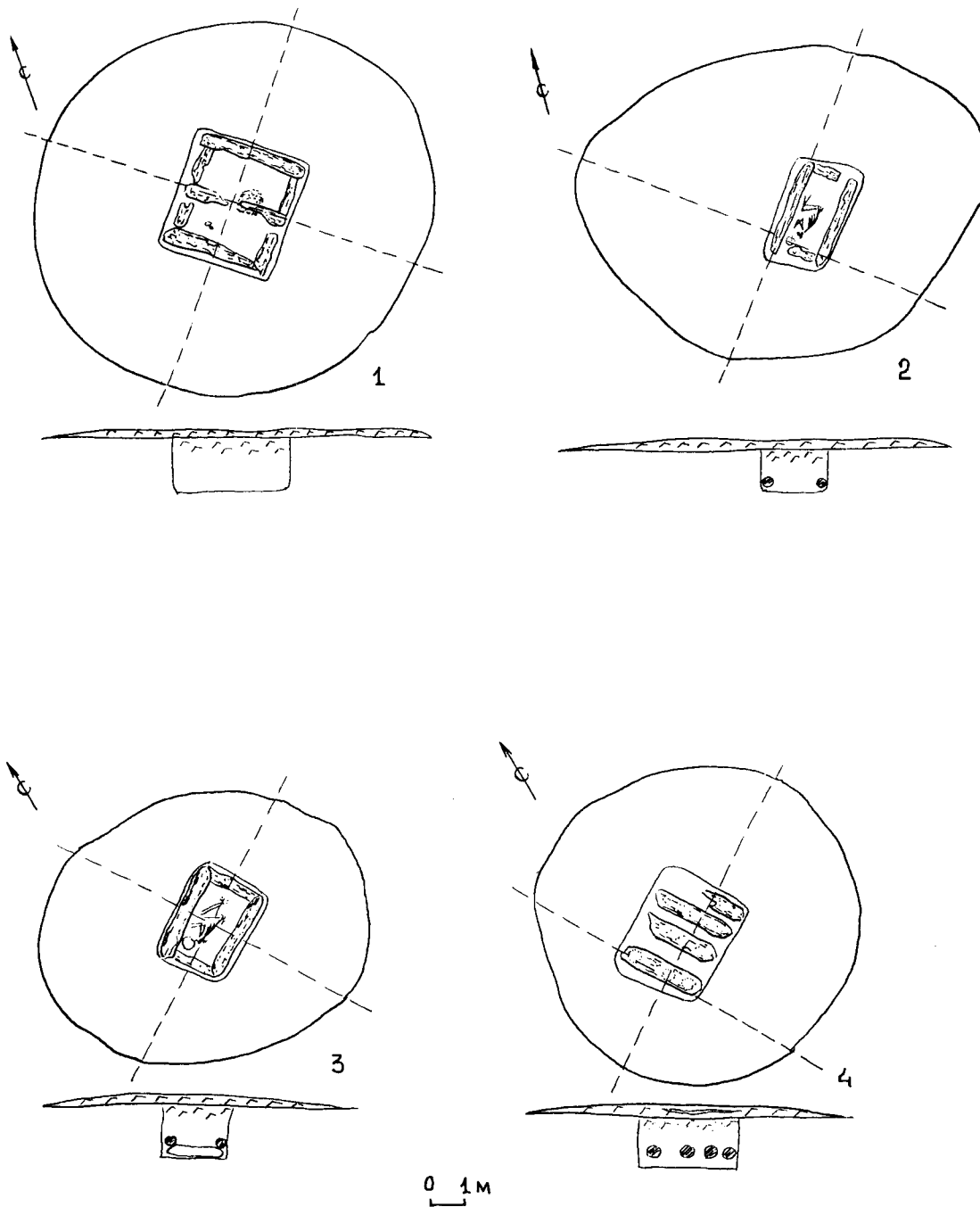

Рис.34. Планы курганов: 1 - кург.5; 2 - кург.6;
3 - кург.9; 4 - кург.10

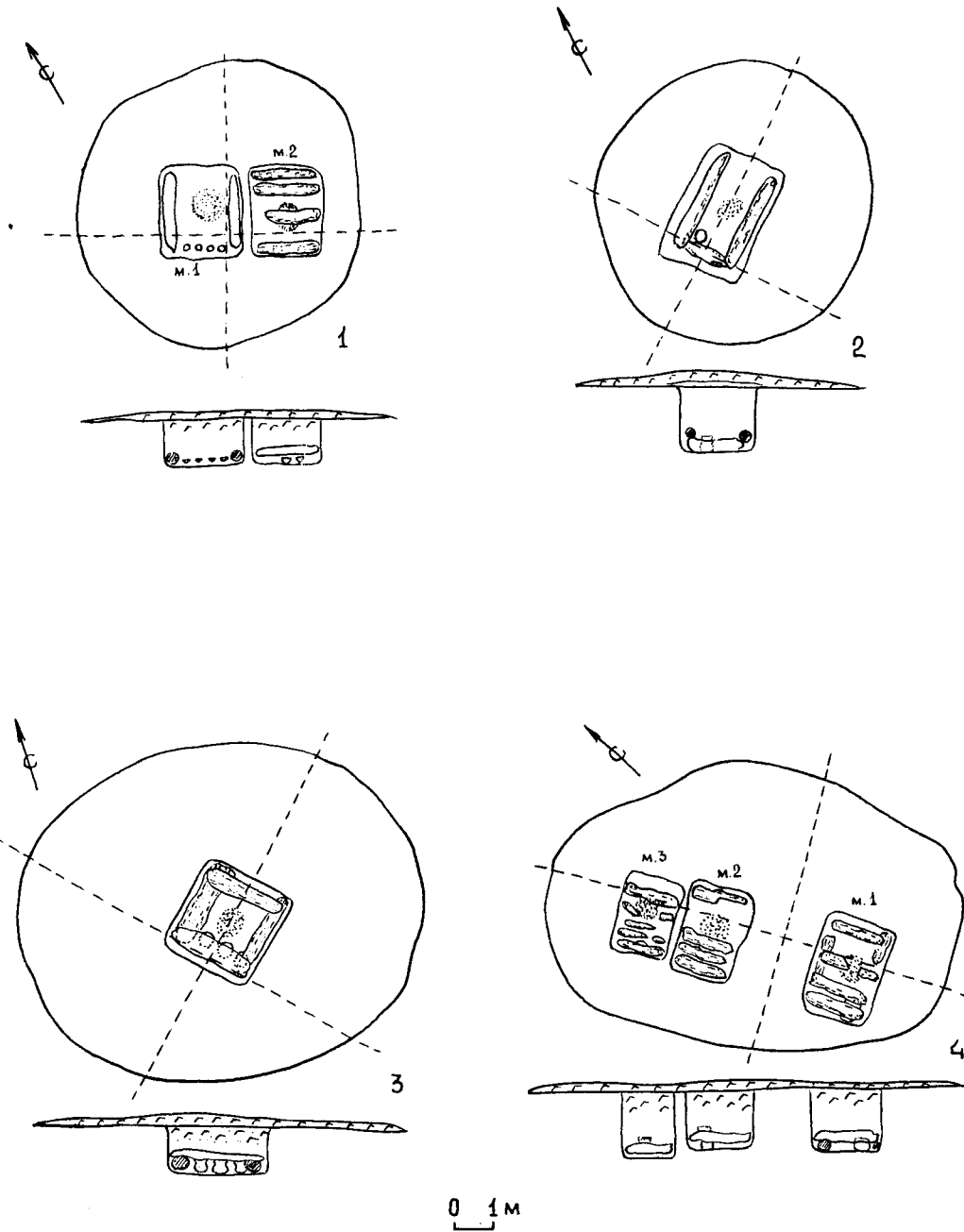

Рис.35. Планы курганов: 1 - кург.11; 2 - кург.12;
3 - кург.13; 4 - кург.14

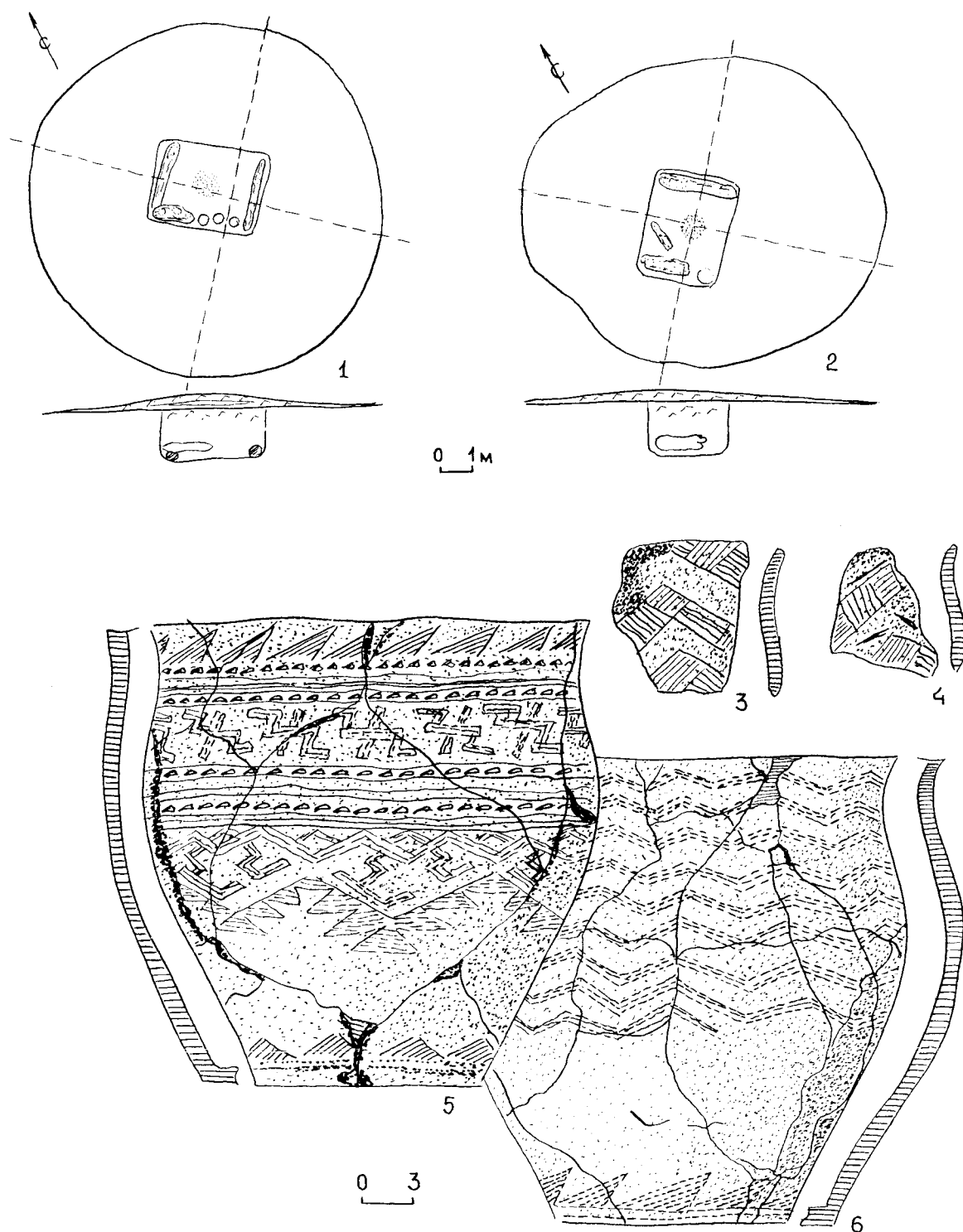

Рис.36. Планы курганов: 1 - кург.15; 2 - кург.16;
 сосуды: 3,4 - мог.1, кург.5; 5 - мог.2,
 кург.8; 6 - мог.1, кург.8

Рис.37. Могильник Ур. Сосуды из кург. I:
 I - мог.2; 2 - мог. I; 3-7 - мог.3

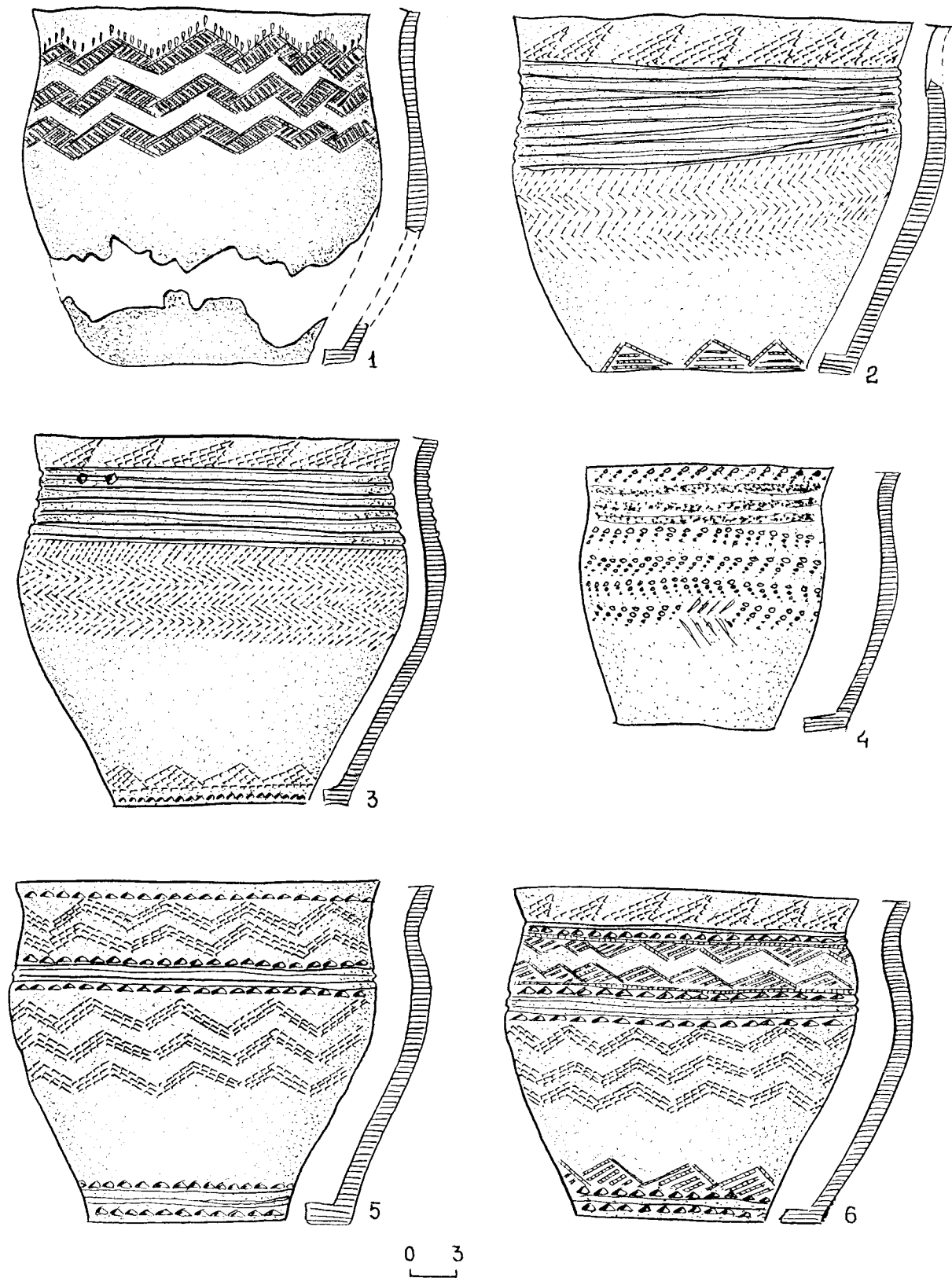

Рис.38. Могильник Ур. Сосуды: 1 - мог.2, кург.2;
 2-4 - мог.1, кург.2; 5 - мог.1, кург.3;
 6 - мог.2, кург.3

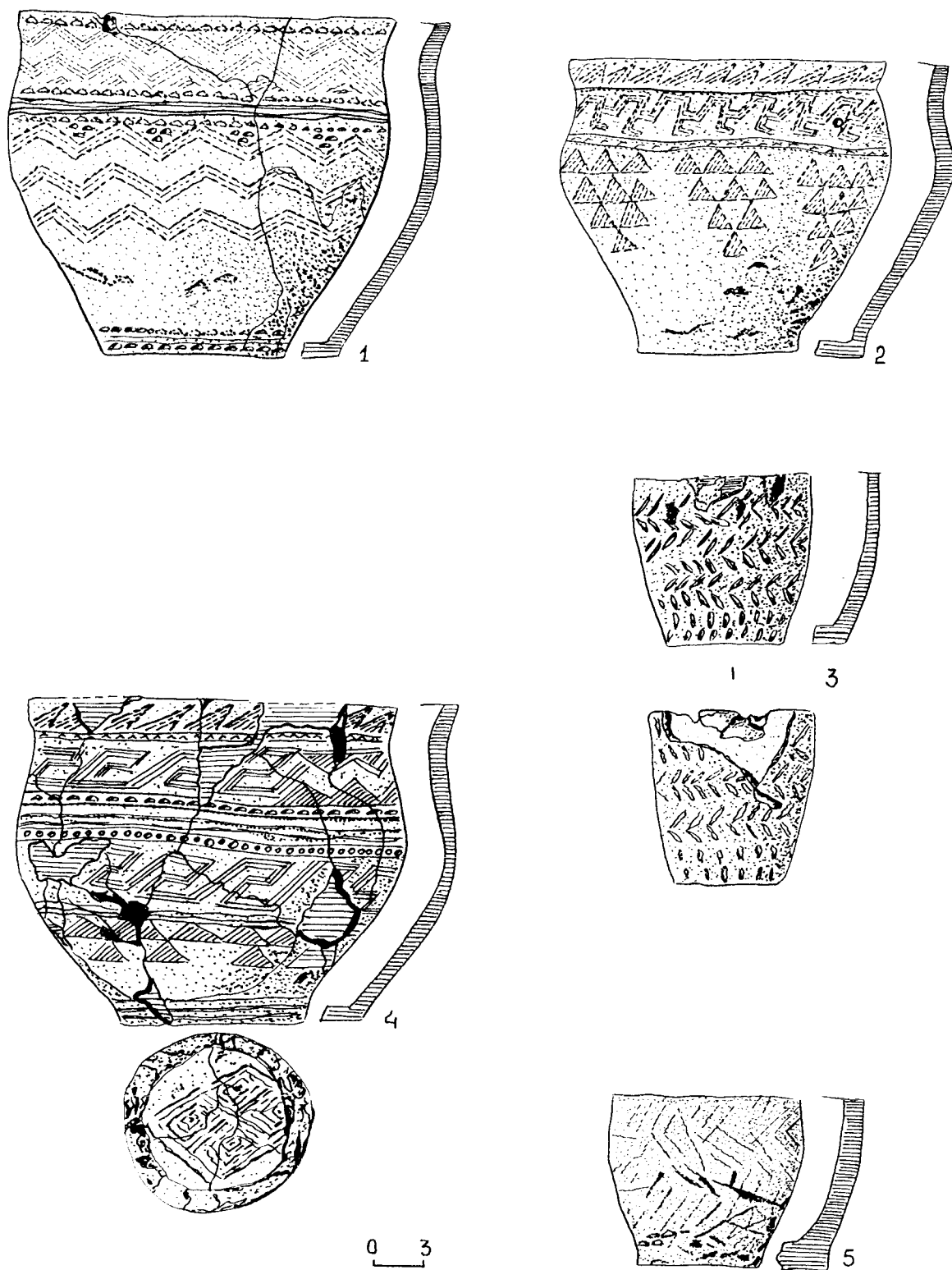

Рис.39. Могильник Ур. Сосуды: 1 - мог.2, кург.3;
 2 - мог.2, кург.4; 3 - мог.1, кург.8;
 4,5 - мог.1, кург.4

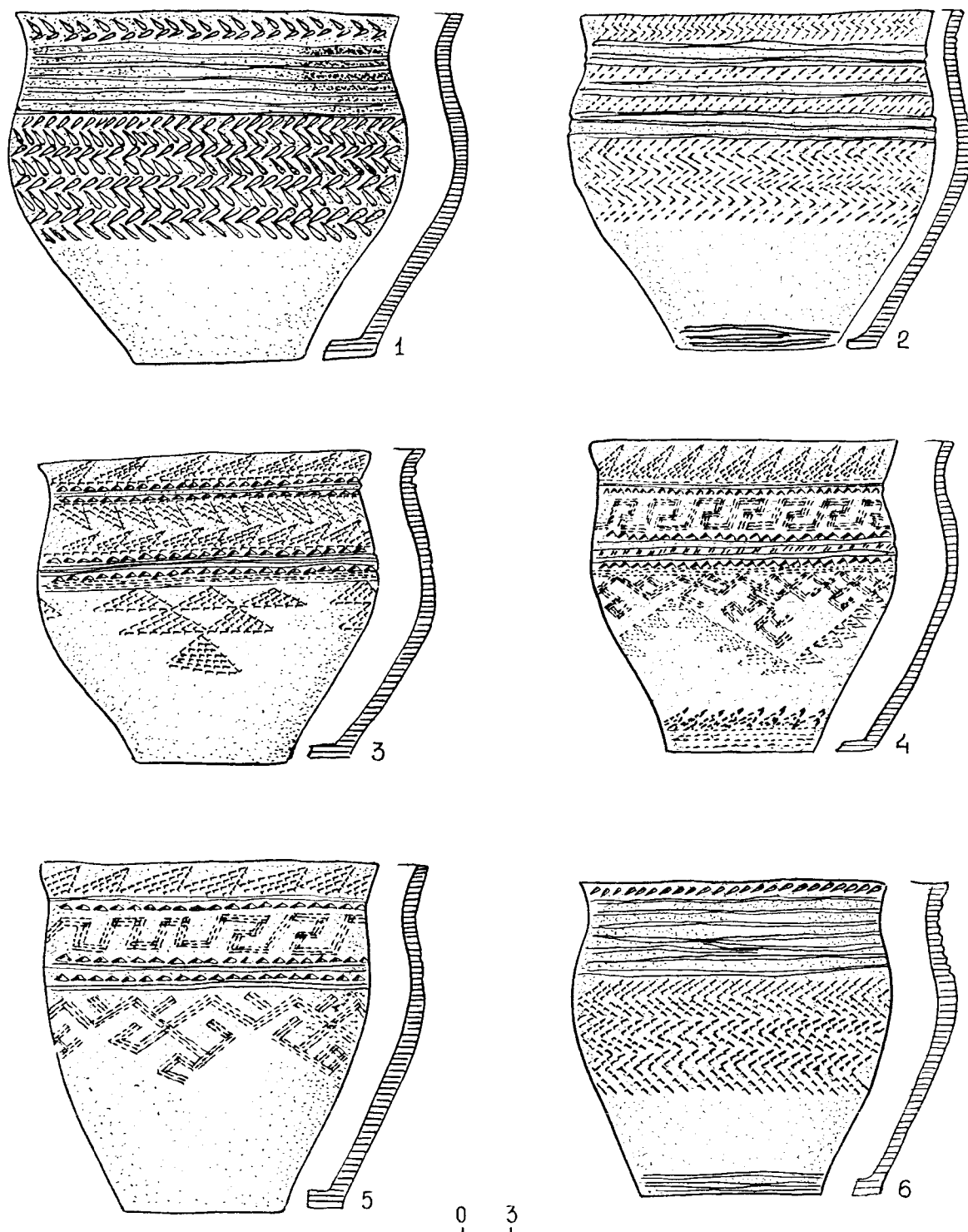

Рис.40. Могильник Ур. Сосуды: 1 - мог. I, кург. 7;
 2, 3 - мог. 2, кург. 7; 4 - мог. I, кург. 14;
 5 - мог. I, кург. II; 6 - мог. I, кург. 15

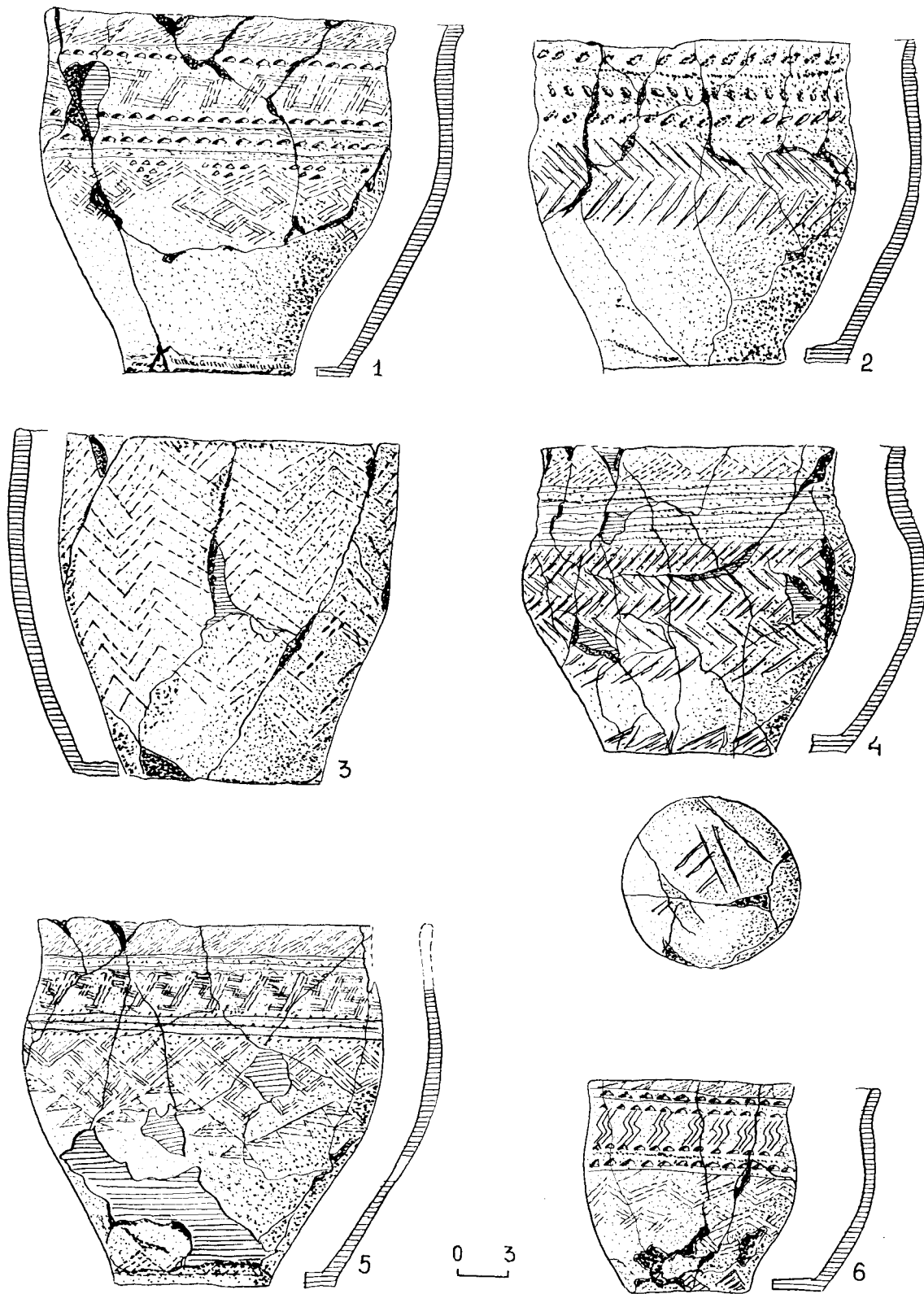

Рис. 41. Могильник Ур: Сосуды: 1 - мог. I, кург. II (тот же сосуд, что на рис. 40-5, обратная сторона); 2-4 - мог. I, кург. 10; 5 - кург. 9; 6 - мог. I, кург. II

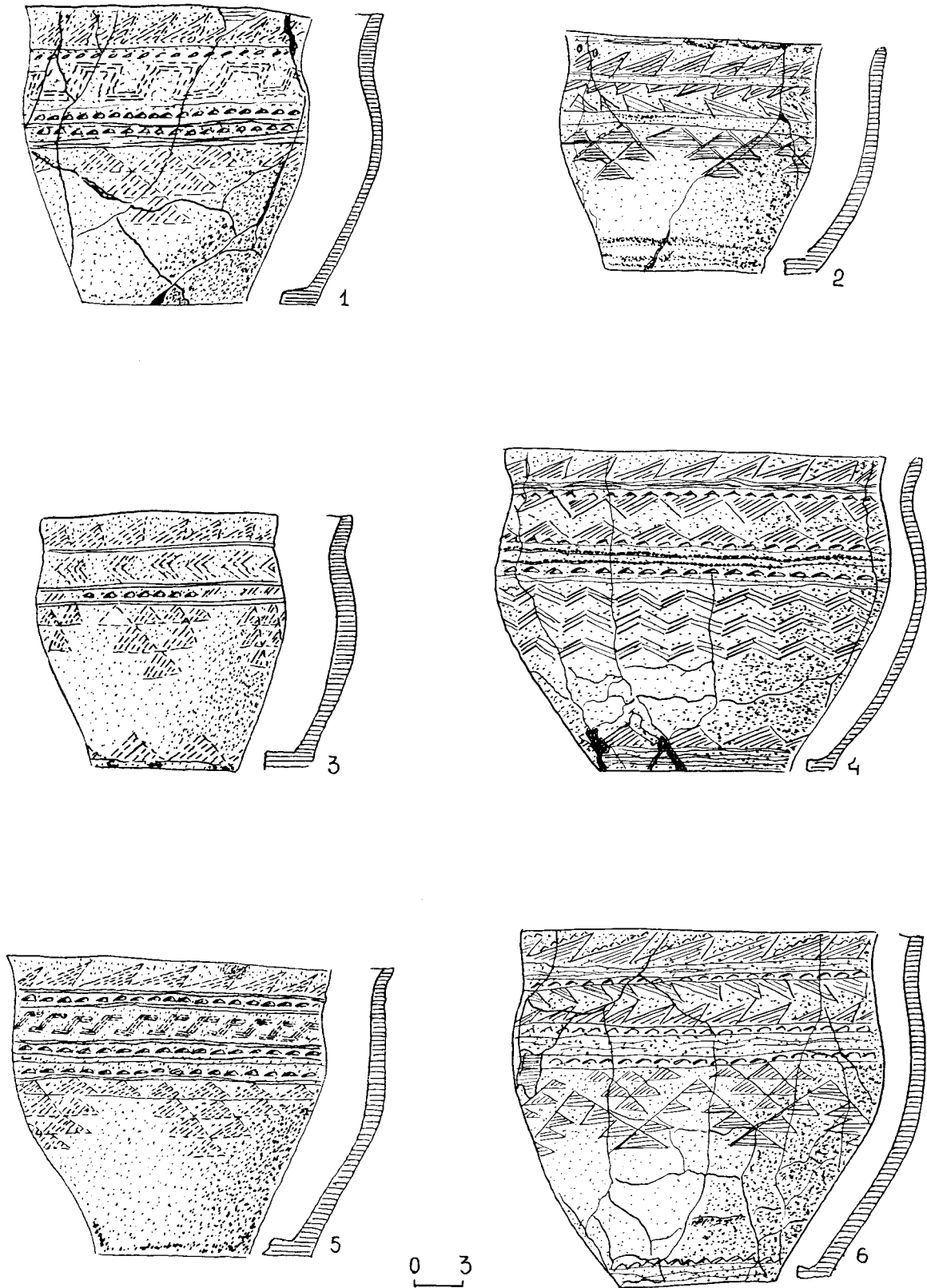

Рис. 42. Могильник Ур. Сосуды: 1, 2 - мог. 2, кург. II;
 3, 5 - мог. I, кург. II; 4 - мог. I, кург. I2;
 6 - мог. I, кург. I3

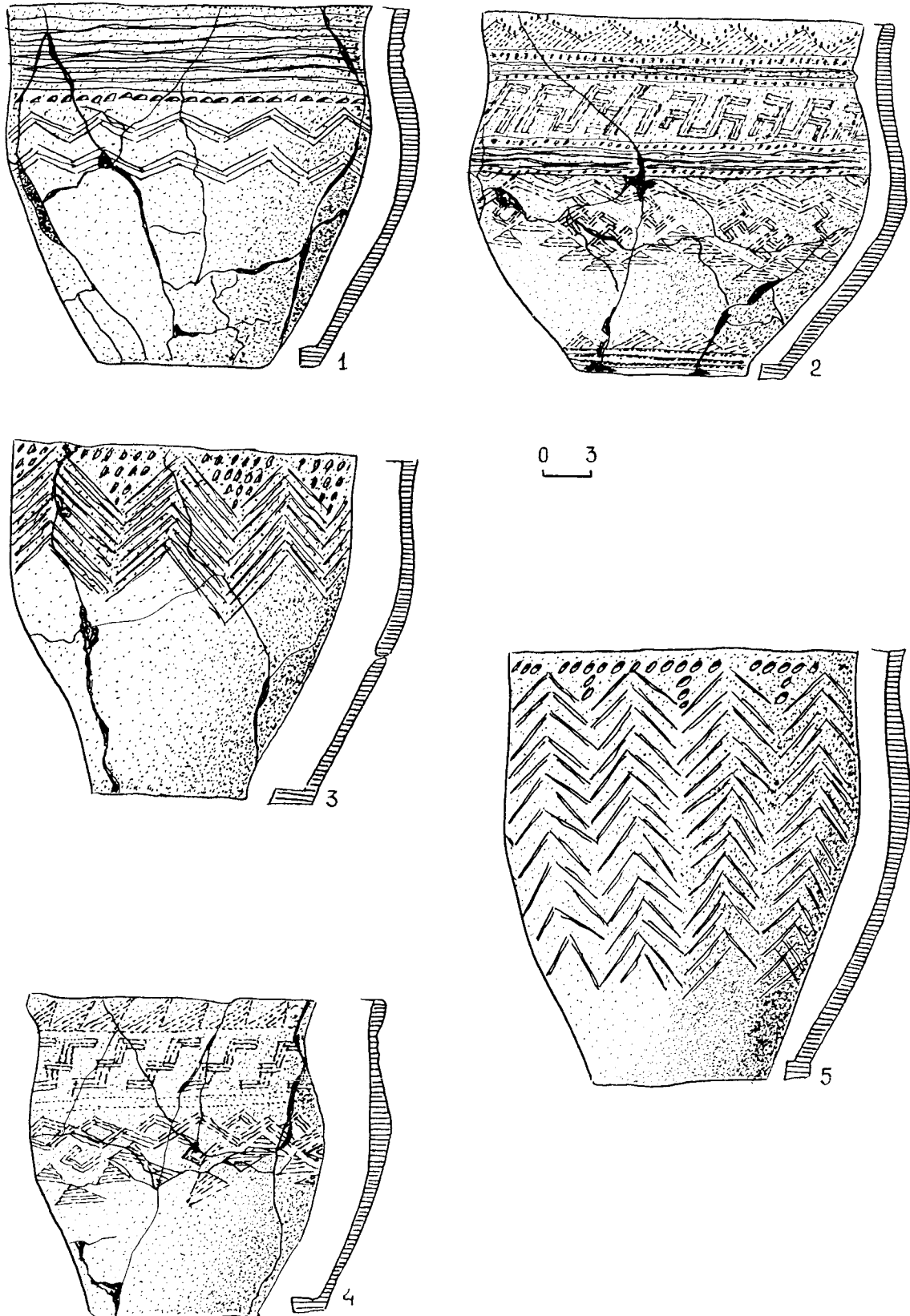

Рис. 43. Могильник Ур. Сосуды: 1, 2 - мог. I, кург. I3;
 3 - мог. 3, кург. I4; 4 - мог. 2, кург. I4;
 5 - мог. I, кург. I6

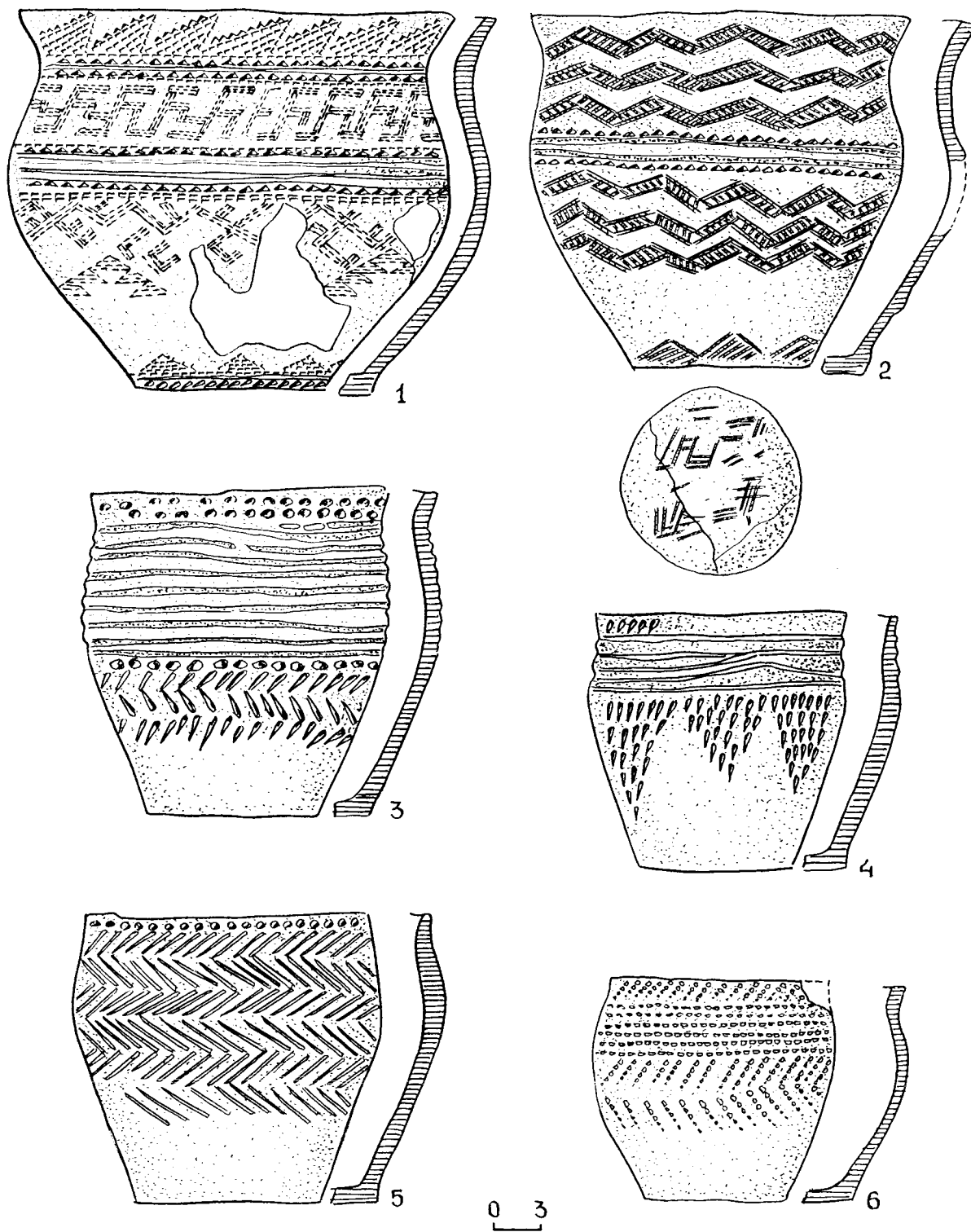

Рис.44. Могильник Ур. Сосуды: 1,3-6 - мог. I, кург. I5; 2 - мог. I, кург. I7

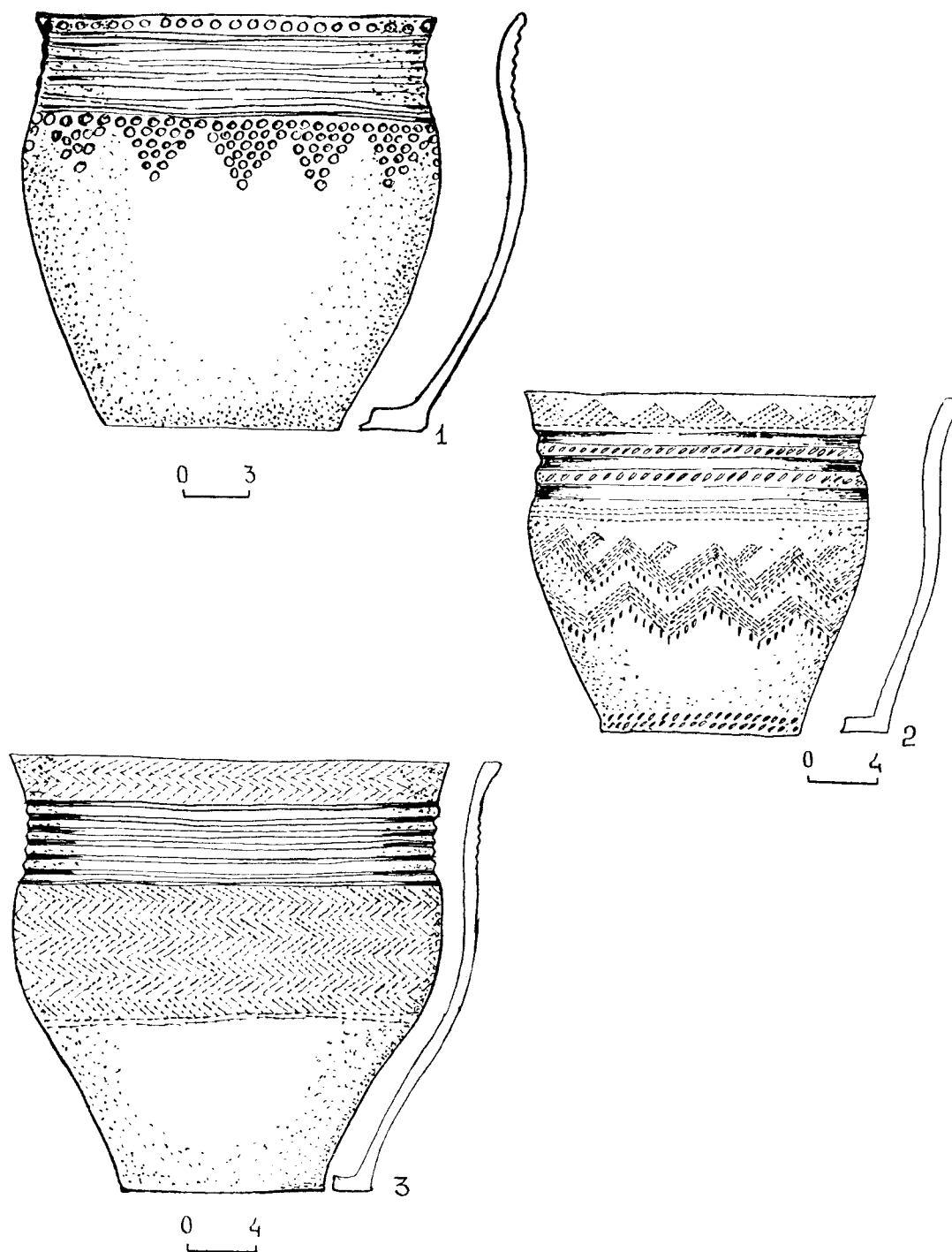

Рис. 45. Могильник Ур. Сосуды: 1 - мог. 3, кург. I;
2 - кург. 6. Титово: 3 - мог. 4, кург. 5

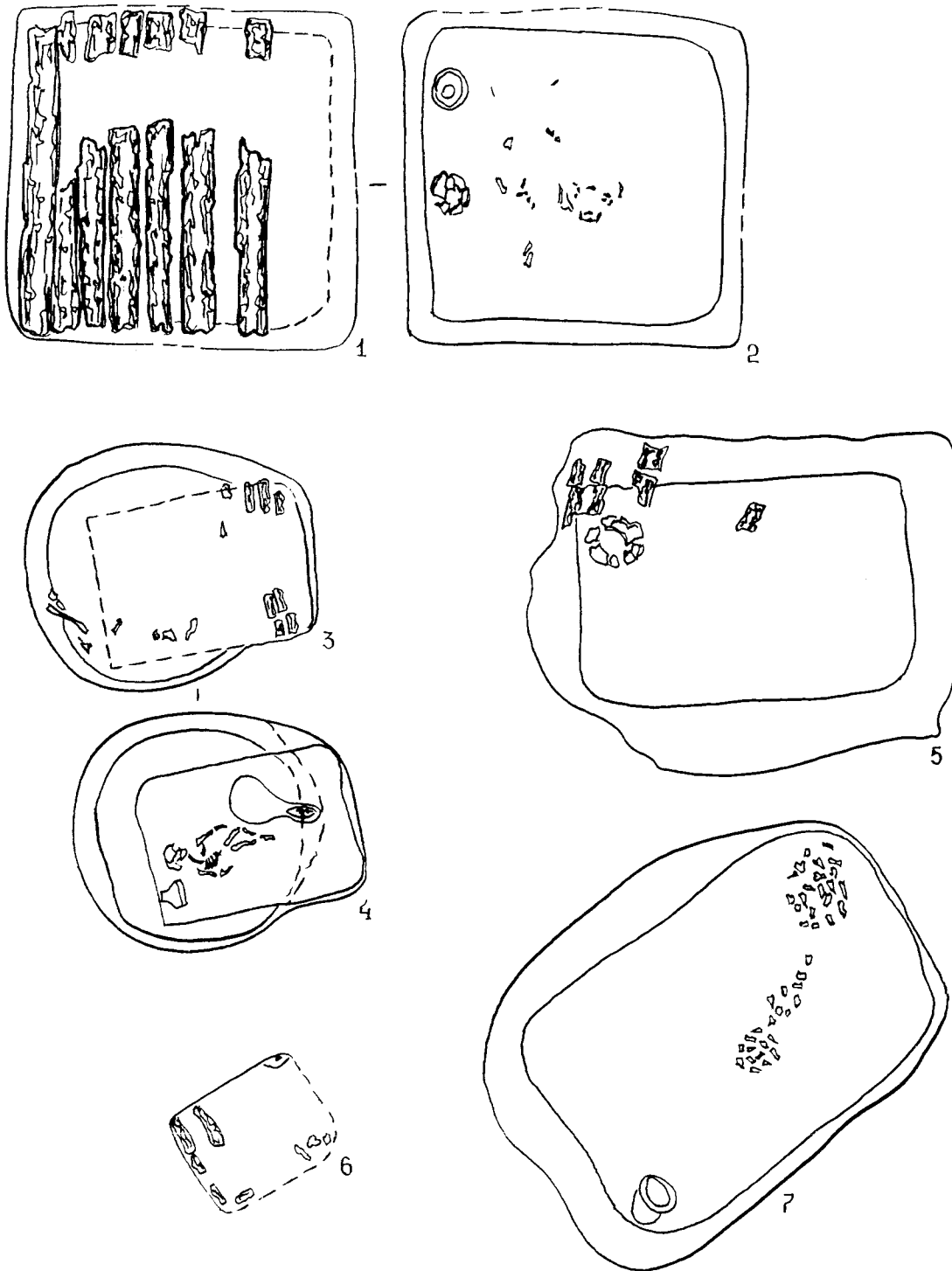

Рис. 46. Планы могил. Кадат IX: 1, 2 - мог. 3;
3, 4 - мог. 5; 5 - мог. 4; 6 - мог. 2;
7 - мог. 1

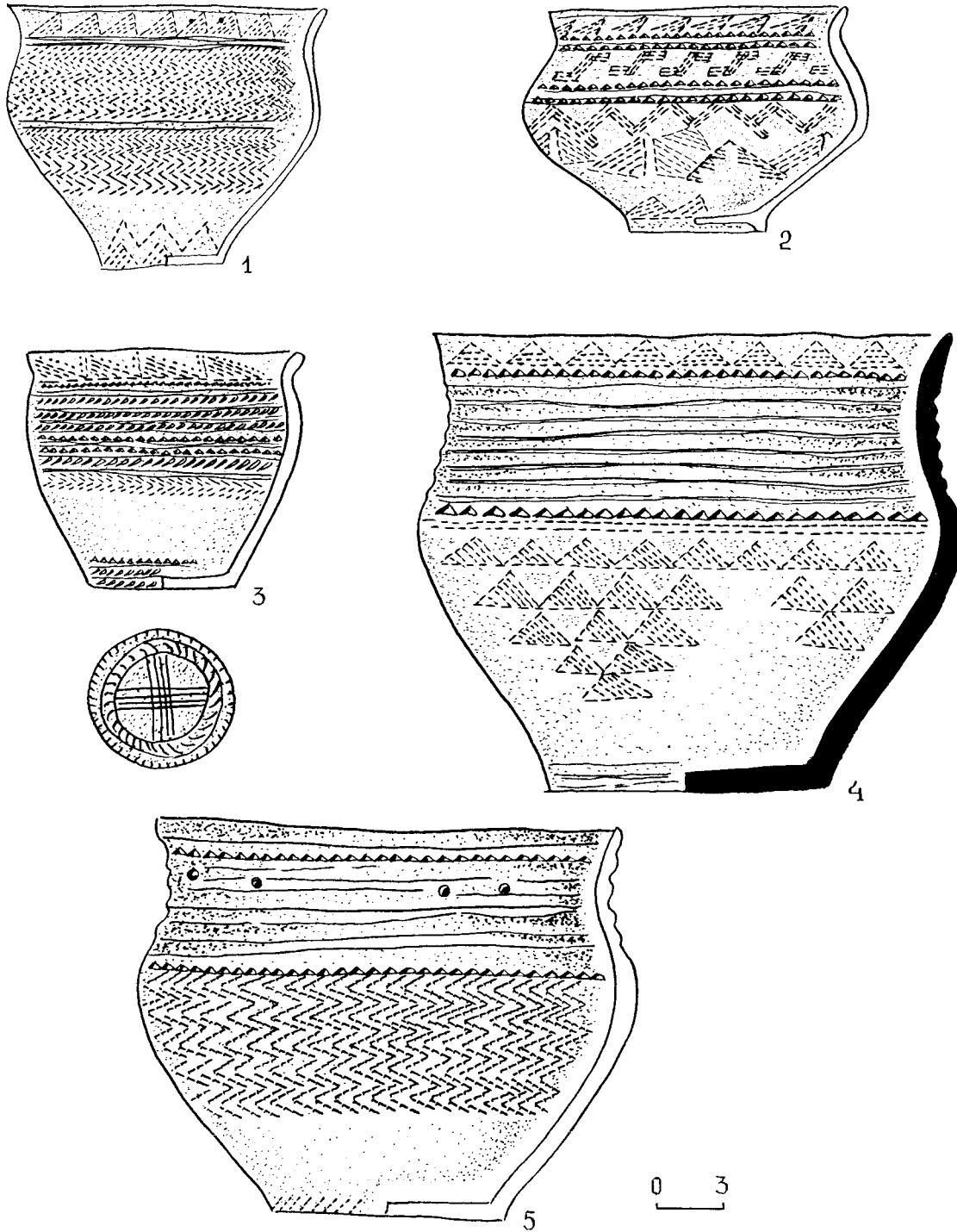

Рис.47. Кадат IX. Сосуды: 1 - мог.4; 2 - мог.2;
3,4 - мог.3; 5 - мог.1

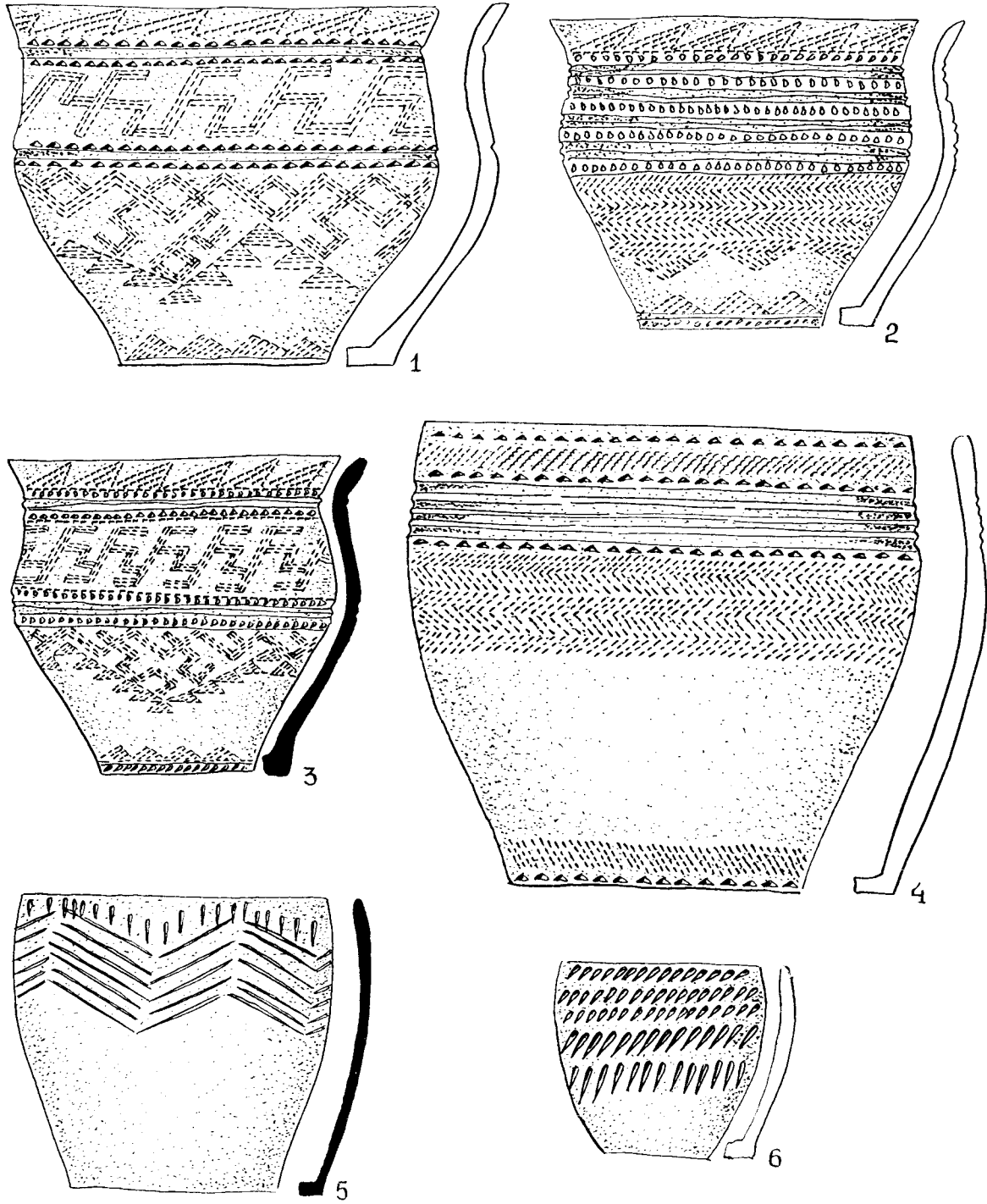

Рис. 48. Сосуды из Большепичугинского
могильника

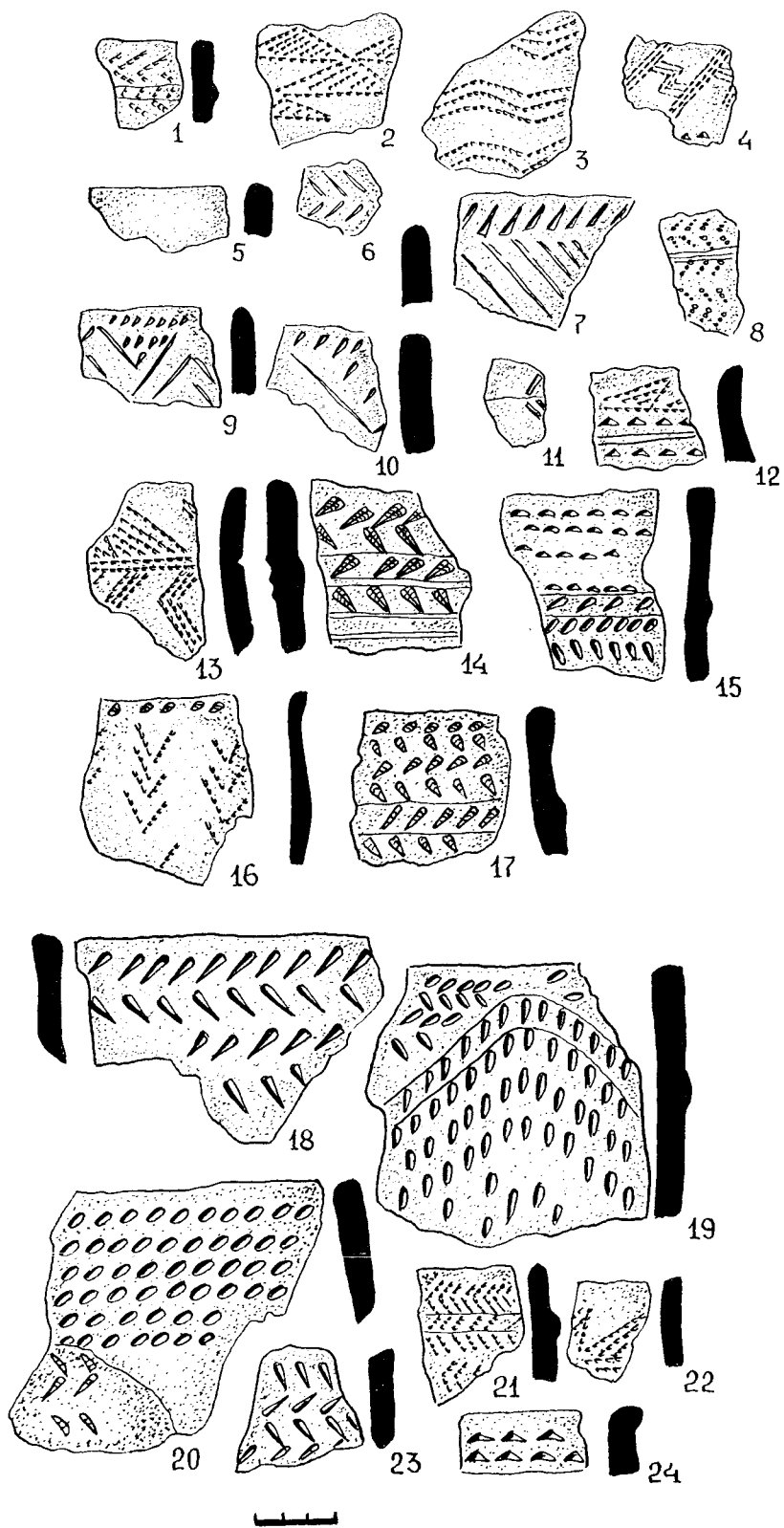

Рис. 49. Фрагменты сосудов
поселения Обьюл

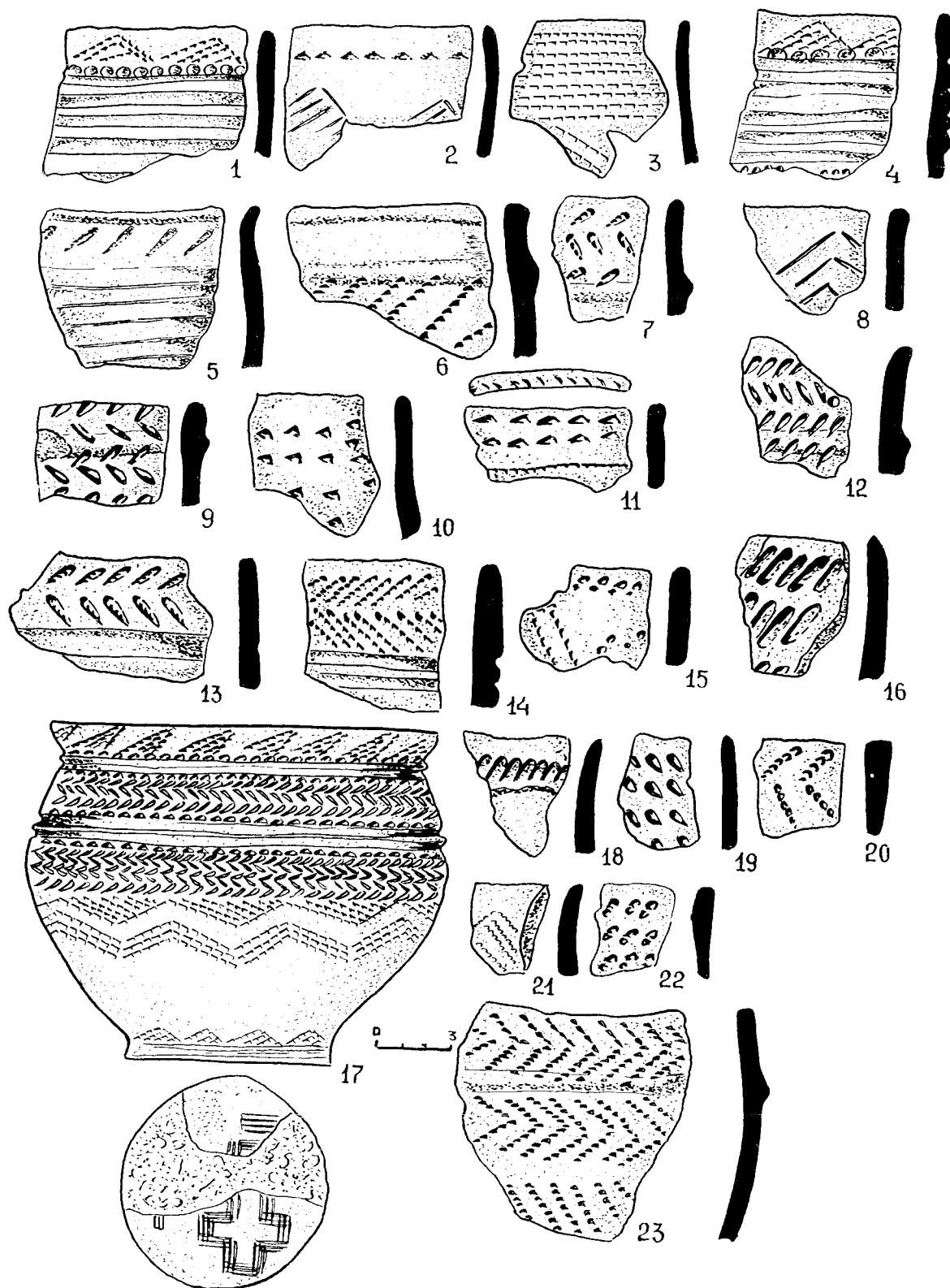

Рис. 50. Фрагменты сосудов
поселения Березовский Ручей

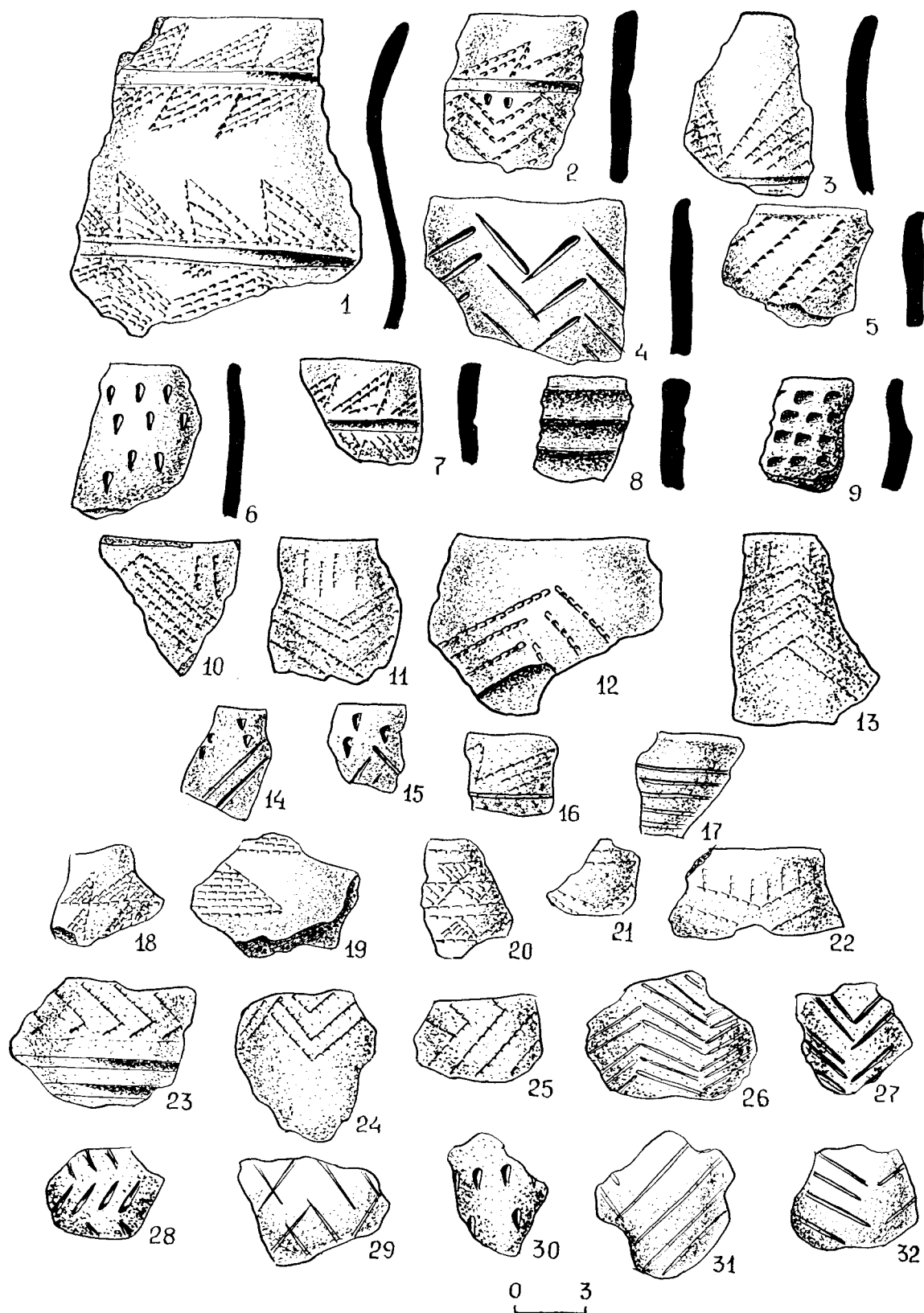

Рис. 5I. Фрагменты сосудов поселения Песчаное Озеро

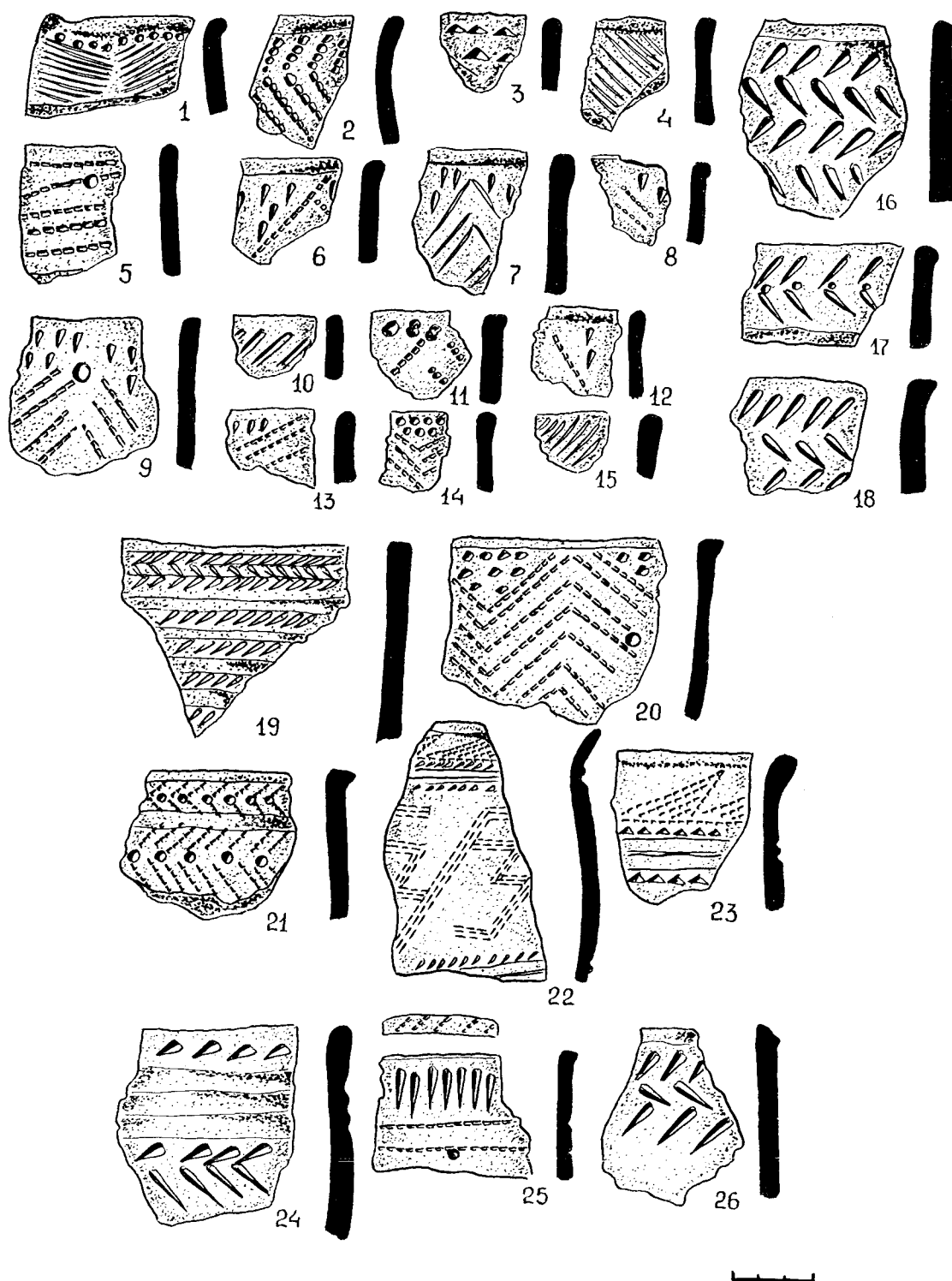

Рис. 52. Фрагменты сосудов: 1-15 - поселение
Надунка II; 16-26 - поселение Тамбар

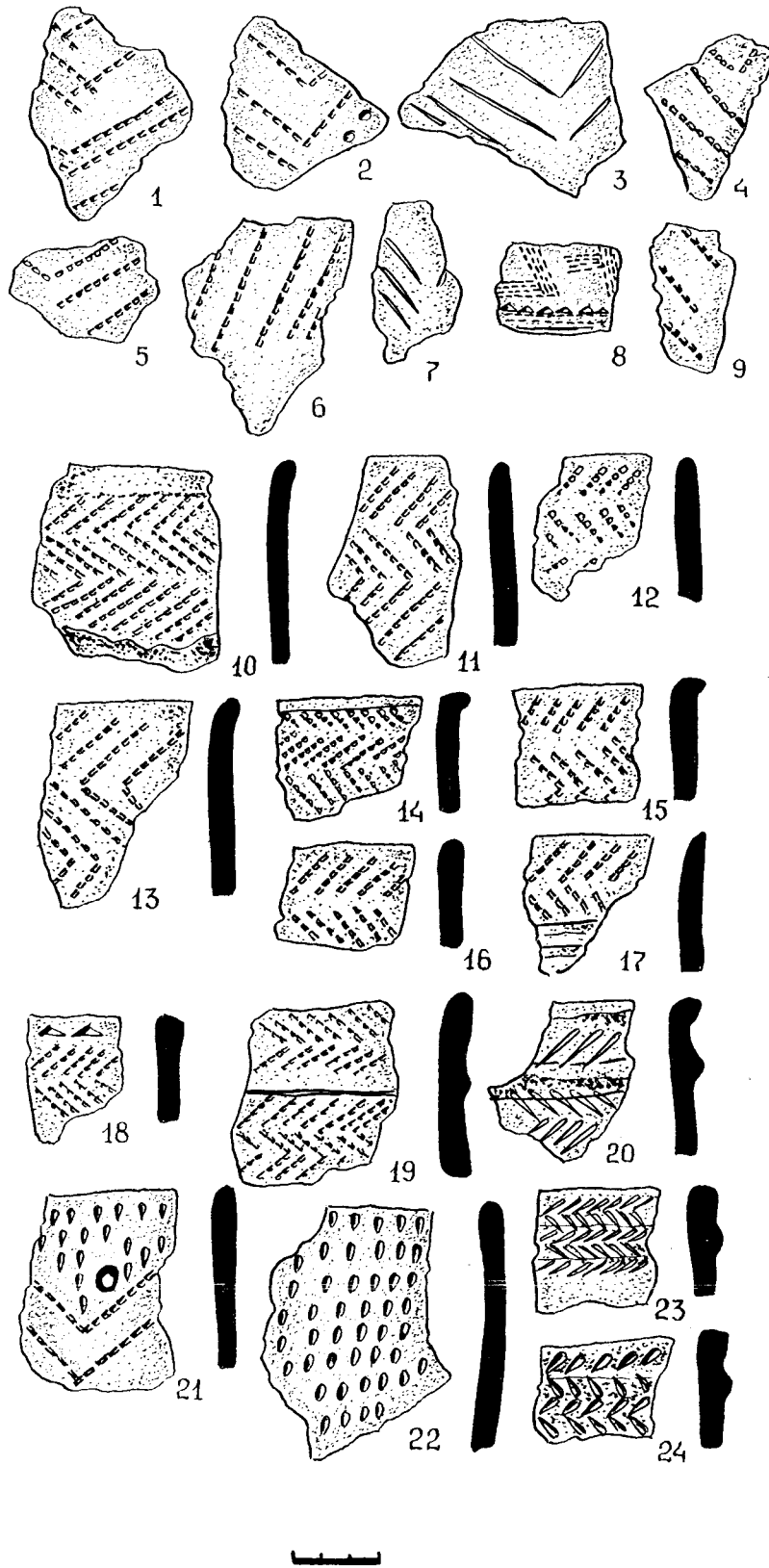

Рис.53. Фрагменты сосудов: 1-9 - поселение Падунка II; 10-24 - поселение Тамбар

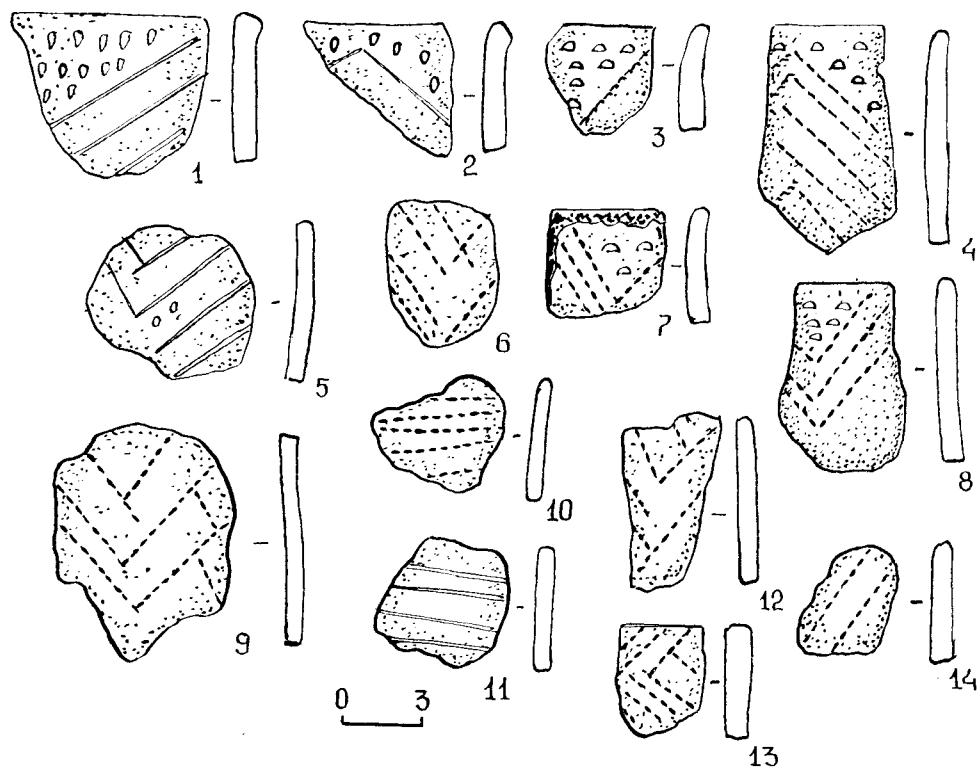

Рис. 54. Фрагменты сосудов поселения Школьный

№	памятник		Урекый	Митово	Манай	Васьюво	Большое Печегно	Мягай- ловка	Кадап	Ампыл
	мотив									
1			••••• •••••	••••• •••••	••••	••	••••• •••••	•	••	
2			••••						•	
3			••••	•	••••• •••••	••	•		•	•
4			•••••							
5			•	•						
6				•••••						••
7			••				•			
8			•				•			
9				•						
10									•	
11	Без орнамента		•	•						

Рис.55. Мотивы орнамента на венчиках
горшковицных сосудов
Обь-Чулымья

№	памятник									
	мотив	Брский	Митово	Манай	Васьково	большое Пичино	Михай- ловка	Жабот	Анныл	
1			••		•			•		
2		••								
3			•							
4			••							
5		•••••	•••••	•••••		•••••	•	•••••	•••••	
6		•				•				
7		•••	•••••	•••••					3	
8		•	•	•	•	•				
9		•				••			2	
10		•	•			••				
11		•								
12		•							1	
13		•	•							
14		•	•					•		
15		•••••	••							
16		•••	•••••							
17		•••	•••		•					
18		•	•							
19		•	•							

Рис. 56. Мотивы орнамента на плечиках горшковидных сосудов Обь-Чулымья: 1 - несомкнутые меандровые мотивы; 2 - частично несомкнутые меандровые мотивы; 3 - сомкнутые меандровые мотивы

№	памятник		Урсуги	Митобо	Манай	Вагыбо	Большое Пичугино	Михай- лодка	Кабат	Ашыл
	мотив									
1			•	•	•				•	
2		•••••	•••••		••	••				
3		•		••						
4		•••••	•••••	•••••		•••••	••			
5			•			••				
6		•••••	•••••	••						
7		•	•			•				
8			•							
9			•							
10		••	••	•		••••	•			
11		•				•				
12		•••••	•••••		•			•		
13		•••••	•••••	•••••	•	•••••		••••	••••	
14					•	••				
15			•							
16		•	••				•••			
17				•						
18		•								

Рис. 57. Мотивы орнамента на тулове горшковидных сосудов Обь-Чулымья

№	Мотив	памятник							
		Уркиги	Митобо	Манай	Васьюбо	Большое Пичугино	Михай- лобка	Кадам	Анна
1									
2									
3									
4									
5									
6									
7									

Рис. 58. Мотивы орнамента в придонной части
горшковидных сосудов Обь-Чулымья

регион мотив		Кузнецкая	Минусинская	Алтай	Тараба
		котловина	котловина		
ВЕНЧИК		13	19	7	2
		11	7	4	2
		6	10	4	6
		6	5	1	1
		8	9	7	1
		2	4	9	2
ПЛЕЧИКО		19	24	8	12
		14	7	8	5
		1	1	9	6
		17	24	9	8
		18	9	4	6
ТУЛОВО		21	12	7	6
	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО УЧТЕННЫХ СОСУДОВ	73	94	53	54

ЧАСТО (>15%)

БЫТЧЕТ (15-5%)

РЕДКО (<5%)

Рис. 59. Сравнительная таблица орнаментальных мотивов по регионам

комплекс	венчик	плечико	тулово	придон- ная часть	погре- бенный
Соленоозерная I м.4					♀
Лристань I огр.7 м.8					ребенок
Лристань I огр.7 м.4					♀
Лристань I огр.7 м.2					взрослый
Сухое озеро I к.468 м.1					♂
Сухое озеро I к.94 м					взрослый
Сухое озеро к.430 м.3					ребенок
Сухое озеро I к.430 м.7					♀
Сухое озеро к.97					взрослый
Сухое озеро к.440 м.2					ребенок
Сухое озеро к.440 м.1					взрослый
Орак м.38					♀
Орак м.1					♀
Орак м.23					ребенок
Васьково-5 к.1 м.2					♀
Преображенка-3 м.21					♀
Васьково-5 к.2 м.1					взрослый

Рис.60. Половозрастная символика в орнаментации венчика горшковидных сосудов

Комплекс	погранный	мотив	тип сосуда
ЕК II м.49	♀		банка
ЕК II м.60	ребенок		банка
Орак м.22	ребенок		банка
Орак м.26	ребенок		банка
Орак м.28	ребенок		банка
Орак м.35 п.1	♂		банка
Орак м.38	♀		горшок
Соленоозерная I м.4	♀		горшок
Новая Черная III м.18	ребенок		банка
Змеевка к.1 п. II	ребенок		банка
Змеевка к.2 п. III	ребенок		банка
Змеевка к.3 п. IV	ребенок		банка
Митобо к.Н.м.	♀ и ребенок		2 ^e банки
Митобо мкп.1	♀ и ребенок		2 ^e банки
Митобо к.5 м.5 п.1	♀		горшок
Заречное к.9 п.11	ребенок		банка
Заречное к.12 п.1	ребенок		банка
Заречное к.9 п.6	ребенок		банка
Заречное к.9 п.10	ребенок		банка
Заречное к.12 п.2	ребенок		банка
Заречное к.4 п.5	ребенок		банка
Орак м.20	ребенок		банка

Рис. 61. Половозрастная символика в орнаментации горшкови́дных и баночных сосудов

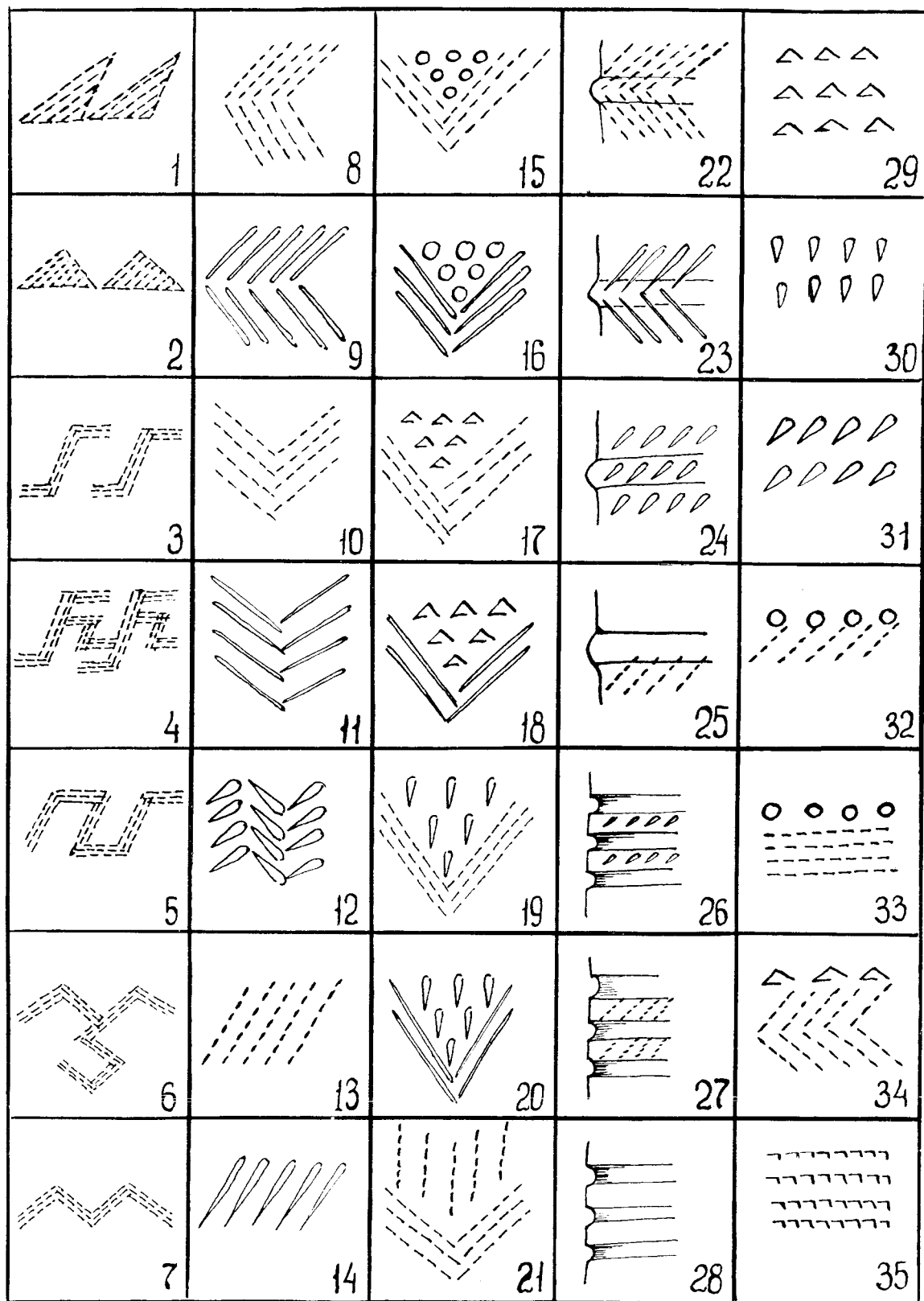

Рис. 62. Мотивы орнамента на поселенческой посуде

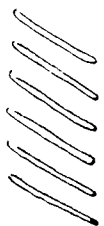

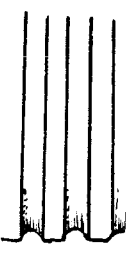
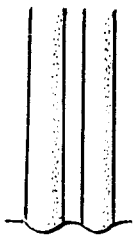
Техника нанесения орнаментации	Тамбар		Амкыл		Лесчане озера		Березобскити озучей		Школьное	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
	401	55	314	56	186	64	48	31	75	55
	116	16	132	23	74	25	23	15	43	31
	64	9	55	10	13	5	41	27		
	80	10	25	4	8	3	21	14	18	14
	28	4	16	3	6	3	12	8		
	44	6	21	4			9	5		

Рис. 63. Количественные данные по технике нанесения орнаментации на поселенческой посуде Обь-Чулымья

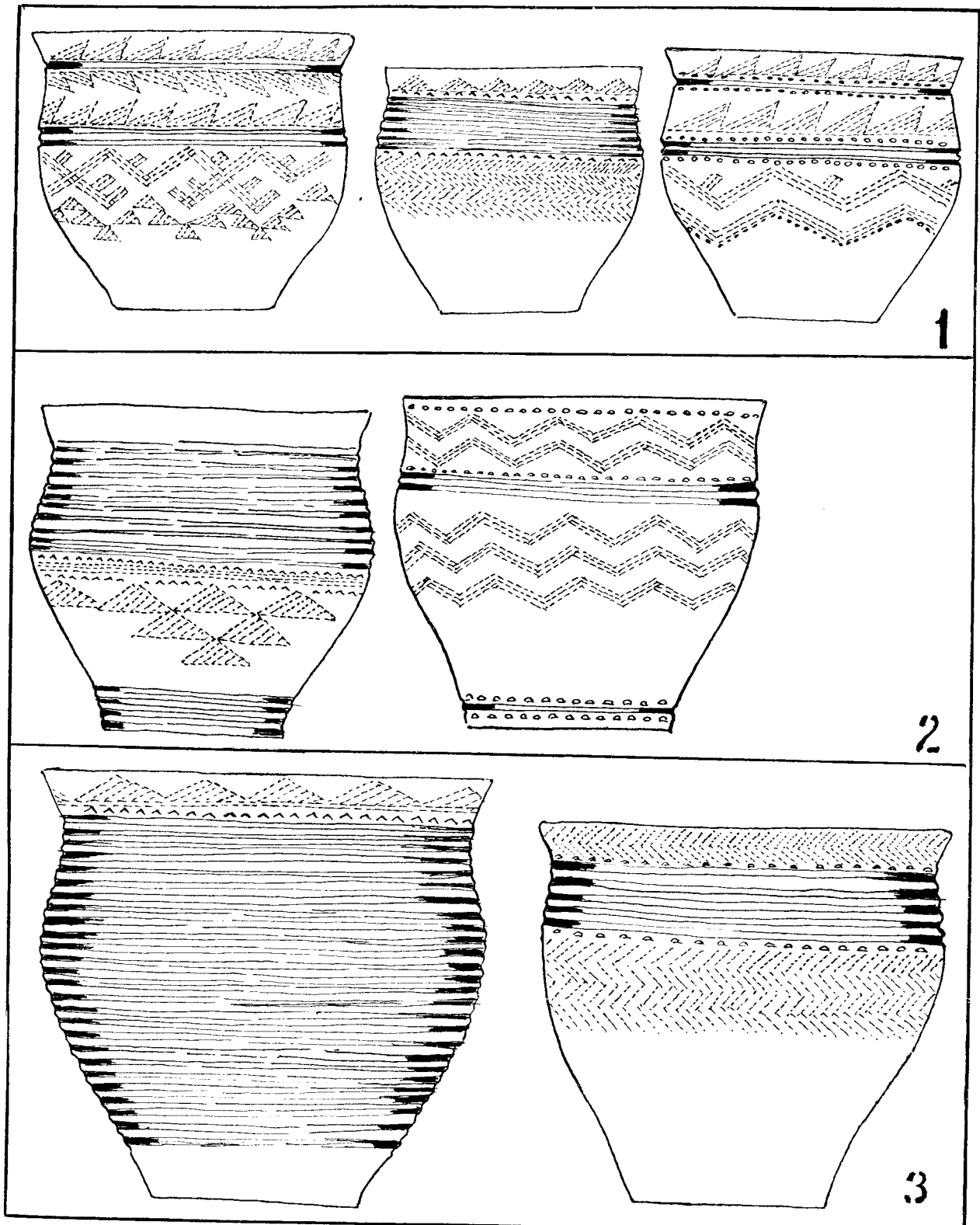

Рис.64. Варианты построения орнаментальной композиции на горшковидных сосудах

КОМПЛЕКС	кол-во бревен в перекрытии	погребенный	КОМПЛЕКС	кол-во бревен в перекрытии	погребенный
Андронидо м.1	5	взрослый	Васьково 5 к.1 м.3	7	взрослый?
Сухое Озеро к.130с. А м.6	5	♂	Васьково 5 к.2 м.	5	взрослый
Сухое Озеро к.16 м.1	5	взрослый	Манай I к.7 м.1	2	созжжение
Батени-Юки I м.9	5	♂	Манай I к.7 м.1	7	созжжение
Батени-Юки I м.10	5?	взрослый	Манай I к.7 м.2	5	созжжение
Каменка I оф. 24 м.1	5	♀	Манай I к.7 м.3	5	созжжение
Каменка I оф. 24 м.2	7	♂	Манай I к.7 м.4	6	созжжение
Каменка I оф. 24 м.3	6	♀ и ребенок	Манай I к.10 м.2	7	созжжение
Ланин лог к.1 м.1	5	созжжение	Манай I к.10 м.3	7	созжжение
Ланин лог к.1 м.3	7	созжжение	Манай I к.10 м.4	7	созжжение
Ланин лог к.2 м.1	3	ребенок	Митово к.1 м.	8	созжжение
Ланин лог к.1 м.4	6	созжжение	Митово к.2 м.	7	созжжение
Васьково 5 к.1 м.2	5	♂ ♀	Митово к.4 м.	5	♂

Рис. 65. Особенности сооружения перекрытия в погребальных комплексах андроновских могильников Южной Сибири (учитывались могильники, в которых использовался только один тип перекрытия — поперечное)

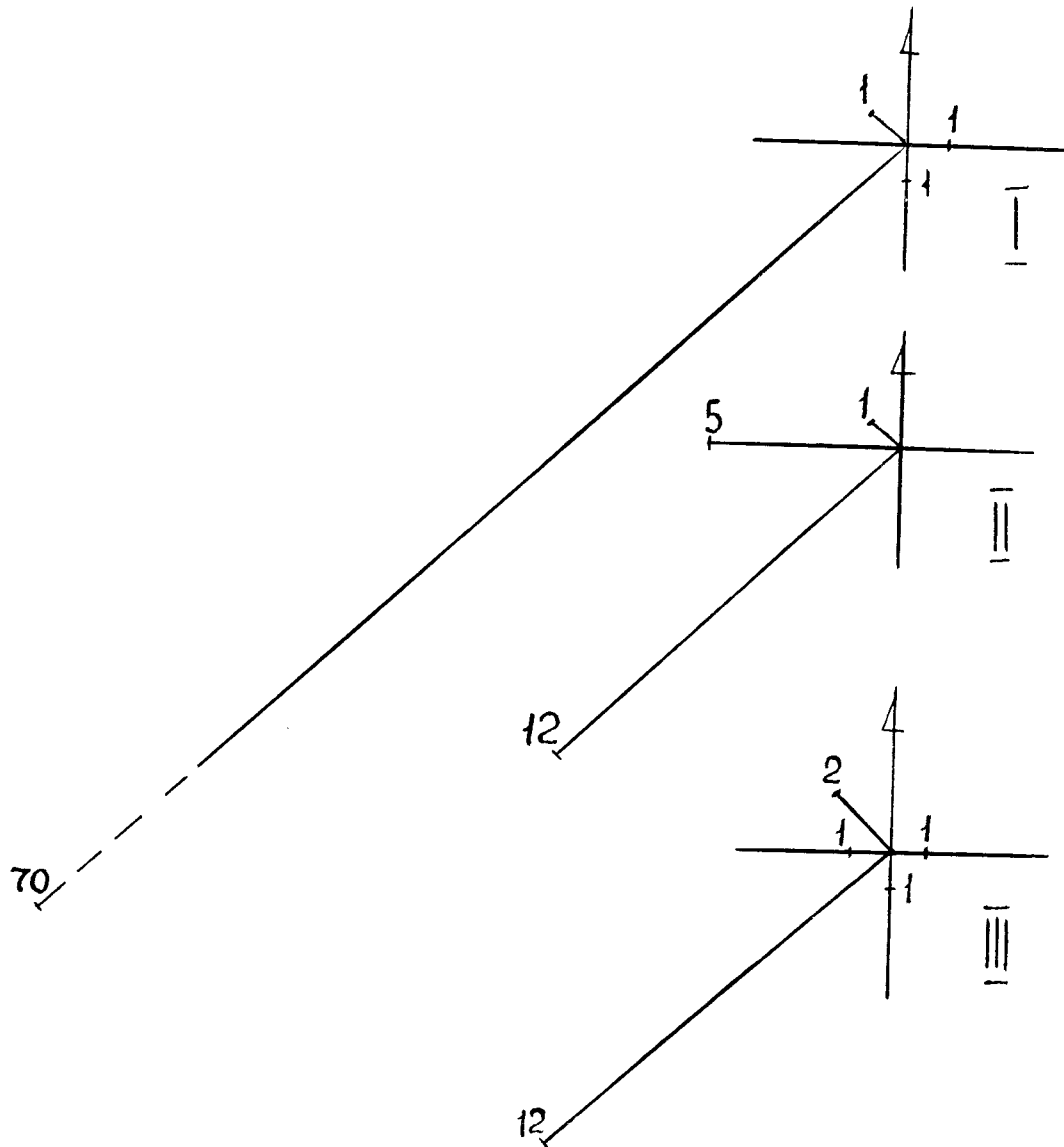

Рис.66. Орнаментация погребенных в андроновских могильниках Обь-Чулымья: I - могильники Урский, Титово, Васьково-5, Танай-I; 2 - Ашпыл, Кадат IX, Большое Пичугино, Михайловка; 3 - детский могильник Заречное-I

ПРИЗНАК КОМПЛЕКС			грунтобая яма с деревян- ной конст- рукцией	грунтобая яма без каких-ли- бо соору- жения	камен- ная ог- рада
Урский к.1 м.1	+		+		
Урский к.4 м.2	+		+		
Урский к.7 м.2	+		+		
Урский к.11 м.1	+ +		+		
Урский к.11 м.2	+	+	+		
Урский к.13 м.1	+		+		
Васьково-5 к.1 м.1	-		-		
Васьково-5 к.2 м.	-		-		
Кадаш IX м.3	+		+		
Митово к.5 м.5	- - -			-	
Митово к.8 м.1	-			-	
Митово к.8 м.2	-			-	
Манай-1 к.7 м.2		+	+		+
Манай-1 к.7 м.3		+	+		+
Манай-1 к.10 м.1		+	+		+
Митово к.1 м.	+		+		

Рис. 67. Распределение вариантов орнаментального мотива "пирамидка из треугольников" в погребальных комплексах Обь-Чулымья: "+" - кремация, "-" - ингумация

признак комплекс		дере- вянная конст- рукция		камен- ная конст- рукция
Ланин лог м.1	+	+		
Ланин лог м.2	+	+		
Подкунинский к.2 м.	+	+		
Подкунинский к.4 м.	+	+		
Каменка II огр.24 м.2	-	-		
Андроново м.1	-	-		
Андроново м.2		-	-	
Андроново м.4	-	-		
Орак м.12	-	-		
Орак м.22	-	-		-
Орак м.23	-			-
Орак м.29	-			-
* Орак м.40	-	-		-
* Ябал таг м.2	-	-		-
* Орак м.1		-	-	-
Усть-Ерба	-			-
Усть-Ерба	-			-
Усть-Ерба	-			-
Ярки II (1926г) м.7	-	-		-
	-			-
Новая Черная к.2 м.	-			-
Пристань I м.2	-			-
Пристань I м.4			-	-
Сухое озеро к.2 м			-	-
Сухое озеро к.243 м.			-	-
Сухое озеро к.413 м.			-	-
Сухое озеро к.430 м.4			-	-
Сухое озеро к.29 м.			-	-
Сухое озеро к.1 м.			-	-
Сухое озеро к.430 м.6	-	-		

Рис.68. Распределение вариантов орнаментального мотива "пирамидка из треугольников" в погребальных комплексах Минусинской котловины: "+" - кремация, "-" - ингумация, ж - погребения, в которых для сооружения внутримогильных конструкций использовались камень и дерево

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	2-9
ГЛАВА I. Памятники андроновской культуры в Обь-Чулымском междуречье	9-45
ГЛАВА II. Погребальные сооружения и обряд	45-58
ГЛАВА III. Характеристика андроновской материальной культуры Обь-Чулымья	58-87
ГЛАВА IV. Общее и особенное андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья	87-103
ГЛАВА V. Хронология андроновской культуры в восточных районах Западной Сибири	103-120
ЛИТЕРАТУРА	120-129
РИСУНКИ (I - 68)	130-197

ПЕЧАТАЕТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С РЕШЕНИЕМ РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО
СОВЕТА КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТ 9.02.89г.